

СКАЗЫ
О ЧАПАЕВЕ

СКАЗЫ О ЧАПАЕВЕ

*Составление,
предисловие и комментарии
Т. М. Акимовой*

САРАТОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1951

НАРОДНЫЙ ГЕРОЙ В. И. ЧАПАЕВ

В 1908 году в статье «Разрушение личности» А. М. Горький писал:

«Лучшие произведения великих поэтов всех стран почерпнуты из сокровищницы коллективного творчества народа, где уже издревле даны все поэтические обобщения, все прославленные образы и типы.

Ревнивец Отелло, лишенный воли Гамлет и распутный Дон-Жуан — все эти типы созданы народом прежде Шекспира и Байрона, испанцы пели в своих песнях «Жизнь есть сон» раньше Кальдерона, а магометане-мавры говорили это раньше испанцев, рыцарство было осмеяно в народных сказках раньше Сервантеса и так же зло и так же грустно, как у него... Искусство — во власти индивидуума, к творчеству способен только коллектив. Зевса создал народ, Фидий воплотил его в мрамор.

Сама по себе, вне связи с коллективом, вне круга какой-либо широкой, объединяющей людей идеи, индивидуальность инертна, консервативна и враждебна развитию жизни...»¹

В советской действительности взаимоотношения литературы и устного народно-поэтического творчества стали иными, чем они были в то время, к которому относятся слова Горького. И все же основное положение Горького сохраняет свою силу и в наших условиях. Ярким примером охарактеризованной Горьким связи литературного образа с устно-поэтическим являются различные произведения, посвященные народному герою Гражданской войны — Василию Ивановичу Чапаеву.

В поэтическом облике народного героя авторы различных произведений о нем показывают, как в условиях социалистического общества, когда освобожденные от экономического и духовного гнёта трудящиеся массы смогли выдвинуть из своей среды талантливых людей, раскрылась богато одаренная натура Чапаева. Поэтический образ Чапаева, как и его исторический прототип, свидетельствуют о том, что народ, сбросивший иго капитализма, способен проявить чудеса героизма в борьбе за защиту социалистического отечества. В героическом

¹ Горький. Литературно-критические статьи. М. 1937, стр. 32.

мородке воплотились лучшие черты русского народа: «ясный ум, стойкий характер и терпение»¹.

Таково главное содержание поэтического образа любимого народного героя. Такие черты подчеркнули в нем авторы в своих произведениях.

Первоначально поэтический образ Чапаева был создан в народном представлении и запечатлелся в сказах и легендах, которые начали слагаться еще при его жизни. Это были первые зарисовки облика славного командира. Существование их в ту пору отмечают участники Гражданской войны, исторические документы. Так, комиссар бригады Чапаева писатель Д. А. Фурманов утверждает, что он еще до встречи с Чапаевым слышал много рассказов о нем от крестьян, красноармейцев и других лиц. Некоторые из этих рассказов он приводит в своих дневниковых записях и в повести.

Созданные в годы Гражданской войны сказы о Чапаеве продолжали сохраняться в народе, многие создавались вновь. Широко известны они и до настоящего времени. В нашем сборнике приведены записи 30-х и 40-х годов. Многие из них тематически и сюжетно совпадают с теми, которые были известны Фурманову в 1919 году и которые он передает в повести устами Чапаева или других героев.

¹ И. В. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М. 1945, 190.

Современные сказы о Чапаеве не вполне однородны по содержанию и стилю. В них можно встретить субъективные оценки исторических событий тех лет и деятельности Чапаева, а изредка и совершенно противоречивые точки зрения на одни и те же вопросы. В некоторых сказках однородной тематики можно наблюдать разногласия в деталях отдельных эпизодов, в датировках и других частностях. В гораздо меньшей степени эти разногласия наблюдаются в суждениях и оценках, касающихся облика самого героя. Различные точки зрения нам приходилось слышать только относительно уровня общего образования Чапаева и политической его подготовки.

В основном же своем содержании сказы удивительно единодушны. Все они подчеркивают одни и те же положительные качества Чапаева. Талантливый командир-самородок и тактик Гражданской войны, В. И. Чапаев рисуется в них смелым и решительным человеком, умеющим найти выход из самого затруднительного положения. В отношениях с подчиненными он предстает как волевой и умный командир, который умел держать своих бойцов в руках, требуя от них беспрекословного соблюдения воинской дисциплины. И вместе с тем он был для них отцом, товарищем, другом. Сказы характеризуют Чапаева героем, выросшим в огне Революции и Гражданской войны, верным сыном Родины, беззаветно преданным делу партии Ленина—Сталина, готовым от-

дать и отдавшим за него не только все свои силы, но и жизнь.

Образ славного командира 25-й дивизии в сказах сложился на основании подлинной действительности и вполне реалистичен. Все сказы сходятся в высокой оценке морального облика Чапаева, рисуя его человеком ясного ума, сильной воли и цельного характера. Таким он предстает перед нами в боевых эпизодах, в отношениях с бойцами и командирами Красной Армии и в отношении к населению.

Не трудно заметить в сказах стремление к наибольшей исторической точности, но они заботятся не о документальности в воспроизведении отдельных боевых операций Чапаева, или своеобразия его тактических маневров, а о том, чтобы дать обобщенный образ народного героя в его главных чертах. И вместе с тем сказы часто рисуют такие конкретные эпизоды и факты его боевой походной жизни, которых не найти в документах.

Правда, изредка, у некоторых рассказчиков, можно наблюдать желание выйти из рамок реализма и придать образу Чапаева черты легендарности, показать народного героя в поединке с белым полковником или генералом, которых он без всякого труда одолевает. В других случаях рассказывается о поездках Чапаева с небольшим отрядом в глубокий тыл врага, которые опять-таки завершаются легко и просто блестящей

победой героя. Но таких сказов немного, и не они характеризуют основной метод повествования. В большинстве своем сказы вполне реалистичны. Народ сумел в них правильно оценить своего героя и его дела.

И. В. Сталин, анализируя причины побед Красной Армии в Гражданской войне — в войне с внешними и внутренними врагами революции, среди других факторов отмечает и то, что «в ее рядах боролись такие герои-самородки, как Котовский, Чапаев, Лазо, Щорс, Пархоменко и многие другие»¹.

При всей конкретности и яркости сказов, их нельзя назвать законченными художественными произведениями. В них как бы рассыпаны отдельные элементы художественного изображения чапаевской эпопеи или яркие афоризмы и призывы Чапаева, иногда типичные черты его характера.

В полном соответствии с внутренним миром героя характеризуется в сказах своеобразная речь Чапаева — живая, яркая и лаконичная, с фольклорными образами и оборотами. Особенно часто звучит боевой призыв Чапаева: «Вперед! Назад ни шагу!» или: «Вперед! Чапаевцы не отстают!»

Сказы характеризуются своеобразной лирической окраской, которая также приближает их к художественным произведениям. Лирическая нотка звучит, главным образом, в отношении рассказчика к герою. В каждом

¹ «История ВКП(б)». Краткий курс, стр. 234.

сказе проявлена большая любовь народа к своей родной Красной Армии, надежной опоре и защитнице его интересов от интервентов и белогвардейщины.

«В русских деревнях, — писал Чапаев в одном из донесений, — Красную Армию встречали со звоном колоколов». Вот это-то любовно-родственное отношение народа к первым защитникам Советского государства и проявляется в эмоциональной окраске сказов о них.

Сказы о Чапаеве стоят как бы на грани фольклора, сближаясь некоторыми сторонами с народно-поэтическими произведениями. Некоторые из них обладают и чисто фольклорным качеством — вариантностью. Таковы, например, сказы о поездке Чапаева на машине в разведку, о поединке с полковником или генералом белоказаков, о ранении Чапаева под Уфой, о покушении на него в Семенихе, об экзамене в Академии и некоторые другие.

Помимо реалистических сказов о Чапаеве, создавалось и много легенд о нем. В настоящее время их не рассказывают, и только иногда можно кое-где услышать какую-нибудь легенду. Создавались они, по свидетельству чапаевцев, чаще всего в стане белоказаков, смертельный ужас которых перед красным командиром отразился в легендах о его неуязвимости, и в религиозно настроенной среде, особенно среди женщин, а также у казахов и других, ранее отсталых, народов юго-востока. Вскоре после гибели Чапаева в

отрядах Красной Армии были созданы легенды о том, что Чапаев не умер, не погиб. На эту тему создано было много и реалистических сказов.

Реалистические сказы никогда не сочетаются с легендами. В развитии наших сказов о Чапаеве можно наблюдать движение, обратное тому, которое принято считать обычным в развитии старых преданий. Если старые предания от подлинно-исторического содержания развивались в направлении к легенде и фантастике, то сказы о Чапаеве развиваются скорее обратным путем.

Легенды, наряду с реалистическими сказами, создавались при жизни Чапаева или вскоре после его гибели. Впоследствии же чапаевская эпопея все больше проверялась и уточнялась народом. В настоящее время сказы совсем не выходят за рамки реалистического повествования. В этом сказался и рост сознания советского народа, повышение его политического уровня, расширение кругозора.

* * *

В 1923 году появилась книга Фурманова «Чапаев». Талантливый писатель-большевик, лично знавший Чапаева, воевавший с ним бок о бок и оказавший на него большое воспитательное воздействие, создал образ славного комдива во всей полноте и оригинальности. Он представил его не только со стороны блестящего

боевого подвига, но и в суровых буднях Гражданской войны.

Из повести хорошо видно, как в условиях социалистической революции вырос народный герой из фельдфебеля царской армии, как развились все его природные дарования, как крепло в нем социалистическое сознание и качество командира нового типа.

Нарисовав рядом с Чапаевым образ комиссара Клычкова, Фурманов показал, какое огромное политическое воздействие оказала на восприимчивую натуру Чапаева партия большевиков. Образ Чапаева осложнен в повести еще и тем, что и сам комиссар Клычков показан в росте.

Чапаев Фурманова отличается от Чапаева-героя народных сказов. Это отличие заключается прежде всего в том, что Фурманов вывел в повести народного героя не изолировано, а в тесном общении с героической массой красноармейцев, в их совместной борьбе за молодую Советскую республику. Образ легендарного командира не заслоняет героизма красноармейской массы. Писатель сумел избежать той односторонности в обрисовке Чапаева, которая характерна для многих сказов. Безвестные авторы рисуют Чапаева чаще всего только крупным планом, мало уделяют внимания роли и значению его соратников и в некоторых случаях, естественно, впадают в преувеличение, отступают от реализма.

На первый взгляд может показаться, что Фурманов создавал образ Чапаева только на основе тех сведений и впечатлений, которые он получил во время полугодового общения с прославленным командиром 25-й дивизии. Но это не так. Фурманов широко использовал и бытовавшие в ту пору сказы. Так, он приводит в повести несколько сказов, которые Клычков слышал еще до знакомства с Чапаевым от извозчика Гриши, а также некоторые рассказы в передаче самого Чапаева. Эти сюжеты широко известны в памяти народа до настоящего времени¹.

Как видно, Фурманов не только знал, слышал многие сказы о Чапаеве, но и широко использовал их в своей повести. Необходимо лишь отметить, что, работая над книгой, он обращался исключительно к сказам реалистического содержания и совершенно не принимал той идеализации народного героя, которая свойственна некоторым устно-поэтическим произведениям того времени.

В годы Гражданской войны среди части красноармейцев и в отдельных группах крестьян были еще живы наивные представления о том, как герой Чапаев один, самолично расправляется с врагом. Такие пре-

¹ См. наши сказы о том, как Чапаев заехал по ошибке в село, занятое чехами, о том, как он стремился всегда поднять боевой дух в бойцах в трудную минуту, и другие.

увеличенные рассказы Фурманов называет «молвой», «слухами», легендами, которые могут служить лишь материалом, подлежащим критике и творческой переработке. Фурманов показал Чапаева в росте, в развитии, народные же сказы рисуют статический образ героя, дают ему лишь итоговую оценку.

Но каковы бы ни были различия между повестью и сказами о Чапаеве, одно неоспоримо: основные очертания образа народного героя в них, характеристика боевых качеств Чапаева, его моральный облик и т. д. — совершенно совпадают. И дело здесь не только в том, что повесть и сказы в одинаковой мере базировались на одних и тех же жизненных явлениях, но еще и в том, что писатель творчески учел и развил народное понимание и оценку народом славного полководца.

«Чапаев» Фурманова — одна из первых образцовых повестей советской литературы, созданных методом социалистического реализма, и вполне понятно, что она не могла не оказать влияния на устно-поэтическое творчество. Изучая сказы, нетрудно заметить, что участники чапаевских походов и другие советские люди, рассказывающие о Чапаеве, не только читали эту книгу, но и старались проверить и уточнить по ней свои впечатления и сведения о нем.

Влияние Фурманова сказалось не столько в том, что в сказы перешли из повести отдельные мотивы и эпизоды, сколько в приближении сказителей к правильному

пониманию исторических событий и роли народного героя в них. Сюжетно-тематический состав сказов, значительно расходящийся с фабулой повести «Чапаев», остался прежним.

* * *

В 1934 году на основе повести Фурманова режиссерами Васильевыми был создан прекрасный фильм о Чапаеве. Этот фильм завоевал себе горячие симпатии советского зрителя и с успехом шел за границей. Значение его прекрасно выразил товарищ Сталин.

В своем приветствии работникам советской кинематографии в день их пятнадцатилетия — 11 января 1935 года товарищ Сталин писал:

«Советская власть ждет от вас новых успехов, — новых фильм, прославляющих подобно «Чапаеву» величие исторических дел борьбы за власть рабочих и крестьян Советского Союза, мобилизующих на выполнение новых задач и напоминающих как о достижениях, так и о трудностях социалистической стройки»¹.

Фильм о Чапаеве, посвященный изображению народного героя и его борьбе за утверждение нового социалистического строя, стал произведением этапным и сыграл огромную роль в дальнейшем развитии советского киноискусства.

Исключительное впечатление произвел он на народные массы Саратовской области, особенно в Завол-

¹ «Правда», 11 января, 1935 г.

жье, — на людей, лично знавших Чапаева и воевавших вместе с ним. Бывший боец чапаевской дивизии Н. Д. Вирасов говорит, что он три раза смотрел картину «Чапаев» и она так всколыхнула давно перечувствованное и пережитое им, что он плакал. Впечатления от кинофильма отложились и на его сказах.

Другие рассказчики, соглашаясь с образом Чапаева каким он предстал на экране, возражали против некоторых отступлений в характере пейзажа и бытовых деталей. Но все понимали, что это частности.

История художественного образа Чапаева на этом не прерывается. О Чапаеве написаны и драматические произведения, и поэмы, и повести, и рассказы для детей, и большое количество песен¹. Живет этот образ в живописи и в пластике. Живет он и в творчестве народных сказочников и сказителей².

¹ В. Баныкин. Рассказы о Чапаеве. Куйбышев 1939; 3-е дополненное изд. 1950; Б. Брик. Чапаев. Поэма. М. 1938; Неменова. Дума о Чапаеве. «Затейник», 1938, 12; Белинович. Сказка про Чапаева. «Колхозник», 1939, 4.

² П. А. Рябинин-Андреев. Чапаев. Былина «Знамя», 1937, 5. стр. 190 (см. также «Народное творчество», 1938, 3, стр. 51). М. С. Крюкова. Чапай. Новины М. С. Крюковой. М. 1939, стр. 71—91; «Новый мир», 1937, 5.

М. М. Коргуев. Про Чапая. «Ленинградская правда» № 226, 30 сентября, 1937 года.

А. И. Филонина. Жив Чапаев. «Правда», 15 января 1937, № 15. Сказка саратовского сказочника Бузаева приводится в нашем сборнике.

Все это объясняется тем, что в нем, говоря словами А. М. Горького, заключена большая «широкая, объединяющая людей идея». Источником для всех этих произведений послужили не только жизненные факты, но и те же первоначальные рассказы — сказы о Чапаеве.

В процессе творческой жизни поэтический образ Чапаева приобретал все большую обобщенность и зримость. Важнейшие черты в нем как бы канонизировались, стали постоянными. Таков Чапаев, например, в многочисленных песнях советских поэтов и в массовых анонимных песнях.

Редко в этих песнях рисуется конкретный эпизод боевой деятельности Чапаева. Исключение — песня чапаевцев «Бой под Уфой»¹. Чаще всего в песнях дается обобщающая характеристика народного героя двумя-тремя основными чертами.

Много песен посвящено Лбищенской катастрофе. Это и понятно: рассказ о гибели Чапаева дает возможность наиболее полно выразить народные симпатии к герою-самородку, показать его бесстрашие и преданность интересам великой Родины². Часто песни о гибели

¹ Сб. «Советский фольклор Чкаловской области», составил А. В. Бардин, 1947, 9.

² Песня С. Болотина «По Уралу свинцовые хлещут дожди». Сб. «Комсомольская песня», М. 1950, стр. 57; А. Суркова — «На седых уральских кручах», 1932 года; М. Голодного — «Ты не вейся, черный ворон», «Песни страны Советов». Сост. Б. Турганов, М. 1940, стр. 33;

Чапаева заключаются мотивом о бессмертии любимого командира, о том, что Чапаев жив в сердцах народа, что он живет в делах его славной дивизии:

Он умер и не умер,
Любимый наш герой.
Идет его дивизия
На подвиг боевой¹.

Или:

...Но Чапаев не умер, Чапаев живет,
Он, как знамя, всегда впереди!²

Тема, трактовавшаяся фантастически в легендах, сложенных по поводу гибели Чапаева, получила в песнях новый символический смысл.

В песне Шведова, созданной в годы Великой Отечественной войны, Чапаев жив и помогает советским войскам биться с фашистскими захватчиками³.

3. Александровой — «В уральских степях непогода и мрак», там же, стр. 34; «Не серая волчица», Сб. «Чапай» составил В. Пайман, М. 1938, 2; Песня о комдиве, там же, 5; Могила героя, там же, 7; Песня про Чапаева «Стлался туман над Уралом», сб. «Советский фольклор» Чкаловск, 13; Гибель Чапая («Над рекой Уралом»). Красноармейский фольклор. Составил В. М. Сидельников. М. 1938, 64.

¹ Сб. «Чапай», 2; См. там же, 6; стр. 57.

² Сб. «Комсомольские песни», стр. 37.

³ Сказ о Чапаеве. Я Шведов. «Солдатский песенник», Музгиз, 1950, стр. 36—37.

Многие песни дают поэтически обобщенный образ Чапаева в походе. Он изображается как командир, стремительно несущийся впереди отряда:

Скачут славные чапаевцы,
Командир их впереди...¹

Или:

Кони мчатся вороные,
Впереди летит герой!...²

Постоянно отмечаемый сказами призыв Чапаева: «Вперед!» является постоянным и в песнях:

Вперед же вы, товарищи, не смейте отступать,
Чапаевцы смело привыкли умирать!³

В народных песнях даже умирающий Чапаев зовет бойцов вперед:

Чапаев приподнялся,
Чапаевцам сказал:
— Вперед, друзья! — и тихо
Закрыл свои глаза⁴.

Или:

¹ Сб. «Чапай», 4, см. также 1 и 3.

² Там же, 3.

³ Партизанская («Гулял по Уралу Чапаев герой»). «Песни страны Советов», сборн. составил Б. Турганов, М. 1940, стр. 204.

⁴ Сб. «Чапай», 18.

Командир герой — герой Чапаев
Был всегда он впереди...¹

Чапаев стал для советских людей символом стремительного движения, неуловимости и победы.

В условиях борьбы народов Запада за свою свободу и независимость образ Чапаева служил сплочению трудящихся против империалистов и их агентов. Так, в 1937 — 1939 годах в испанской народной армии был организован интернациональный батальон имени Чапаева, который героически дрался с фашистскими захватчиками. В этом батальоне была сложена песня:

Франко и Гитлер, гибель вас ждет.
Здесь мы — Испании верный оплот!
Сын ведь Чапаева — каждый из нас!

В годы Великой Отечественной войны образ Чапаева вдохновлял советских бойцов на героические подвиги в борьбе против фашистских захватчиков. Книга Фурманова «Чапаев» была любимой книгой фронтовиков. Песни о Чапаеве исполнялись наряду с песнями о Великой Отечественной войне.

С новой силой зазвучал и ожил образ славного комдива в послевоенных песнях.

¹ Наши записи. См. также песню в кн. В. Баныкина. Рассказы о Чапаеве. Куйбышев 1950, стр. 3.

Чапаев — символ победы в борьбе за свободу и независимость великой социалистической Родины, символ бессмертия народа. Чапаев — воплощение подлинного и страстного советского патриотизма. В «широкой, объединяющей людей идее» его жизненная сила.

* * *

Предлагаемый вниманию читателей сборник составлен из сказов о Чапаеве, записанных в разное время в Саратовском Поволжье. Основные записи были сделаны во время фольклорных экспедиций Саратовского университета в 1937, 1946 и 1948 годах. Эти материалы печатаются впервые. Кроме того, в сборник включены некоторые из печатавшихся ранее. (Записи 1936 — 1938 гг.).

Подбор и расположение текстов внутри разделов произведены по тематическому принципу. Но этот принцип не везде возможно было выдержать, так как часто в одном сказе, наряду с главной темой, затрагиваются другие, второстепенные.

Всего в сборнике семь разделов. В первом из них помещены сказы, дающие общее представление о Чапаеве. Второй и третий посвящены организации чапаевских отрядов и воспитанию бойцов. Самый большой — четвертый — раздел рассказывает о боевых делах и подвигах Чапаева. В шестом показываются взаимоотношения чапаевцев с населением. Кроме того, в этом же

разделе печатаются некоторые из сказов о том, каким рисовался Чапаев перетрусившим белогвардейцам. Они приводятся в современной передаче, т. е. уже со слов народа. Последний раздел посвящен гибели Чапаева в сентябре 1919 года.

Следует оговорить, что не все сказы, помещенные в сборнике, являются фольклорными произведениями в тесном смысле этого термина, не все они широко бытуют в народе. Некоторые из них точнее было бы назвать рассказами и воспоминаниями о Чапаеве. Но это не лишает их ценности, поскольку все они записаны, а не написаны и так или иначе имеют отношение к фольклору.

Критические замечания по сборнику и пожелания составителю адресовать: Саратов, Вольская, Дом книги, Саратовскому областному государственному издательству.

Т. М. Акимова.

І. Ч А П А Й

І. БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ЗАКАЛКА

Не помню точно, в конце 1917 года, или в начале 1918, дежурил я в укоме партии. Входит незнакомый человек с острыми усами, черный такой... На шинели видны следы недавно снятых каких-то орденов. Нам он показался подозрительным элементом. Мы все насторожились. Думали, какой-нибудь офицеришка. Он спросил:

— Здесь уком партии?

— Здесь, — ответили мы.

— А можно мне записаться в партию большевиков?

Поговорили мы с ним тогда по душам — и видим: вполне свой, родной партии человек. Это был Чапаев.

Потом я встретился с ним, когда он был уже членом партии.

Чапаев организовал тогда отряд, в который записался мой сын. Я сам был в отряде Демидкина, а потом работал в Пугачевском совнаркоме. Тут я с Чапаевым часто виделся. Парень он был веселый, на отдыхе любил петь, особенно „Ермака“ и „Черного ворона“.

* * *

В делах Чапаев был горяч, иногда и ошибался, но быстро исправлял свои ошибки.

Вышел один раз такой случай.

Весной 1918 года Чапаев без ведома комитета партии решил в с. Любенцы собрать крестьянский съезд. Комитет партии, узнав об этом, послал в Любенцы несколько товарищей. Они должны были договориться с Василием Ивановичем о порядке работы съезда. Конечно, сделали ему товарищеский укор, что он не известил о своих планах комитет партии.

Василий Иванович сначала резко обиделся: — Что я, контрреволюционер какой, что ли? Я собираю крестьянский съезд по военной надобности. Мне людей нужно, корму лошадей для отряда.

Но все-таки его уговорили согласовать свой военный план с партийной организацией. Приехал он в уком партии, начали заседание. В выступлениях все говорили, что честь и хвала Чапаеву как герою, а то, что он чересчур „самостийничает“, — это нехорошо, надо быть организованным бойцом.

Он сидит, только усы покручивает, а раз Чапаев ус крутит — будет буря.

Дали слово ему. Сначала он говорил медленно, волновался очень, потом разошелся, стал стучать кулаком по столу. Говорил долго, спорил, оправдывался, а когда пыл прошел, сам осознал свою ошибку:

— Да, действительно, не так я сделал. Уж очень мне нужен корм, нужны люди! Ну, помогите мне теперь исправить мою ошибку.

Конечно, ему помогли, и больше таких недоразумений в его партийной работе не было. На глазах у всех нас приобретал он необходимую большевистскую закалку.

2. „ЗА ЛЕНИНА, ЗА СТАЛИНА!“

Исход боя иногда решает внезапность. И действительно, Чапаев брал внезапностью. Вот, бывало, он соберет нас и говорит: „Ты, Плясунков, пойдешь с одной стороны, а ты пойдешь с другой стороны. А я в лоб приду. Я в лоб ударю — и они от меня обязательно побегут. А вы их там ловите. Ни один не уйдет“.

А потом уж приказы издавал. Ну, так и получалось: как скажет, так и будет.

Перед боем обязательно говорил с бойцами. Верил он в них и говорил обязательно.

При взятии Пугачева много мы у них¹ взяли: два тяжелых орудия да шестьсот пульметов. Снабжались исключительно за их счет.

Его спрашивают: „За кого воюете?“ — „За Ленина, за Сталина!“

Мужик хороший был. Простяк был. Если бы не его лозунг, то казаки бы здесь допустили много чего. Они раз десять-пятнад-

¹ У белых — Т. А.

цать в нашем селе были. Приедут, загу-
ляют...

Ненавидел он, как и Стенька Разин, бо-
гатый класс.

3. МЕТКИЕ ОТВЕТЫ

Мне хорошо помнится—в июле, в „Ильин день“, 1918 года выбил Чапаев из нашего села Николаевки чехословаков. Тут же Чапаев созвал народное собрание, на котором выступил с речью. Говорил он просто и ясно, призывал к борьбе с белогвардейцами. Он говорил:

— Товарищи, мы воюем за весь рабочий класс и трудовое крестьянство. Укрепляйте Красную Армию, идите в наши ряды.

На собрании задали ему вопрос: за кого лично он воюет? Тогда Чапаев встал и говорит:

— Я воюю за Советскую власть, а еще против тех, кто хочет предать Чапаева и чапаевцев.

Были к нему еще вопросы, и на все он отвечал так же просто и метко.

4. „ПОЛИТИЧЕСКИЙ БЫЛ ЧЕЛОВЕК“

Про Василия Ивановича выдумывают—будто он малограмотный. Да разве малограмотный сумел бы руководить дивизией целой—экая силища!

Хороший начитанник был он. Всё диспуты держал с попами. А говорил он как!—Вроде как за живое хватал. В Германскую прапором производили его, а потом разжаловали. А за что? За политику. Политический он был человек. А как погиб—будто у каждого самое лучшее пропало.

5. НЕУСТРАШИМЫЙ ВОИН

Василий Иваныч Чапаев был лихой командир, он любил отвагу, удадь. Сам всегда в передней цепи. И это придавало нам, его бойцам, уверенность в победе, смелость.

Его военная сноровка, тактика ведения боя приводили кулачество и белобандитов в панику. Отдельные казаки и бандиты считали его не человеком—колдуном. „Его не убить и не поймать“,—говорили они. Достаточно показаться Василию Иванычу со своим отрядом, как они со страха бросались в бегство.

Если в бою кто трусит, Василий Иванович тут же заметит: „Шел на защиту крестьянства, не должен бояться смерти“, — стыдил он трусов. После этого товарищеского подхода никто уже не пытался остаться в последних рядах, все стремились в бой.

Чапаев в то же время был весельчаком, любил плясать и петь.

6. АГИТАТОР

Веселиться-то некогда было: оттуда белые, оттуда зеленые. Ну, он нервничал. А подход к людям имел; говорит, доказывает людям, что война эта необходима... Ну, люди и шли за ним. А то ведь сразу-то, как залетел бы, согнал метлой, его бы так не любили и не слушались. А вот, когда докажет, то с энергией, с душой люди шли. Заинтересованы были.

7. „ГДЕ ОН—ТАМ ПОБЕДА“

Бой в Каменном Броде был. Выбили нас чехи из села. Потом они через речку лезли, ну здесь мы устояли. Летели пули... Ну, он только кричал: „Не робейте, устоим!“ Ну,

мы их и отбили. Его боялись чехи. Все его дивизии очень боялись.

Чапаев человек был геройский, духом не падал, всегда кричал: „Товарищи! За мной, вперед!“ Смелый до того был. Его любили за это. Со временем горячий был, ну в дело. А ведь если дисциплины нет, то и дела нет. Это уж не только в войсках, а везде.

Погиб он через свой героизм. Посты снял— не боялся казаков. Ну, и погиб...

При наступлении на озеро Соленое у нас был Науменский полк, слабо вооруженный. Все лежали в цепи. А Василий Иванович делал исправление цепи. Ему говорили: „Василий Иванович, могут убить!“

Все эти его поступки сильно влияли на красноармейцев, и они любили его. Где он— там всегда победа. Он имел большую смелку, опыт, организаторские способности. Каждое его слово должно было исполняться.

8. ПОЧЕТНЫЙ ГОСТЬ

В Вязовке стоял большой помещичий дом. Мимо него раньше крестьяне проходили без шапок или старались обходить, чтобы не

встретить сердитого барина. А теперь в этот дом шли свободно, как в свой, садились, где им хотелось, читали газеты, слушали доклады, смотрели спектакли, которые ставили свои же артисты-крестьяне. Над главным входом развешался красный флаг, а над тяжелыми дверями блестела краской доска: „Народный дом имени Василия Ивановича Чапаева“...

...На торжественном открытии народного дома Чапаев не присутствовал — его в это время в Вязовке не было, но он знал, что дом называли его именем. Поэтому, приехав как-то в село к семье, Василий Иванович в первую очередь остановился у народного дома, посмотрел, прочел про себя надпись: „Народный дом имени Василия Ивановича Чапаева“, улыбнулся, а затем слез с пролётки и направился к входу.

Не доходя до дверей, он остановился и еще раз прочел вслух:

— Народный дом имени Василия Ивановича Чапаева.

И снова заулыбался.

— Здорóво! Народный дом — вроде как мой. Вот чудак!

В нардоме никого не оказалось, и Василий Иванович направился в сельский совет. В

этот день готовилась постановка, и Чапаев, узнав об этом, сказал мне в сельсовете:

— Это дело! Молодцы! Я люблю эти спектакли. Вали, Рудков, а я митинг буду проводить...

На вечер он пришел рано, когда еще народ не собрался, а драматический кружок заканчивал генеральную репетицию. Чапаев по-хозяйственному осмотрел весь дом, кое-какие вещи он переставил по-своему. Зайдя к нам на сцену и выслушав нашу жалобу на отсутствие декораций, обещал нам помочь в этом деле.

Весть о приезде Чапаева быстро разлетелась по всему селу. В народом шли все: мужчины, женщины, парни, девушки и дети. К шести часам зрительный зал был полон.

Василий Иванович говорил не много, но просто и понятно. Часто в своей речи обращался к крестьянам — правильно ли он говорит? Зал отвечал дружным гулом:

— Правильно, Василий Иванович! Верно...

Речь Чапаева сводилась к призыву на борьбу с кулаками, которые все силы кладут, чтобы вернуть Россию к старому режиму. Чапаев говорил, что надо верить боль-

шевикам и помогать им завоевывать лучшую жизнь для трудящихся.

После этого приезда Василий Иванович снова посетил как-то свое село.

Меня вызвали в волисполком. Прихожу, вижу — Чапаев.

— Ну, здорово, Рудков! К шести часам спектакль надо показать, — сказал он решительно.

Я попробовал отказаться: до шести часов времени немного, не подготовимся, да и париков нет у нас.

Василий Иванович прошелся по комнате, затем спросил:

— Парики-то обязательно нужны?

— Обязательно, — ответил я, — а за ними ехать надо в Семеновку.

— Ну, хорошо, — и Чапаев обратился к председателю исполкома: — Наряди подводу, и чтобы спектакль был.

Я понял, что надо немедленно приступить к делу, и отправился в Семеновку за париками.

Василий Иванович и сам любил постановки и заботился, чтобы его односельчане культурно отдыхали, повеселились, посмеялись.

К шести часам мы все-таки не были готовы. Но Чапаев не торопил, сидел и спокойно разговаривал с крестьянами на различные темы. Наконец, в девятом часу ему доложили, что подготовка к спектаклю близится к концу.

Чапаев взобрался на сцену и открыл митинг. Говорил он о гражданской войне, о том, что капиталисты ползут со всех сторон на Советскую Россию, чтобы удушить свободу, чтобы снова угнетать пролетариат. В заключение своего выступления Василий Иванович нарисовал ту хорошую жизнь, которая будет по окончании гражданской войны.

Смотреть спектакль Чапаев сел в первом ряду. Ставили мы комедию „Теща в дом — все вверх дном“. Он был очень доволен игрой наших „артистов“, много смеялся, увлекая других смеяться вместе с ним. Хотя зрители больше смотрели на Чапаева, чем на сцену, но и они одобрили постановку. Во время спектакля Чапаев вслух хвалил отдельных исполнителей.

— Молодец, Мишка, здорово, прямо молодец!

— Так, так, эх ты, ну и молодец!..

После спектакля Чапаев зашел за кулисы, поблагодарил нас и обещал достать грим и декорации.

...Скоро Чапаев опять приехал к нам из Самары, на этот раз с Фурмановым...

Вечером в наряде Василий Иванович знакомил Фурманова с историей этого учреждения, привел за кулисы и представил наших „актеров“. Чапаев с любопытством наблюдал, как исполнители устраивали брюшко посредством простой подушки. Подходил, похлопывал по животу „артиста“ и, смеясь, приговаривал:

— Прямо здорово! Кровосос, кулак...

Перед началом митинга я сообщил со сцены, что к нам прибыли почетные гости: командир дивизии — наш Василий Иванович Чапаев и комиссар — товарищ Фурманов.

Василий Иванович выступил с речью. Рассказывал он о победах дивизии, о поражении казачества и колчаковской армии. Но, говоря о своей дивизии, он ни разу не возвысил себя как командира. Крестьяне задавали массу вопросов о личной его храбрости и геройстве. Но Василий Иванович лишь

отшучивался и призывал бороться с белогвардейцами. Речь Чапаева доходила до сознания крестьян, была понятна, и все крепко верили в победу.

Пока Чапаев говорил, я Фурманову рассказывал о состоянии культурно-просветительной работы в селе.

После Чапаева с обстоятельным докладом о международном и внутреннем положении выступил Фурманов. Касаясь непосредственно Вязовки и нашего культурного очага — народного дома, он указал на недостаточную нашу работу, на слабое участие в работе самих крестьян, подробно изложил задачи нардома.

Василий Иванович внес предложение организовать сбор в пользу нардома и заявил, что он первый вносит три тысячи рублей, а Фурманов — две тысячи. Затем, обращаясь к своим знакомым, называя каждого по имени и отчеству, Чапаев просил последовать его примеру и внести известную сумму. И когда кто-нибудь давал очень немного, Василий Иванович в шутку стыдил его.

— Рудков, сюда, живее! — позвал меня Василий Иванович. — Подписной лист останется листом, а ты давай бери шапку и пойдем

по рядам. Сколько кто может, пусть кладет в шапку.

Тогда мы начали обходить всех присутствующих.

Начался спектакль. Чапаев со своей женой сидели на первых местах. Рядом с Василием Ивановичем был Фурманов. Чапаев особенно веселился и сильно хохотал. Каждого появившегося на сцену исполнителя встречал одобрением и аплодировал.

После спектакля Чапаев и Фурманов снова беседовали с драмкружковцами. Чапаев хвалил за хорошую игру и заверил нас, что все довольны, в том числе и комиссар. Но Фурманову, видимо, наша постановка не нравилась, хотя он не дал нам понять, что играли мы плохо.

Последний раз Василий Иванович был в Вязовке летом 1919 года. Не было у нас предела радости и гордости за своего односельчанина, славного героя. Каждому хотелось посмотреть на Чапаева, поговорить с ним, порасспросить о гражданской войне.

И крестьяне преподнесли Василию Ивановичу подарок — лучшую лошадь в волости, жеребца под кличкой Чорт. В селе знали, что под Чапaeвым во время боя было убито

несколько лошадей, а одну лошадь ординарец упустил, и та якобы попала к белым.

После очевидцы рассказывали, что когда лошадь Чапаева появилась в стане белых, то казаки водили ее по цепи как доказательство, что Чапаев погиб, что самому бесстрашному красному командиру сшибли голову; они призывали свои войска не давать красным оправиться от этой потери, наступать на них.

Но, говорят, что когда белоказаки снова увидели Чапаева, да еще на красном коне (жеребец Чорт), то от одного страха, что Чапаев жив, они панически отступили.

После посещения летом 1919 года вязовцы больше не видели своего героя. Правда, по селу ходил слух, что Чапаев один или два раза приезжал ночью к своей семье и ночью же уезжал, но никто этого не видел.

В начале осени 1919 года Вязовка была охвачена тревогой, получив весть о гибели Василия Ивановича. Никому не хотелось верить, что нет в живых этого человека, народного героя Василия Ивановича Чапаева.

К несчастью, эта весть оказалась правильной. Уездный комитет партии сообщал о ги-

бели Чапаева, и мы готовились к траурному митингу.

Но вязовцы и крестьяне других сел все еще не верили, что Чапаева уже нет. Никто не хотел и слушать о гибели Василия Ивановича. Долгое время утверждали, что Чапаев жив и скоро опять приедет к нам погостить.

II. В ОТРЯД К ЧАПАЕВУ

9. САМООБОРОНА ГОРОДА ПУГАЧЕВА

В начале сентября 1918 года было получено донесение о том, что казаки намереваются сделать налет на Пугачев. В уездном комитете партии был поставлен вопрос о временной мобилизации для защиты от казаков „революционного города“, как назвал Чапаев наш город. Проведение мобилизации поручено Чапаеву.

Собрали митинг, выступает Чапаев:—„Городу угрожает опасность, мы должны его защитить“. Революционно настроенные тру-

дящиеся города отзывались на призыв. Шли в отряд и те, кто не умел еще стрелять. Чапаев тут же учил их: „Винтовка теперь твоя жена. Вот так отвори затвор, вложи патроны и так затвори затвор. Стреляй! Пуля найдет врага“, — показывал он.

Через час после митинга все явились на вокзал, получили вооружение. Так, быстро, находчивый, энергичный Василий Иванович организовал самооборону города.

10. „КТО СО МНОЙ—ОТХОДИ ВЛЕВО“

Во время организации Красной гвардии мне пришлось быть с Василием Ивановичем. В Бурсах у нас штаб был. Во время первого восстания кулачества по селам и наступления уральского казачества был у нас в Бурсах митинг. Был тут и Чапаев. Он призывал нас, красногвардейцев, выйти в поход на кулаков и белоказаков.

На этом митинге получилось противоречие. Некоторые красногвардейцы, которые были уже на фронтах, не хотели опять воевать. Тогда Василий Иванович выходит в середину митинга и говорит так: „Кто хочет со мной и кто хочет завоевать свое право батрака и

бедняка, отходи влево! Кто против, не хочет с нами,—отходи вправо! А кто воздерживается—висни в воздухе“.

Дело было в марте 1918 года. Самое начало. Ну и никто не отошел. Как стояли все, так и остались в его отрядах.

В бою — всегда впереди. Сам поддерживал дух,—и все, как один, за ним. И везде и всюду за ним победа.

Как Чапаев приезжает, то все знают, что интересы он наши защищает.

Тут у нас школа была. Земская называлась. И он тут собирал бойцов. Бойцы ставили постановки. Тут же и спектакль и веселье. Культурно все. Оркестра духового не было, а струнный оркестр... И вечер. Знают, что в округности банда, а культуру не забывают, и танцуют.—Вечер такой увеселительный. Он рассказывал бойцам, как было и как угнетены были рабочие и крестьяне. И как будет теперь. Все со вниманием заинтересованы были послушать. Поэтому... масса молодежи. и шла добровольно. Он напутствовал, говорил, убеждал.

А белые мобилизовали ребят. По 40 рублей платили, и набирали „добровольцев“. Ну, мы узнали эту политику...

11. „ЗАПИШИТЕ МЕНЯ В КРАСНУЮ ГВАРДИЮ“

30 января 1918 года вернулся я с германского фронта в родной город Пугачев. Здесь я услышал, что у нас организуется Красная гвардия под руководством Чапаева.

Узнав от товарищей, где живет Чапаев, я отправился к нему на дом. Спрашиваю вышедшего бравого мужчину:

— Вы будете товарищ Чапаев?

Он отвечает:

— Я.

— Вы записываете в Красную гвардию?

— Да, я. А что вам?

— А вот что: запишите меня в Красную гвардию, так как я хочу активно участвовать в боях за новую жизнь.

Чапаев не отказал в моей просьбе и записал в Красную гвардию.

Отряд наш увеличивался с каждым днем. Вскоре мы пошли в наступление на белоказаков. По пути из Пугачева мы восстанавливали в селах советы. Беднота пополняла наш отряд.

В Малаховке у нас произошел первый бой с казаками. Мы одержали победу. После

бились мы с белыми под Уральском, а потом были направлены под Самару, где бесчинствовали учредилорцы и чехословаки.

Освободили Самару, громили чехов и колчаковцев. На всем своем пути под командой Василия Ивановича дивизия не знала поражений, а одни только победы.

12. „К ЧАПАЕВУ ПРИМЫКАЛИ ВСЕ, КОМУ НЕ БЫЛО РАДОСТИ В СТАРОЙ ЖИЗНИ“

В начале восемнадцатого года стали наезжать в нашу Солянку казачьи отряды. Большую мы на них имели злобу. Путем слова не скажут, чуть чего — в плети. Краснова Егора и Горбачева Николая, которые вернулись с фронта и устанавливали в нашем селе Советскую власть, казаки плетями пороли на площади. Мне было тогда восемнадцать лет, а уж знал я — от кулачья хорошего ожидать нечего.

И вот весной 1918 года в наше село с небольшим отрядом приехал Чапаев.

Видел я его на площади, когда он говорил речь. Говорить Василий Иванович был мастер. Слово к слову, и так все просто, и так

доходчиво до сердца. Говорил о Красной гвардии, о том, из-за чего казаки подняли войну против Советской власти, и призывал желающих вступить в его отряд.

Пошли к нему четырнадцать человек, в том числе и я. Чапаев тогда только еще собирал силы, укреплял свой отряд.

Пошли мы на хутор помещика Мальцева (на этом месте теперь образцовый совхоз). Подходим, видим: конные казаки согнали в кучу рабочих, кого-то выскивают. Завидели они нас, ускакали. В это время они еще, как вешки, стояли на буграх, высматривали, что делается, а боя не принимали.

Поговорил Чапаев с мальцевскими рабочими — и все они влились в наш отряд. Тут нас стало больше. Так шли мы из села в село, с хутора на хутор, и везде примыкали к Чапаеву те, кому не было радости в старой жизни.

13. В ОТРЯД К ЧАПАЕВУ

Сидели мы как-то вечером — отец, мать и я, пили чай. Отец говорит матери:

— Ну, старуха, собирай и меня! Два сына у меня в Красной гвардии, а я-то тебя, что ли, должен караулить? Пойду и я воевать.

Мать ударилась в слезы, но в этот момент к нам приехали Чапаев с женой Пелагеей, Плясунков и Потапов.

Первый вошел Чапаев и поздоровался. За ним вошли и остальные.

Завязалась беседа. Я все время смотрел на Чапаева. В это время о подвигах его уже гремела слава, и каждому хотелось попасть в его отряд. Был Чапаев среднего роста, глаза у него светлосиние, немигающие, пронизывающие насквозь человека. Лицо свежее, без единой морщинки, подбородок тщательно выбрит, пышные усы. В минуты гнева Чапаев дергал себя за усы, и тогда светлосиние глаза его делались почти черными. Одет он был в военную тужурку, на нем были синие брюки, высокие фасонистые сапоги. Обратил я внимание на его шапку, она была с красным околышем. И были он и его соратники — Плясунков и Потапов — вооружены, как говорится, до зубов. У каждого была винтовка, шашка, по паре револьверов.

Отец говорил Чапаеву:

— Два сына есть у меня. Один у тебя в отряде, другой у Баулина. И сам я собираюсь вступить в отряд, только вот не знаю, в какой.

Чапаев тут похлопал моего отца по плечу и сказал, улыбаясь:

— Ты, старик, ко мне вступай. У меня самый боевой отряд. Мы промаха не знаем. Когда бывает нехватка оружия у нас, так мы зубами...

Мы все рассмеялись, а Чапаев вскочил и сказал:

— А теперь айда в сельсовет! Проведем собрание бедноты...

14. „ДЛЯ РЕВОЛЮЦИИ СЕБЯ НЕ ПОЖАЛЕЕМ“

В начале 1918 года у нас в Сулаке организовался отряд Красной гвардии. В отряд записалась вся беднота, все батраки. Можно сказать, что все работники побросали своих хозяев и пошли в отряд. Набралось человек двести. Все, конечно, на лошадях. Кто на своей, кто на кулацкой. Командиром отряда выбрали молодого боевого парня—бедняка Топоркова.

Чапаев в то время стоял со своим отрядом в Николаевске (теперь Пугачев). Слава о нем уже в это время докатилась до самых глухих сел Николаевского уезда. Василия Ива-

новича мы уже знали в то время как грозу кулачества, как организатора Советской власти. Знал Чапаева и наш Сулак. Знали его у нас и потому, что Чапаев приезжал к нам из Балакова, где у него убили брата.

Василий Иванович тогда, после похорон, заехал к нам, устроил собрание, на котором очень много говорил о том, что надо всем деревням подниматься на борьбу за Советскую власть, за новую жизнь.

Всей нашей молодежи Чапаев пришелся по душе. Итти к нему в отряд было большой радостью. Село устроило нашему отряду проводы. Сошлись все, и старые и малые. Красногвардейцы наши все в шубняках, в кожаных сапогах. Из некоторых семей уходило в отряд по два, по три человека. Можно сказать, что оставались дома только женщины с девушками да старики. И даже шестидесятилетний старик Рублев Яков записался в отряд, да еще с двумя сыновьями.

Матери, сестры, девки, невесты—все были на проводах. Митинг организовался сам собой. Девки украшали лошадей красногвардейцев лентами. И вот, с песнями, под боль-

шим красным знаменем, отряд наш выехал за околицу.

Чапаева мы нашли в Николаевске. Там он квартировал. Подъехали. Чапаев вышел к ребятам и спрашивает:

— Откуда вы, дети мои, явились?

— А у нас командир есть—его, Василий Иванович, спрашивай.

— Кто ваш командир?

— Я, товарищ Чапаев,—ответил Топорков.

Чапаев поговорил с ним, а потом снова к отряду обернулся:

— А на чьих лошадях, дети мои, вы приехали?

— На своих и на буржуйских, Василий Иванович.

— А не жалко ли вам своих лошадей?

— Для революции себя не пожалею, Василий Иванович, не только лошадей...

— Вот таких молодцов мне и надо. Пусть весь трудовой народ подымается на борьбу за революцию. Чем ни больше соколов налетит, тем сильнее шарахнется белое воронье. Приказываю, товарищ командир, разбить отряд на взводы и выдать обмундирование.

И стали наши ребята чапаевцами.

15. „ВСЯ ПОКРОВКА ВОШЛА В ПОЛК ГАРИБАЛЬДИ“

Чапаев отступил с Семиглавого Мара и зашел в Н. Покровку через Семениху. Пришел он 15—20 августа. Мы кончали молотить хлеб. С ним было три полка: имени Гарибальди, Пензенский и Балашовский.

Только он зашел, Нижнюю Покровку окружили шестнадцать казачьих полков. Казаки стояли в Верхней Покровке, в Харитоновке, на хуторе Питгоны, на Чилижном, на Павловском, на Курмакан и других.

Чапаев стал просить у народа помощи. Население пошло: и молодежь и пожилые до 45 лет. Не пошел только тот, кто совершенно был не годен — инвалид, больной... Вся Покровка вошла в полк Гарибальди.

16. С ОТРЯДОМ ЧАПАЕВА

В 1918 году весной Чапаев пришел в село Любецкое, с ним был небольшой отряд. Чапаев стал говорить и звать к себе в отряд. Почти все партизаны влились к нему. Я тоже пошел с Чапаевым. Мы отправились на Блукис...

Впереди шел броневик, сзади санитарный поезд. Недалеко от Семиглавого нас встречает кадетский поезд, которого мы оттесняем. С Семиглавого, простояв двое суток, двинулись снова на Шипов. Пустили разведку. Не доходя до Шипова, снова встречаем тот же бронепоезд. Мы отбиваем поезд орудиями...

Броневик идет впереди, восстанавливает железную дорогу. Санитарный поезд позади...

Зашли на Семениху. Началась резня. Всего было убито до 500 человек. Бой был рукопашный. Семениху мы взяли и пошли на Клинцовку и Любецкое. В Любецком снова резня. Взяли Любецкое.

С этого момента Чапаев стал проводить мобилизацию.

Казаки нас настигали. Меня взяли в плен. Вместе со мною взяли еще двух товарищей и посадили в тюрьму в Клинцовке.

Вечером привели четвертого товарища Бахтурина. Нас раздевают и кладут на пол пороть. Бахтурина первого. Ему клинком своротили челюсть. Берут следующего пороть. Потом меня. Мне выбили зубы, своротили немного правое ухо. Трех товарищей расстреляли, а меня посадили. Сидел голодный и без воды...

При взятии поселков впереди шел Чапаев и батарея. С правого фланга — пулеметы, с левого — кавалерия. Позади — три цепи пехоты.

Все распоряжения по ходу боя давал сам Чапаев. Он никогда не отступал. Казаки стали его считать как Стеньку Разина, которого никакая пуля не берет.

Он был очень храбрый. Никогда не надвигал шапку на брови и не был печальный. Его любимое выражение: „Не отступать! Всегда вперед!“

Во взятых местах он наводил порядок и охрану. Он не терпел грабежа. Давал строгие наказания за хулиганство и дебош... Его боялись и любили. При известии о смерти Чапаева все, кто знал его, — плакали...

17. „КТО С НАМИ — ТОТ ЗА НАМИ“

Чапаев пришел в наше село, и я пошел добровольцем в его отряд. Мы пошли на Таловую. Когда он приехал на хутор, то говорил: „Кто с нами — тот за нами“.

В Таловой остановились. Потом пошли на хутора — Лягошин, Чапурин. Здесь был же-

стокий бой, с этих хуторов мы пошли на Уральск.

Когда мы дошли до Уральска и дали пробные выстрелы, белые отступили. Но они сделали в Уральске засаду. Как только прошла ночь, с церквей, домов, мельниц открылась пулеметная стрельба по нас. Это стреляли спрятавшиеся казаки.

Чапаев, заметив наше отступление, закричал: „Товарищи, вперед!“ Мы повернули и с криком „ура“ рванулись на город. Вечером город был опять в наших руках...

18. САМЫЙ ЛЮБИМЫЙ КОМАНДИР

В марте 1918 года я услышал, что в городе Пугачеве имеется красногвардейский отряд, которым командует Чапаев, и что этот отряд скоро выступает против уральских казаков. „Пойду к Чапаеву“, — подумал я.

Вскоре я разыскал командира батареи (раньше я был артиллеристом). На мою просьбу вступить добровольцем в отряд командир дал положительный ответ и тут же повел меня в штаб к самому Чапаеву.

Штаб помещался в здании бывшей школы. Когда мы пришли, там было много народу.

Чапаев сидел за столом и беседовал с командирами.

— Вот Ильин, артиллерист, к нам просится,—доложил командир батареи.

Чапаев окинул меня взглядом, помолчал, как бы разгадывая мои намерения, и спросил:

— Где служил-то?

— В артиллерии служил,—ответил я и назвал свою часть.

— Стрелять умеешь?

— Стрелял.

Чапаев еще раз посмотрел на меня.

— Ну, хорошо, принимаю.

19. В ПУГАЧЕВЕ

Однажды Чапаев оставил одного меня в Пугачеве, очень доверял мне. А людей не было. И нужно было занять почту, телеграф, мост—там белые были. Я и говорю:

— Василий Иванович, дело серьезное, а людей нет, ведь меня на „ура“ подымут! Как же мне без людей-то?

Он похлопал меня по плечу и говорит:

— Не подымут! (он на „о“ говорил).

Командир не может быть без солдат. Какой же ты тогда командир? Найдешь!

Ну, и правда. Собрал людей и выполнил все, что приказано было, порядок навел в Пугачеве.

III. ВОСПИТАНИЕ БОЙЦОВ

20. НА МИТИНГЕ

Чапаев часто созывал митинги. Его слушали везде, он растолковывал очень хорошо: за что боремся, что такое советская власть. Не любил многого себе приписывать и ничего не таил: если чего задумает—тут же на обсуждение. Выйдет и скажет:

— Товарищи, мы находимся в трудном положении. Хотите, чтобы Советская власть была, хотите, чтобы свобода была, идите со мной.

И ему верили. Шли за ним, не боялись. Да, большой он был человек, настоящий народный герой.

21. „ВСЕ ПОЙДЕМ В БОЙ“

В 1919 году в мае прошел набор в нашем селе. Я попал в хозяйственную часть. Мне тогда было 17 лет.

Уральск еще не был взят. У монастыря Чапаев митинговал. Он говорил, что мы должны отогнать казаков с Уральска. Мы две недели лежали в окопах и потом заняли Уральск.

Чапаев говорил: „Товарищи бойцы! Вы в плен не попадайте, друг друга поддерживайте до последнего патрона, не отдавайтесь казакам“.

Как Чапаев делает митинг, весь рабочий класс говорит: „Давай ружья! Все пойдем в бой!“

22. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ЧАПАЕВЦА

Начальник следственной комиссии, который вел следствие по делу пленных нашего полка, говорил, что Чапаев хотя без образования, а на любых фронтах побеждает, значит, стратегические способности прекрасные. А старые неграмотные казаки считали Чапаева антих-

ристом, так им попы наговорили про него, и они, как услышат, что наступает Чапаев, так бежать.

В октябре 1918 года в Нижне-Покровке нас взяли в кольцо. С неделю мы были оцеплены, пока не пришло подкрепление. Настроение было паническое, говорили, что нас мало и мы не можем победить. Чапаев сделал митинг и сам выступил на нем. Чапаев сказал: „Сегодня пойдем в наступление, начиная от комиссара, кончая вестовым, все в цепь!“ Когда он говорил на митинге, то давал такую зарядку, что все хоть бы сейчас в бой. При наступлении красноармейцы заняли Харитоновку, Кольцовку, Таловую... Говорил Чапаев не литературно, но зажигательно.

У него была легковая машина, так во время боя он летал на ней, как птица. В Таловой опять был митинг. Чапаев выступал с броневой машины. Говорил: „Бойцы выполнили задание, но не нужно на этом останавливаться, а итти дальше в наступление“.

Затем мы заняли хутора Орловский, Турсенин, Сладков.

Чапаев очень не любил „партизанщину“. Мы стояли в Орловском, какой-то красно-

армеец раз проскакал на коне, и два. Тогда его позвал Чапаев и отругал: „А ну-ка,— говорит,— сейчас пойдем в наступление, а у тебя лошадь измученная“.

Весной 1919 года я попал в плен в Лбищенске. Интересовались, какую занимал должность, вербовали в свою армию. Расспрашивали, где командир полка, где комиссар, адъютант. Я отказался идти в „народную армию“, сказал, что был в старой армии и надоело воевать. Спрашивали при допросе, видел ли Чапаева? Какой он из себя? Я говорил, что не видал, не знаю.

Заставляли петь: „боже, царя храни“, молитвы читать. Велели молиться и причащаться. Я ради интереса под конвоем сходил на исповедь. Поп спрашивает: „Может, ты добровольец? Кайся! Ведь Чапаев — антихрист, и кто ему помогает, будет проклят перед богом“...

В Сахарном белые на моих глазах сожгли тифозных. Пленные были в ужасных условиях, свирепствовал тиф. Надо было пленных в другой поселок перегнать. Не нашли подводы. И тифозных сожгли. По дороге, кто не может идти, упадет, тому пуля в лоб. У меня товарища застрелили на гла-

зах. В поселках казаки спрашивали: крест есть? Если нет, чем попало бьют.

Мы друг друга не выдавали...

Когда Уральск был в осаде, я был в плену. Казаки, как услышали, что идет выручать Чапаев, так сразу пустились в панику. Наши как хватили, так сразу Уральск освободили.

Я был в Бударине. Нас стали перегонять вниз по Уралу. Поднялась буря, пыль, и в суматохе в конце села я нырнул за плетень и друг мой — адъютант балашовского полка. Мы вдвоем и сбежали.

23. ОСВОБОЖДЕНИЕ УРАЛЬСКА

Сам я уральский рабочий. Узнал я Чапаева, когда он в первый раз взял Уральск и освободил нас из белоказачьего плена. По освобождении я тут же вступил в Красную Армию. В короткое время я изучил пулемет, и меня зачислили вторым номером.

Весной 1919 года я был в числе осажденных в г. Уральске. Около двух месяцев томились мы там, выбиваясь из последних сил, но города не сдавали.

Кажется, в июне мы дежурили в поселке Новеньком, в тринадцати верстах от Уральска.

На рассвете показалась конная разведка. Навстречу мы выслали свою разведку. Мы были приятно удивлены, узнав, что это была разведка Чапаевской дивизии. Через несколько минут на автомашине подъехал Василий Иванович Чапаев. Машина остановилась возле наших окопов. Воодушевлению и восторгу бойцов не было границ. В одну минуту они сбежались из всех окопов и стихийно начали митинг. Оглушительные крики „ура“ долгое время не давали говорить Чапаеву.

— Здравствуйте, орлы боевые! — начал Чапаев свою речь. — Здравствуйте, доблестные сыны народа! Большое вам, товарищи командиры, политработники и бойцы, спасибо за то, что не отдали Уральск врагу. Много пришлось бы положить сил, чтобы вернуть его обратно, а вы его сберегли. Два месяца смотрела вам смерть в глаза, но вы, достойные сыны народа, не испугались смерти, вы мужественно отстояли завоевание революции. Вы еще раз доказали, на что способны наши славные бойцы. Вперед, до полной победы, товарищи! Ура!

И опять громкое „ура“ раскатилось по окопам.

Чапаев нас благодарил. А как же мы-то его должны были благодарить! Меня и многих товарищей он уже второй раз спасал от неизбежной смерти.

24. БОЙ В ТАЛОВКЕ

Чапаев пришел первый раз в с. Таловку. В свой отряд он набрал людей из слуг помещика Мальцева. У нас в селе в это время были солдаты, которые пришли с фронта и принесли с собой оружие. Когда пришел Чапаев, они добровольно пошли в отряд его. Немного вооруженный отряд пошел в наступление.

Около кордона была схватка, и казаки вынудили Чапаева отступить. Он отступил в Покровку. Здесь он оказался в кольце казаков. На помощь пришел из Пугачева броневик. Воодушевленные подкреплением, бойцы отогнали казаков. Когда Чапаев вернулся второй раз в Таловку, у него уже было два отряда.

Чапаев был очень хороший человек. У бедных он никогда не брал лошадей, как делали казаки. Красноармейцы из его отряда были

очень дисциплинированы. Они никогда не обижали населения.

На митингах Чапаев всегда говорил громко и отчетливо. В конце речи он говорил: „Если я что неправильно сказал, вот грудь—стреляйте!“

Со всеми он был справедлив.

25. „КАК ОДНОМУ СЕМЕРЫХ НЕ БОЯТЬСЯ“

Неунывный, мужественный, чудесный был человек Василий Иванович. У него и трус становился храбрым и угрюмый был веселым. В любом деле врожденная веселость не покидала Чапаева.

В одном бою как-то несколько молодых бойцов побежали было от противника. Ну, трусили, проще сказать.

Василий Иванович узнал об этом после боя, созвал их всех и давай им лекцию читать о том, как одному семерых не бояться.

— Одному хорошо против семерых воевать,—говорил Чапаев.—А вот семерым против одного — трудно. Семерым нужно семь бугров для стрельбы, а тебе один. Один бу-

горок везде найдешь, а вот семь бугров найти трудно. Ты один-то лежи да постреливай. Одного убьешь—шесть останется, двоих убьешь—пять останется... А когда шестерых убьешь, то один уж должен сам напугаться тебя... Ты заставь его руки вверх поднять и бери в плен, а взял в плен, веди в штаб.

26 „НАША ВОЗЬМЕТ!“

Чапаев говорил своим бойцам:

— Ребята, мы должны занять этот хутор. Главное—ничего не бойтесь. Когда конница наступает, то думай о том, как бы тебе не упасть, не ушибиться. Раз конное наступление, то лети, как птица-сокол, сразу опрокидывай, руби и гони противника. А это дело—для нас главное. И сейчас, ребята, из головы выбросьте боязнь всякую. Раз ты пули не боишься, то и она на тебя пасть не может... Знаете, кто в бою упасть может? У кого лошадь устала или седло не подтянуто. А если все в порядке, то уж ни за что не упадешь. Так что ли? Ну, пошли. Сразу налетай. Наша возьмет!..

27. „НЕ ЗАБУДЬ ЛОШАДЬ НАКОРМИТЬ“

Василий Иванович не любил, когда лошадей понапрасну гоняют. Вот однажды в Гусихе один боец скачет во весь опор, лошадь не жалеючи. Чапаев увидел, кричит:

— Стой! Ты это куда скачешь? Али казаки наступают?

— Нет, Василь Иваныч, на квартиру еду.

— А, на квартиру?! Ты что же, сукин сын, когда не надо скачешь, лошадь мучаешь? Ты же ведь на ней, измученной-то, в первом же бою погибнешь! Зарубят тебя на ней, дурья башка!

А потом потише добавил:

— Передай командиру, чтоб он тебе три дня наряда вне очереди дал. Ну, а теперь езжай. Да не забудь лошадь хорошенько накормить.

Тот и поехал шагом.

28. „ВЕДИ ИХ СЮДА, Я СОСЧИТАЮ“

Чапаевцы отдыхали в станице Чагал.

— Ну,— говорит Чапаев одному командиру,— прикажи ребятам купаться. Накупаемся,

да под гармонь спляшем—и на Лбищенск, чтобы к вечеру взять...

В это время подлетел один ординарец испуганный:

— Казаки, товарищ Чапаев.

— Где?

— За свёртом.

— Много?

— Невозможно сосчитать...

— Ступай, скажи им, чтобы на гору вылезли, а то сколько их, чорт знает... А ты почему так заикаешься? С детства такой или испугался?

— Я не испугался, товарищ Чапаев. Но казаков много—клянусь честью...

— Ну, а сколько много-то. Двое, трое? Веди их сюда, я сосчитаю...

Ординарец засмеялся и отъехал от Чапаева, потеряв всякий страх перед казаками.

29. ВОСПИТАНИЕ ПРИМЕРОМ

Чапаев скажет бывало:

— Нас никто не может взять. Ребята все хорошие, а я тоже не дам маху.

И любил он идти вперед и никогда не отступал.

Однажды наша разведка наскочила на белоказачий автомобиль. Приехали, доложили Чапаеву. Обиделся он:

— Эх, вы, какие вы чапаевцы? Гнали бы сюда-а!

Сейчас же сел верхом, взял ординарца, двух кавалеристов и ускакал. Смотрим—гонит машину и пленных—офицера и шофера ведет.

— Машины нам нужны.

Да, смелый был наш Чапаев.

30. „Я БУДУ ИТТИ ВПЕРЕД, А ВЫ—ЗА МНОЙ!“

Мы наступали на Васильевку, где находились казаки. Они в свою очередь выехали к нам навстречу. В степи завязался бой. Мы отбили несколько пик и других трофеев. Казаки отступили.

А ночью получили приказ: отбить Покровку. В Покровке стояли около двух недель, сдерживая натиск казаков. Чапаев дал приказ нашему эскадрону связаться с Солянкой, где стоял наш отряд. Но казаки уже захватили этот поселок, отрезав нам путь. Завязался бой.

У нас вышли все патроны на левом фланге. Казаки, видя, что мы не стреляли, бросились в атаку. Левый фланг дрогнул. Пулеметчик растерялся и строчил выше голов. Я подбежал к пулеметчику и сменил прицел. Стали заметны попадания. Казаки в беспорядке отступили, оставив много убитых и раненых. Мы вернулись в Покровку...

...Чапаев говорил: „Отступления нет! Кто будет отступать, получай первую пулю мою!“ Это был его и наш лозунг. „Я буду идти вперед, а вы за мной!“—говорил Чапаев. И мы охотно шли за своим командиром,— победа будет за нами, раз нас ведет Чапаев.

Чапаев был мужик настойчивый и не мог кривить душой. Он всегда говорил: „Мое слово—олово,—не ржавеет: сказал—и все. Надо сделать, хоть умри!“

Казаки называли Чапаева нечистой силой потому, что у нас был закон: „Вперед, чапаевцы не отступают“.

31. СЛОВО ЧАПАЯ

В селе Красный Яр были полки 25-й Чапаевской дивизии, у реки Белой. Надо было обязательно переправиться через Белую и

разузнать, какой силой обладают колчаковцы. А сила, как предполагалось, была у противника не малая.

Объявили командиры сбор охотников в разведку. Собрали все четыре полка.

В это время Чапаев на машине приехал. Встал перед бойцами и говорит:

— Если мы не перейдем Белую, вы не чапаевцы, а я не Чапаев. Вот мой сказ. Кто хочет быть чапаевцем, тот должен быть на той стороне,—и он взмахнул шашкой в сторону Белой.

— Я пойду, меня запишите!—закричал кто-то.

— И меня...

— И меня...

— Все пойдем за Чапаем!

Так по одному его слову сразу несколько десятков человек вызвалось идти в разведку в стан врага.

32. НАСТОЙЧИВОСТЬ И ВЕРА

Как я был у Чапаева?

Да были рядовым бойцом, был и командиром. Тогда ведь как командиров назначали?

— Ты будешь командиром!
— Да я ведь не могу, Василий Иванович!
— Как не можешь. Ведь и я был каким-то фельдфебелем... А теперь командир дивизии. Бери! Давай! И больше—никаких.
Ведь он слишком настойчивый был.

33. ПРОВЕРКА КАРАУЛОВ

Часто Василий Иваныч караулы проверял. Оденет шубняк старый, рваный, возьмет палочку, сгорбится и идет, костыляет. Часовой окликнет, а он знай идет. Доставалось ему, чуть не убил его часовой. Он тогда встанет и кричит: „Я Чапаев“. Боец так и обомрет. Думает: „Ну, конец!“ А Василий Иваныч его по плечу похлопает, закурить даст и похвалит.

34. „СЛЕДИЛ ЗА ПОРЯДКОМ“

Когда Чапаев через несколько месяцев приехал в Пугачев за пополнением, случай такой вышел. В Бурсах на часах боец у меня стоял. А ему приказ был: никого не пу-

скать. Чапаев идет. А он его не пускает; не знал его в лицо. Он говорит, что я, мол, Чапаев, мне нужно пройти. А солдат отвечает: „Раз я тебя не знаю, значит и не пущу. Не велено мне никого пропускать“. Так и не пустил Чапаева.

Потом вызвали меня. Я выхожу, думаю: „Ну, сейчас будет мне!“ А он только похвалил меня, что порядок у меня такой.

Уж очень он следил за порядком...

35. НАПУТСТВИЕ

Я не знал такого времени, чтобы Чапаев спал. Он всегда возился над пакетами, картами; казалось, он неутомим.

„Вот тебе пакет,—говорил он.—Десять-пятнадцать лошадей загони, но пакет доставь. В такое-то время доставь, иначе не вертайся“. И всегда тут же спрашивал: „Если тебя встретят белые, что ты будешь делать с пакетом?“—„Я его порву“.—„Дура, надо сжечь! Если нельзя сжечь, то съешь“.

Так напутствовал Чапаев своих ординарцев.

Чапаев приехал к нам в село Гусиху, созвал общее собрание и объявил призыв добровольцев в Красную Армию. Записались тогда пятьдесят человек, в том числе и я.

Некоторые добровольцы не держали до этого оружия в руках. Он учил нас военному делу прямо на поле боя.

Один раз я угодил на заставу,— мы ожидали наступления чехов. Василий Иванович лично определил линию обороны. Пришел на заставу, проверил посты. Подходил к бойцам и с каждым беседовал. Подходит ко мне, взял винтовку, сел со мной рядом и говорит:

— Стрелять умеешь?

Я говорю:

— Умею.

— Хорошо,—говорит Василий Иванович.— А почему не окопался?

— Да нужны ли окопы?—высказал я сомнение.

— А как же?—говорит он.— Нужно вырыть окоп, поставить прицел и ждать противника. Только нужно держать себя спокойно, подпустить ближе, а тогда и палить.

С этими словами он пошел от меня к следующему бойцу.

Чапаев крепил нас, учил военному делу.

Во время передышек соберет нас и говорит:

— Ребята, кто был на фронтах, знает военное дело—должен следить за молодыми, потому что они нигде не были. А вы, молодые бойцы, слушайте стариков, да не ловите ворон в бою, а то некоторые из вас встают во весь рост да стреляют. Такому стрелку будет худо. Раз его из пулемета — и срезан. Нет, ты наступай так, чтобы противник тебя не заметил и чтобы он от тебя не ушел...

Закончив беседу, запоет песню: „Вы не вейтесь, черные кудри“. За ним подхватят бойцы...

37. „БОГ ПОСЛАЛ“

Служил у Чапаева в дивизии старик Шабанов, связист. Чапаев любил его. Шабанов сам пришел к нему в дивизию добровольцем:

— Я, Василий Иванович, заведующий телефонной сетью в Николаевске. Возьми меня, а то твои ребята по неопытности еще напутают.

Чапаев, конечно, взял его. А боевого снаряжения в отрядах Чапаева было тогда мало.

Ни средств, ни связи, ни оружия в достатке не было. И вот Шабанов как-то говорит Чапаеву:

— А ты, Василий Иванович, помолился бы...

Не то шутил старик, не то в самом деле чуточку веровал.

Через некоторое время Чапаев отбил у белых сразу одиннадцать орудий, много телефонов и обмундирования. Увидел Василий Иванович Шабанова и говорит:

— Ну, старик, видал, как богатеем?

— Бог послал,—обрадовался старик.

— Вот этот самый,—ответил Чапаев, показывая на свой отдохавший отряд.

Шабанов рассмеялся и больше бога не поминал.

38. НА ПАМЯТЬ!

...Заметили меня казаки и открыли стрельбу. Пуля попала мне в зубы и застряла. Возвращаюсь к Чапаеву. „Ну как,—спрашивает,—выведал, узнал?“ А я с пулей в зубах, никак говорить не могу. Накинулся тут он на меня:

— Зря она тебе, дураку, в лоб не попала... Ну, айда в околоток!

Побежал я в околоток, но там второпях не смогли вытянуть. Тогда я поскакал к своей батарее, решил с помощью товарищей вытянуть. А Чапаев ждет меня у батареи, ругается и торопит:

— Ну, говори ты скорее!

Тут я начал сам руками выдирать, покрутил, покрутил ее—и вытянул.

— Вот она, проклятая!

Чапаев посмотрел на пулю и сказал:

— Ты, Тишка, береги ее на память... Ну, теперь рассказывай.

...Мы встретились в штабе.

— За последний бой ты должен получить еще награду,— сказал Чапаев.

— Какую?

— У меня от Реввоенсовета есть часы. Вот ты их возьмешь.

— Не надо мне.

— Ну как не надо, возьмешь. Пойми, часы от Реввоенсовета, возьми, возьми... Ну, а пуля у тебя цела?

— Цела,—говорю.

— Ты, вот что, Тишка, повесь ее на часы вместо брелока. Вот ловко будет! Ну, а теперь катись.

В наше село прибыл отряд Красной гвардии под командой т. Степанова. В этот отряд записалось около сорока человек, в том числе Кусakov, я и наш односельчанин прапорщик Сорокин, хороший артиллерист, который впоследствии был командиром батареи в Чапаевской дивизии.

Командир отряда т. Степанов повел нас на подавление кулацких восстаний в селах Любецком и Семенихе. В пути нам донесли, что противник находится совсем близко. Степанов командовал:

— В цепь!

Мы рассыпались и открыли стрельбу.

Вдруг кто-то закричал нам:

— Товарищи, да это свои! Это отряд Чапаева.

Мы прекратили стрельбу и вскоре встретились с отрядом Чапаева. Здесь я впервые увидел Василия Ивановича. Мы много наслаивались о его подвигах и жаждали увидеть его.

Он подъехал на белом коне, вооруженный с ног до головы, и сказал:

— Я Чапаев!

Все мы окружили его и разглядывали. Чапаев спросил нас:

— Вы, ребята, идете воевать за кого? А ну, кто ответит?

Тут раздались голоса: „Бить кулаков!“

Чапаев сказал:

— Не только, товарищи, кулаков надо бить, а всех врагов Советской власти, всех белобандитов, всех, кто пойдет против нас, рабочих и батраков. Надо только бить врага вернее, без промаха. Уничтожим врагов — значит, завоюем хорошую жизнь.

Сели мы на подводы и поехали дальше. Ночевали в пустующем помещичьем хуторе. Огромный помещичий дом был нетронутым. Мебель, зеркала, всякие безделушки — все было на месте. За домом — сад, кладовки, конюшни, в которых стояли упитанные рысаки.

Чапаев говорил нам:

— Вы, ребята, здесь не бейте и не колите ничего, это все наше, завоеванное. Берите только то, что нужно для войны.

Мы отобрали лошадей, всякую конскую сбрую, а также телеги и фургоны для своего обоза. На другой день утром наш отряд под командой т. Степанова двинулся на Любич-

кое, а отряд Чапаева — по другому направлению.

Вскоре после этого наш отряд был переименован в 3-й Советский полк.

Из него большинство бойцов перешло к Чапаеву — в полк имени Степана Разина. В числе других перешел к Чапаеву и я.

В отряде Чапаева было исключительно бодро. Наш отряд не знал поражений. Громили мы и кулачье и казаков. А после боя отдыхали с песнями и плясками. Особенно любил петь и плясать сам Василий Иванович.

Бывало, соберемся у него в штабе или на квартире. Чапаев обычно говорил, обращаясь к Петру Исаеву:

— А ну, Петька, споем! Ребята, присоединяйтесь!

Запевалой был Петька Исаев или сам Чапаев. Пели обычно песни про Ермака, „Сижу за решеткой в темнице сырой“, „По морям, по волнам“ и другие.

Когда надоедало петь песни, Чапаев вскакивал и говорил:

— А ну, ребята, спляшем!

Тут на сцену выступал гармонист и песенник Андриан Попонов, который, залихватски растягивая гармонь, запевал дикую цыган-

скую песню. Мы все подхватывали припев, а Чапаев пускался в пляску.

Плясал Чапаев хорошо, легко, ударяясь в присядку. Конкурентом ему по пляске был Беликов. Только его не мог переплясать Василий Иванович. Но случилось, что Беликов уступал ему и раньше времени кончал пляску. В этих случаях Чапаев оставался доволен:

— Что, Антошка, сдрейфил? Ну, где тебе переплясать Чапаева!

40. КАК ЧАПАЕВ НАКАЗЫВАЛ

Дело было в селе Таволожке. Два кавалериста приходят к Василию Ивановичу и говорят: так, мол, и так—на побывку хочется, домой сходить, отпусти, Василий Иванович.

— На побывку?—спросил он.— Ну что же, идите. На три дня. Писарь пусть увольнительную напишет.

А к писарю пришли уже не двое, а четверо. И все:

— Нас Василь Иванович на три дня отпустил. Писарь написал увольнительную, а потом доложил Чапаеву, что распоряжение его

выполнено — четверо бойцов уволены в трехдневный отпуск.

— Как,—закричал Чапаев,—четверо? Догнать их и вернуть сейчас же. Я двоих только отпускал.

— Есть, товарищ командир.

Привели голубчиков, поставили перед строем.

— Вот, полюбуйте на них,—сказал Василий Иванович.—Они Чапаева хотели обмануть... Правильно они сделали?

— Нет,—закричали бойцы.

— Какую они кару заслуживают?—спросил Василий Иванович.

— Расстрелять.

— Слышите?—обратился он к перепуганным насмерть обманщикам.—Слышите, что говорит дивизия?.. Стрелять я вас не буду. А на сутки аресту дам. Если же еще что сделаете, тогда не миновать вам расстрела.

Когда прошли сутки, Василий Иванович приказал привести к нему этих красноармейцев.

Он посмотрел на них пристально и спросил:

— Домой хотите?

— Нет, Василь Иванович,—дружно ответили бойцы.

— Эх, дурни. Почему же нет? Идите домой на три дня. Все четверо. А то жинки, поди, соскучились по вас.

41. ДВА СЛУЧАЯ С ПЛЕННЫМИ

Однажды, перед Гремучим хутором, я пошел в разведку. Всего нас поехало пять человек. И вот там мы встретились с казачьей разведкой. Порубили одного, одного в плен взяли, а остальные удрали. Привезли пленного, Чапаев его допросил и потом говорит нам:

— Ну, вот что, ребята: я отдаю его в ваше распоряжение. Делайте с ним, что хотите: хотите — расстреляйте, хотите — отпустите.

Взяли мы пленного, посоветовались и решили расстрелять.

Чапаев тогда сказал нам:

— Правильно, ребята! Разбираетесь вы теперь во врагах. Этот гад, белый офицер, наших много зарубил.

А однажды был и такой случай.

Забрали мы в плен трех молодых казаков. Чапаев допросил их и потом говорит нам:

— Вот, ребята, борьба-то борьбой, а надо знать, как и с кем бороться. Если мы их отпустим, тогда они поймут, что мы не живодеры и что мы не каждого встречного и поперечного расстреливаем, а только лишь офицеров да помещиков. Эти казаки молодые, мобилизованные насильно, и если мы их отпустим, они там расскажут про это и, пожалуй, тогда больше пользы нам будет.

Видим—решил Чапаев их отпустить.

Вывели этих пленных, он вышел к ним и сказал:

— Вот что, казаки: вы сейчас враги нам, и мы должны вас расстрелять, но мы не расстреливаем простых бедных казаков, отпускаем вас, идите. Но только уж больше с оружием против нас не попадайтесь. Уйдете домой, скажите там, что Чапаев расстреливает только помещиков, офицеров да кулаков, которые вредны рабоче-крестьянскому классу...

Пленные обрадовались и домой пошли. Часто Чапаев так делал, и многие из пленных переходили к нам.

42. ПЛЕННЫЕ УДИВЛЯЛИСЬ

Пленные удивлялись обращению Чапаева с ними. Однажды под Уфой к нам явилось много перебежчиков. Выборный от них попросил допустить его к Чапаеву.

Между Чапаевым и перебежчиком-татаринном произошел разговор.

— Мы были у белых и много слышали, что Чапаев хороший человек. Ой, какой хороший! Наши люди бедные, наши к вам в плен пришли.

— Хороший, говоришь, человек?—засмеялся Василий Иванович.—Может, боишься, что расстреляю, вот и хвалишь?

— Нет, нет, товарищ командир. Наши знают, что Чапаев бедняков не расстреливает, беднякам помогает свою землю иметь.

— Ну, ладно, говоришь ты хорошо, а у белых служил. Скажи своим, что приду, поговорю, тогда решим, что делать.

Вскоре Василий Иванович подошел к пленным, которых было человек двести. Он поздоровался с ними, посмотрел на всех. Заметил, что все были грязные, оборванные, усталые.

— Значит, у белых служили?

Никто не ответил. Выборный, тот, который уже разговаривал с Чапаевым, улыбался. Он знал, что красный командир совсем не „зверь“, как о нем говорили белые офицеры, а хороший человек.

— А свои земли будете защищать?

Выборный кивнул головой и за всех ответил:

— Будем. Чего мы знаем? Мы мобилизованы и стрелять не стреляли. Зачем своих стрелять. Вы все наши...

— Правильно. У меня добровольцами будете служить?

— На то и пришли,— в один голос заговорили несколько человек.

— Ну, так вот, будем друзьями. А если кто недоброе надумает—расстреляю...

Пленные стояли молча, но они понимали, что Чапаев не расстреляет, так же как и они никогда не изменят ему.

Василий Иванович распорядился вымыть, одеть, накормить и распределить их по частям первой бригады.

IV. БОЕВЫЕ ЭПИЗОДЫ

43. ДЕЛО БЫЛО В 1918 ГОДУ

Дело было в 1918 году. В И. Чапаев приобрел уже тогда известность в городе Пугачеве как член революционного комитета. Потом его избрали в запасном полку в полковой комитет. Комитет этот превратился в боевой штаб красногвардейского отряда. В этом отряде довелось послужить и мне.

В это время недалеко от Пугачева, в селе Семеновке, кулаки подняли восстание против Советской власти. Они соединились с белоказаками и стали жестоко расправляться с беднотой. Из Семеновки к нам в штаб прибежали раздетые и окровавленные бедняки.

Никто не ответил. Выборный, тот, который уже разговаривал с Чапаевым, улыбался. Он знал, что красный командир совсем не „зверь“, как о нем говорили белые офицеры, а хороший человек.

— А свои земли будете защищать?

Выборный кивнул головой и за всех ответил:

— Будем. Чего мы знаем? Мы мобилизованы и стрелять не стреляли. Зачем своих стрелять. Вы все наши...

— Правильно. У меня добровольцами будете служить?

— На то и пришли,— в один голос заговорили несколько человек.

— Ну, так вот, будем друзьями. А если кто недоброе надумает—расстреляю...

Пленные стояли молча, но они понимали, что Чапаев не расстреляет, так же как и они никогда не изменят ему.

Василий Иванович распорядился вымыть, одеть, накормить и распределить их по частям первой бригады.

IV. БОЕВЫЕ ЭПИЗОДЫ

43. ДЕЛО БЫЛО В 1918 ГОДУ

Дело было в 1918 году. В И. Чапаев приобрел уже тогда известность в городе Пугачеве как член революционного комитета. Потом его избрали в запасном полку в полковой комитет. Комитет этот превратился в боевой штаб красногвардейского отряда. В этом отряде довелось послужить и мне.

В это время недалеко от Пугачева, в селе Семеновке, кулаки подняли восстание против Советской власти. Они соединились с белоказаками и стали жестоко расправляться с беднотой. Из Семеновки к нам в штаб прибежали раздетые и окровавленные бедняки.

Чапаев собрал нас, всех своих бойцов, и обратился с речью. Он говорил просто и ясно. Я хорошо запомнил его слова. Он говорил, указывая на окровавленных бедняков:

— Ребята, смотрите, как льется наша кровь. Давайте встанем, как один, против угнетателей!

Он закончил возгласом:

— Вперед, товарищи!

Мы немедленно выступили под его командой из Пугачева по направлению села Семеновки. Когда мы подходили к Семеновке, к нам стали перебегать крестьяне. Все они просили: „Товарищи, мы погибаем от казаков. Спасите нас!“ Некоторые тут же вооружались, становились в наши ряды.

Только мы вошли с одного конца села, как сразу кулаки и казаки по нас открыли оружийный и пулеметный огонь. Мы залегли в цепь.

Только я хотел передвинуться вперед, как ударило снарядом в угол дома, у которого я лежал. Меня сильно контузило и оказалось—поразило в плечо. Я был отправлен в Пугачев, в госпиталь. После ранения я жил тайно в селе Николаевке, Пугачевского уезда, завятом белочехами.

44. РЕШИТЕЛЬНОЕ НАСТУПЛЕНИЕ

Стояла жаркая летняя пора. В армии чехов шли разговоры о приближении красных.

В один из июльских дней послышалась за селом перестрелка. Подходил отряд Чапаева. Чехи пригнали мобилизованных русских солдат, послали их на передовую линию, а сами остались в тылу. Чапаев повел решительное наступление. С передней линии чехов была усиленная стрельба из пулеметов, но со стороны Чапаевского отряда не было убито ни одного бойца. Почему так? Да потому, что находившиеся впереди чехов мобилизованные солдаты направили пулеметы вверх. Пулеметы строчат, а чапаевцы идут во весь рост в наступление, и ни один не падает, не убит, не ранен. Увидев это, чехи начали кричать, чтобы с передней линии отступали, но мобилизованные солдаты стояли как вкопанные и не двигались с места. Когда к ним подошли чапаевцы, они сдались все в плен, а чехов угнали далеко за село.

Чехи остановились в поселке Лебяжьем. В двенадцать часов бой затих, чапаевцы пришли в наше село Николаевку. Тут же всему населению было объявлено, что сей-

час будет собрание. Народ стал собираться. Приехал Чапаев, стал говорить, обращаясь к населению:

— Вот, товарищи, настал час, когда мы завоевали свою свободу.

И дальше он говорил:

— Мы должны сбросить всех своих врагов.

В нашем селе очень хорошо встретили Чапаева. Несколько человек добровольцами пошли в его отряд...

45. „ОБРАТИТЕСЬ К ЧАПАЕВУ“

В нашей Семенихе подняли восстание кулаки. Мне и еще одному, Потехину, пришлось ехать к Чапаеву за помощью. Приехали в Пугачев мокрые до нитки, — половодье тогда было. Приходим в штаб к комиссару, отдали ему пакет; он прочитал и говорит:

— Вы обратитесь к товарищу Чапаеву, он поможет вам.

— А где его нам найти? — спросили мы.

— А вот, — говорит комиссар, — мы сейчас ему на квартиру позвоним.

Позвонил, передал Чапаеву, а он, видимо, спрашивает: „А кто приехал-то?“ — „Гулин“. —

„Ну, пришли их ко мне, я поговорю с ними“, — ответил ему Чапаев.

Взяли мы пакет и поехали в Бурсу, — он тогда там находился. Приходим в квартиру. Вышел к нам Василий Иванович, поздоровался с каждым и говорит:

— Проходите в комнату, там расскажете все.

Ну, вошли мы, отдал я пакет ему; он прочитал, окинул нас глазами, маленько подумал и говорит:

— Вот что, ребята: людей я вам не дам, а в оружии и патронах помогу вам. Даю я вам шестьдесят винтовок и пять тысяч патронов. Я знаю, что у вас там есть опора, и надеюсь, что кулацкое сопротивление вы сломите. И скоро меня туда ждите, я к вам прибуду... Ну, езжайте.

Мы и уехали.

Ликвидировали кулацкое восстание, потрепали там кой-кого, а дней через пятнадцать приехал к нам Чапаев. Он тогда организовал отряд и пошел на Уральск, набирая по пути еще бойцов в свой отряд.

Собрал он в Семеновке собрание и начал говорить:

— Товарищи батраки-бедняки, наш путь один: взять винтовку и идти против буржуа-

зии. Они вырезают наши семьи, семьи бедняков, и мы должны постоять за себя и прогнать их совсем из России. Кто желает идти против буржуазии, против помещиков, вступайте ко мне в отряд. Берите винтовки, и пойдем защищать власть Советов. Будем помещиков бить. Наша сила непобедима.

Наш отряд весь присоединился к нему, еще человек двести семеновцев записались, — и мы пошли по направлению на Уральск.

46. В БОЮ И НА ОТДЫХЕ

Наступали мы на Гусиху цепью. Морскими волнами шли за Василием Ивановичем. Он впереди ехал. Потом спешился и на бугор поднялся — посмотреть, ориентироваться в обстановке. Я кричу ему:

— Василь Иваныч, наши в лощине!

Он отвечает:

— Я вижу. Ты стой здесь, я вон к тем ветлам съезжу.

Прыгнул в седло и поскакал.

Мне одному немного жутковато стало. Тишина большая наступила — ни с чешской стороны, ни с нашей не стреляют.

Вдруг из-за бугра, со стороны противника, наш пехотинец бежит, без винтовки и без фуражки.

— Машина! Машина! — кричит. — Машина с пулеметом! Всех посечет...

Я как пришпорю коня — вперед заскочить хотел, узнать в чем дело. А лошадь, как на грех, споткнулась, я и вылетел из седла. Руку сильно правую ушиб. Вскочил — и опять в седло и еще шибче поскакал. Даже папаху, свалившуюся с головы, не поднял.

После боя, вижу, едет ко мне Василий Иванович. Чего-то про себя напевает, а в руке мою папаху держит. Подзывает к себе. Ну, думаю, за папаху проборка будет. Спрашивает он меня, взглянув на распухшую руку:

— Ранило? Почему руку раздуло?

— Нет, — отвечаю, — Василь Иванович, это я с лошади упал.

— Возьми, — отдал папаху. Потом помолчал и добавил: — И больше так не джигитуй, видел я, что было. Убьешься до боя. Какой толк? А нам еще с чехами встречаться придется. Ты посмотри, как мы завтра на них нажмем.

И действительно: вскоре мы Марьевку забрали. Много чехов в плен захватили, много оружия досталось в наши руки.

Мы все такие веселые были, несмотря на усталость.

Василий Иванович тоже веселый был:

— Сегодня, ребята, никуда не пойдем. Отдыхайте.

А вечером вроде праздника устроили—пели, плясали, музыка играла. Смотрим, Чапаев протолкался в круг. Посмотрел на нас и говорит:

— Эх, после знатного боя отдохнуть, повеселиться не грех!

Да как развернется, да как пустится „казачка“ плясать, только пыль столбом.

Когда кончил плясать, улыбнулся:

— Вот как надо! Берите со старика пример.

Дальше, на Уральск, надо итти. Василий Иванович перед самым выходом короткую речь держал:

— Идем выгонять из Уральска казаков. Я знаю, что бойцы 25-й дивизии не трусы и в грязь лицом не уронят себя. И в бой пойдем с песней. Пусть у врага душа леденеет, пусть знают, что чапаевцы идут.

Ну, вышли за станицу, развернулись фронтом и пошли. Василий Иванович впереди цепи сажен на десять идет. Папаха назад

заломлена, полушубок ремнями затянут, аккуратный такой.

— Начинаем, ребята!

И он запел песню. Какую, сейчас, право, не помню. Только хорошую какую-то.

* * *

...Один раз Чапаев говорит бойцам:

— Кто желает со мной через казачью цепь прорваться на машине.

Желающих, конечно, много нашлось. Отобрал Василий Иванович двенадцать человек. Установили на грузовике пулемет, кипу листовок положили и поехали.

Как стали подъезжать к казачьей цепи, Василий Иванович гимн заиграл:

Вставай, проклятьем заклеянный...

Его подхватили остальные бойцы. Казаки стрельбу открыли. Мы пулемет наладили. Едем, поем, стреляем и листовки разбрасываем.

Вихрем пронеслись мимо казаков. Они только в сторону с дороги шарахались.

Так мы через весь их фронт проехали и обратно вернулись. И никто из нас даже ранен не был.

Вот это, помню, как сейчас было, и Василий Иванович—веселый, довольный, как живой перед глазами стоит.

47. ПОД ГУСИХОЙ

Один только раз довелось чапаевцам отступить. Дело было под Гусихой, Чапаева в ту пору с нами не было. И вот разутые, раздетые бегут в сторону Порубежки. А тут как раз Чапаев возвращался из академии. Увидел своих бойцов Чапай, остановился и говорит так это тихо:

— Здравствуйте, братишки!

А чапаевцы молчат, стыдно им своего командира.

— Значит, отступаете? Т-а-а-к!

А потом вдруг вскочил на лошадь и говорит:

— Не хотите со мной защищать власть советскую?

— Хотим, товарищ Чапаев!

— А на какой чорт вы мне нужны, голые-то? Подарили казакам одежду-то?

А потом подумал немного и твердо сказал:

— Вот мой сказ: кто хочет снова стать достойным бойцом Красной Армии, сегодня

же должен достать себе одежду и оружие в бою. Приказываю отнять у белых все, что вы там оставили, да в придачу ихний обоз захватить.

После этого чапаевцы дрались как львы, отбили у казаков Гусиху, много оружия захватили и обоз целиком.

48. „А ГДЕ ТВОЯ БОЧКА?“

Никогда не забуду боя под Гусихой.

Когда начался бой, чехи сильно нажали на правый фланг, там получился прорыв. Отступили в Порубежку.

Только туда прибежали — откуда ни возмись, едет на паре вороных Чапаев. Мы собрались в кучу. Не доезжая нас, кричит нам: „Что за банда?“ Подъехал ближе, мы рассказали, как получилось дело. Тогда Чапаев повернул лошадей, скомандовал: „За мной!“ А сам на тачанке с пулеметом погнал лошадей во весь опор. Мы побежали за ним.

На сельской площади Чапаев выстроил нас и приказал каптенармусу выдать обмундирование. Потом сказал нам:

— Оружие, где хотите, там и доставайте, чтобы найдено было оружие! Без оружия ко мне не приходите.

Мы начали искать оружие. У меня была спрятана винтовка в капустных грядках—я ее скоро нашел.

Все разошлись искать, остался один человек. Чапаев подозвал его и спрашивает:

— Что ничего не ищешь? Али у тебя ничего не было?

Тогда тот отвечает:

— Я, Василий Иванович, водовоз.

— Хорошо. А где твоя бочка?

— Я, товарищ Чапаев, сильно растерялся и не знаю, где она находится.

— Беги, ищи, чтоб был ты также при полном своем вооружении. Водовоз в жаркое время бойцам первый помощник. Понял? Поскорей приезжай сюда, пить хочу.

И что же вы думаете—прикатил парень в срок с полной бочкой! Чапаев испил воды, улыбнулся и сказал:

— Хорошо, что скоро нашел! Только не вздумай в другой раз потерять, плохо будет...

49. БОИ ПОД ТАВОЛЖАНКОЙ

...Никогда не забудется бой под Таволжанкой. Нам донесли, что Николаевск пал, что белые вступили в город и терроризируют жителей. Чапаев повел нас на помощь городу. Но под Таволжанкой нас встретила громадная сила белочехов. Завязался бой. По количеству нас было меньше в несколько раз, а по оснащению—и говорить не приходилось. По нас палили из пулеметов и из орудий. Казалось, что орудий было несметное число,—так щедро белые усыпали снарядами наши окопы.

Чапаев был уверен в своей победе, а это доходило до сознания каждого бойца. Мы наступали дружно и умело. Василий Иванович, как орел, перелетел с одного фланга на другой. Вдогонку Чапаеву сыпались пули, чехи старались попасть в него. Но Чапаев не обращал внимания на свист пуль и вой снарядов.

— Цепь! Вперед! За мной, цепь! Цепь, вперед!—разносилась по полю команда Василия Ивановича.

Боевой путь Чапаева так необычайно велик и прекрасен, что нет никакой возмож-

ности описать все виденное и пережитое вместе с ним. Каждый из нас, оставшихся в живых чапаевцев, не может спокойно говорить о своем любимом командире, который помог нам осознать всю сложность и многообразие классовой борьбы, привил нам любовь к родине, влил в нас волю к победе и бесстрашие.

50. ПЕРЕИМЕНОВАНИЕ ГОРОДА

В августе 1918 года я возвращался из Москвы, куда сопровождал с вооруженной командой два эшелона с пшеницей и скотом для рабочих красной столицы. Добрались мы до Москвы с большим трудом, но все же довезли драгоценный груз благополучно, за что я получили благодарность.

А возвращаясь обратно, на станции Ершово мы узнали, что Николаевск занят чехословаками. Мы вышли из вагона, взяв с собой оружие.

На станции было тихо, и тишина эта была зловещей.

Расхаживали какие-то подозрительные люди, сеявшие слухи насчет того, что чехи

уже в пяти верстах. Оставаться на станции было небезопасно, и мы пошли цепью, чтобы соединиться с каким-либо более крупным красногвардейским отрядом.

На другой день утром мы достигли деревни, где стоял штаб Чапаева. Тут же оказались многие члены уездного комитета партии, успевшие с боем выйти из города, когда его уже заняли чехи.

Вскоре мы вышли из деревушки. В нескольких километрах от города устроили партийное совещание. Василий Иванович доложил о плане захвата города, обстоятельно показав всё по карте, разменяв ее циркулем. Один из наших товарищей заметил:

— Сегодня же займем Николаевск!

Василий Иванович, к нашему недоумению, вскочил на ноги, будто его кто ужалил. Он топнул ногой и, размахивая кулаком, прокричал:

— Николаевск! Николаевск! Надоело мне это название. Царь был Николай, и город наш Николаевск. К чорту Николаевск, давайте назовем город—Пугачевск. Как, товарищи?

Предложение Василия Ивановича всем понравилось, и бойцы, подходя к городу через несколько часов, кричали чехам:

— Даешь Пугача!

Наименование это так прочно закрепилось, что едва ли на другой день кто называл город по-старому.

Мы заняли город, сбив атакой чешскую артиллерию.

В Пугачевске в этот день установилась Советская власть навсегда.

51. „ВОТ ГЛЯДИ, КАК ЧАПАЕВ РУБИТ!“

25 августа 1918 г. в распоряжение моего полка прибыл Василий Иванович с ординарцем Петей Исаевым и, подойдя ко мне, сказал: „А ну-ка, товарищ командир, пойдем посмотрим местность, которой ты ведаешь!“

Мы сели на коней. Я пригласил с собой начальника конной разведки, десять кавалеристов, и мы выехали в разведку.

Не доезжая пяти километров до села Орловки, встретили конный разъезд чехов в количестве 30—40 человек. Они выезжали из оврага на нашу сторону. Чапай скомандовал:

— В атаку!

С гиком мы бросились в атаку. Чехи круто повернули, некоторые полетели с обрыва, но

вскоре оправились и выскочили из оврага на нас. Началась рубка.

Один наш разведчик налетел на чеха. Выстрелил в него. Попал в левую руку. Чех размахнулся на него шашкой, но в этот момент я ударил чеха по правой руке и взял его в плен. А когда обернулся, то увидел, что чехов человек 12 окружили Чапаева и двух наших конников. Я крикнул своему коннику, державшему пленного:

— Васька, за мной! Чапаев окружен!

Когда мы подскакали с Васькой на помощь, я одного чеха ударил шашкой, в другого выстрелил. Чапаев одобрительно крикнул:

— Вот так нужно!

Тут мне пришлось увидеть, как Чапаев дрался. Его шашка свистала в воздухе, и при каждом ударе он издавал звук, как дровосек.

В результате боя чехов было убито одиннадцать, ранено пять, взято в плен семь. У нас не было ни раненых, ни убитых.

Чапаев торжествовал и, усмехаясь, говорил:

— А еще хотели взять Чапаева! Где им, сволочам! В носу не кругло!—Потом посмотрел и сказал:— Вот гляди, как Чапаев рубит!—И он показал мне на убитого чеха,

у которого голова до туловища была рассечена на две половины.

Едем обратно с трофеями: пленными чехами и забранным у них оружием и лошадьми.

— Вот видал, как Чапаев ездит? Вот так всегда надо бить врага!

52. СЛУЧАЙ С МОРТИРОЙ

Перед боем под селом Орловкой (теперь Духовницкого района) ночью мы получили новую „мортирку“ 42- или 48-миллиметровую. Не умея совершенно с ней обращаться, мы все же думали наделать больших дел.

Ночью подходим с северо-востока к хутору Горбачеву. В двух километрах от Орловки нашли удобную позицию с хорошим обстрелом тыла чехов. Стало светать. По сигналу ракеты мы должны открыть ураганный огонь.

Наводчики трехдюймовых (было их три) установили прицел. Все готово. „Сейчас,— думаем,— наломаем ребра чехам, особенно-mortиркой“.

Взвилась ракета, и мы с радостью зарядили свою милую-mortирку, дернули за веревочку и ждем разрыва снаряда.

Но что за чудо: наш снаряд улетел неизвестно куда. Убавили прицел, выстрелили, а снаряда опять нет. Прибавили—снаряд разорвался рядом.

„Что за чорт!“—ругаемся.

Убавим прицел—снаряд улетит неznай куда, прибавим—разрывается.

Трехдюймовки били чуть ли ни в упор чехов, а мы до слез ругаемся и не знаем, что делать. Уже слышно партизанское „ура“, наши уже штыками выбивают чехов.

В это время прискакал к нам на лошади товарищ Чапаев с ординарцами, негодует—почему не бьет мортирка по чехам? Мы говорим, что проклятая не хочет стрелять как следует. Товарищ Чапаев соскочил с лошади, подбежал к мортирке, повернул барабан, покрутил панораму, закрутил и ударил. Снаряд вновь упал рядом.

Выругавшись, Чапаев толкнул ногой и крикнул:

„Петька, давай пулемет!“—И на подъехавшей полуторке с пулеметчиком Сорокиным кинулся наперерез бегущим чехам.

Заехав вперед бегущим чехам, Василий Иванович начал расстреливать их в упор. Ошеломленные чехи начали в панике

метаться, попадая под огонь случайно налаженной нами мортирки.

Оставив тысячи убитых и раненых, побросав пулеметы и орудия, горсточка чехов бежала к Волге. А мы после боя принялись тщательно изучать капризы нашей мортирки и через некоторое время били из нее уже без промаха.

53. ВО ВРЕМЯ БОЯ ПОД УФОЙ

Во время боя под Уфой отвозил я от Чапаева пакет в одну часть. Возвращаюсь—смотрю, он раненый, с перевязанной головой, а сам сидит на коне, наблюдает за переправой красных частей через Белую.

Когда забрали мы Уфу, заболел я, и меня отправили в Самару. Пролежал я недели три в больнице и получил увольнение с военной службы. Но домой не поехал: „Куда, думаю, поеду? Уральск опять окружен казаками. Лучше вернусь к Чапаеву“. Выхлопотал я направление в 25-ю дивизию и приехал в Уфу. Чапаева я встретил в лесу по дороге. Он уже выступил из Уфы и шел на освобождение Уральского. Показал я ему увольнение. Покачал он головой:

— Уходят нашего отряда люди. Что же, домой поедешь?

— Нет,—говорю,—опять к тебе, Василий Иванович.

— Ну, иди, бери лошадь.

До Бузулука ехали с песнями, никого не встречали. А от Бузулука пришлось идти на фронт — стали попадаться казачьи разъезды. Были в пути маленькие стычки.

Одна весть, что идет Чапаев, наводила на казаков ужас. Боялись они его, как огня. Встретили нас товарищи в освобожденном Уральске с восторгом, у многих слезы радости были на глазах.

54. НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ВСТРЕЧИ

1919 год. Весна. Колчаковские войска находились в считанных километрах от Самары.

Трудящиеся во главе с партией большевиков напрягали все силы для борьбы с наступающим врагом и от обороны переходили в наступление, чтобы не дать Колчаку захватить Среднюю Волгу. Эшелон за эшелоном двигались из Самары на фронт. Рабочие, оставляя свои станки, шли на защиту

города. В составе пополнения для Чапаевской дивизии отправился на фронт и я.

Чапаев нас встретил, когда мы еще не вступали в бой. Наш полк приближался к полосе боевых действий. У села Пилюгино мы заметили мчавшихся на нас всадников. Сначала были различные догадки о том, кто бы это мог быть, но вскоре по колоннам пролетел слух: „Скачет к нам Чапаев“. Тем временем разъезд приблизился почти вплотную. Каждый боец был уже уверен, что это Чапаев. Слишком он был особенный, чтобы его не выделять от других. Многим тогда казалось, что именно на Чапаеве и должна быть бурка, без которой он не был бы Чапаевым, также должна быть и черная каракулевая шапка, и обязательно должны быть черные усы, закрученные кольцами.

Чапаев поздоровался с нами и обратился со словами:

— Товарищи, вы вступаете в 25-ю славную дивизию, вы должны знать, что это за дивизия...

И Василий Иванович коротенько рассказал о борьбе дивизии с уральским белоказачеством, о порядках в дивизии, о дисциплине и тех задачах, которые стоят перед нами.

Говорил он не совсем складно, но эти слова проникали в глубину сознания и заставляли верить Чапаеву, идти на его призыв.

Бойцы нашего полка сразу полюбили своего командира. Одно его имя воодушевляло нас, удваивало нашу силу и храбрость. Бывали случаи, когда казалось, что нет сил сопротивляться белым, что остался один путь — отступление, но два слова: „Чапаев здесь!“ — и бойцы с новой силой и уверенностью в победе бросались в атаку и побеждали.

Но не только одной храбрости учились бойцы у Василия Ивановича. Мы учились быть преданными делу революции, быть настоящими бойцами Красной Армии, несколько не похожими на солдат старой армии и армии белых генералов. Никогда не забудутся слова Василия Ивановича о разнице между солдатами царской и белой армии и красноармейцами:

— Мы бойцы другого склада, ибо наша армия защищает революцию и трудовой народ.

При взятии нами села Трифоновки мы увидели двух своих кашеваров мертвыми, с изуродованными телами. Их замучили живыми только за то, что они варили кашу для

чапаевцев и, случайно очутившись в селе, не сказали, откуда они пришли.

Тела этих наших бойцов еще не остыли, когда Трифоновка уже нами была занята. Похоронили мы их на окраине деревни, в березовой роще.

За свое пребывание в Чапаевской дивизии, до августа 1919 года, я несколько раз встречал всеми нами любимого командира—Василия Ивановича Чапаева, и эти встречи никогда не забудутся.

55. ПОД КОМАНДОЙ ЧАПАЕВА

К полудню было отдано распоряжение: „Ночью перейти в наступление и сбить колчаковцев с занимаемой позиции“.

На южном берегу реки Белой расположился наш артиллерийский дивизион. Местность здесь покрыта молодым леском. Берега реки кремнисты.

Сiju в землянке у телефонного аппарата, возле сделанной за эти дни переправы.

Передо мной в пустынной темноте теплой майской ночи тихо протекает Белая. Она поплескивает небольшими волнами, ударяя

о стены стоящих здесь двух пароходов, отбитых у колчаковцев три дня назад. Против нас, на том берегу — полуостров, заросший густыми деревьями. За полуостровом — окопы колчаковцев. Впереди окопов — проволочное заграждение.

Со вчерашнего дня начали перевозить на пароходах наши части на полуостров. Все делалось тихо. Раньше всего туда были отправлены батальон пехоты, пулеметная команда, кавэскадрон и один бронеавтомобиль. Оставшаяся пехота расположилась неподалеку от переправы, в кустах, наготове и ждала распоряжений.

В полночь тт. Чапаев и Фрунзе уже были около переправы. Они уточняли план боевых действий.

Мы, связисты, обеспечили связь с переправленными частями. Сейчас лежим в укрытии и шопотом переговариваемся между собой о том, чтобы во время команды „Огонь!“ не получилось никакого замешательства.

Медленно идут минуты. Кажется, что они бесконечны. Но вот настало боевое время: без пяти минут два часа. По телефону передается команда: „К бою готовьтесь!“ И через несколько напряженных минут: „Огонь!“.

В ответ ночную тишину разорвал грохот. Казалось, что земля от беспрерывных выстрелов качается.

Чуть начала загораться зорька. На том берегу слышались крики „ура“, треск пулеметов и ружейная стрельба.

Пароходы начали спешно перевозить остальные воинские части.

Передают с того берега по телефону: „Колчаковцы из окопов выбиты и в панике бегут. Наша пехота и кавалерия проходят проволоочное заграждение“.

Появляется Чапаев. Он хладнокровно и четко отдает распоряжение:

— На ту сторону!

Спустя полчаса наш пароход привез около сотни захваченных в плен татар-колчаковцев.

Сходили они на берег боязливо, жались друг к другу: о Красной Армии офицерство наговорило им вороха небылиц.

Здесь пленных встретили Фрунзе и Чапаев.

Они зашли к ним в середину. О чем-то переговаривались между собой. Чапаев окинул взглядом пленных. Последние представляли собой жалкие существа: в рваных пиджачишках, в лаптях, обросшие, грязные.

— Ну, за что вы воюете?

Ответы на ломаном языке слышатся вразброд.

— Ну, а много здесь у Колчака войск?

— Много-много, да что оно: бить это войско,—оно бы все домой ходило, да офицер не пустил.

— Ну, а в наши ряды пойдете?—спрашивает товарищ Фрунзе.—Землю себе завоевывать хотите?

— Да. Давай нам винтовка, одевай, обувай—сейчас бить будем офицеров. Душить...

— Василий Иванович, передай их в распоряжение комбригов, пусть сейчас же обмундируют, вооружат. Из них хорошие будут вояки,—говорит товарищ Фрунзе.

На этом и кончилось собеседование с пленными.

Чапаев и Фрунзе уехали в Красный Яр.

Орудийная стрельба стала смолкать. Наши пехотные части ушли уже верст восемь вперед. Артиллерия снимается с позиций. Из Красного Яра часов в десять утра направляемся в Уфу.

Въезжали в город часа в два дня. На улице многолюдно. Рабочие встречают наши части с криками „ура“.

Через несколько дней отправляемся на станцию Чишмы для погрузки на уральский фронт.

В бою под Уфой Василия Ивановича Чапаева ранило в голову.

— Ребята, не тушуйся! — крикнул Чапаев. — Переправляйся... Вперед — сколько угодно, а назад — ни шагу!

Доктор подбежал к раненому Чапаеву и стал перевязывать голову. Пуля застряла в голове Василия Ивановича острым концом кверху, и вынуть ее в поле врач не брался — требовалась операция в лазаретных условиях. Но Чапаев слушать про лазарет не хотел.

— Нельзя, Василий Иванович, пулю вынуть надо, — сказал врач.

— Разрежь да вынь! — резко ответил Чапаев.

— Да она острым концом кверху...

— Ну, переверни! Тупым кверху будет...

Тогда врач быстренько сделал Василию Ивановичу операцию и вынул пулю.

— Теперь вредного, товарищ Чапаев, ничего нет...

— А кабы вредное было, так я бы валялся.

57. ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗ БЕЛУЮ

Под Уфой переправлял Чапаев свои войска через Белую речку. Не выходил из строя, несмотря на ранение. Весь окровавленный воевал.

В одном селе, кажется Свердловском называлось, сильная концентрация войск была. Все войска и коней мы отводили в яр. А сам Чапаев с группой остался и спрятался в соломе. Когда белые подошли, то мы внезапно напали на них и нанесли большой урон.

58. РАНЕННЫЕ

Перебрались мы в Уфу через реку Белую. Ранило его в голову. Кричит он бойцу: „Тащи!“ Вытащили, перевязали и опять в бой.

Ранило одного в руку. А он в новой гимнастерке был и говорит: „Ну, товарищ командир, не безобразие? Надел новую гимнастерку, а они мне ее испортили!“

Смельчаки были хоть куда!

59. „КАКАЯ ПЕРЕВЯЗКА—БОЙ ИДЕТ!“

Когда переправлялась дивизия через реку Белую, Чапаеву осколком снаряда поранило голову. Подбежал было санитар к нему, что-

бы сделать перевязку, но Чапаев только рассердился:

— Какая перевязка — бой идет! — И сам вырвал застрявший осколок. Только после боя удалось ему сделать перевязку.

60. ДВЕ РАНЫ

Во время жарких боев с Колчаком Чапаев был ранен.

— Вам надо немедленно лечь в госпиталь, — сказал доктор.

— В госпиталь? — переспросил Василий Иванович. — Обойдемся без госпиталя! Сделайте перевязку и относительно раны не беспокойтесь. Есть у меня рана побольнее...

Василий Иванович продолжал руководить боем.

После занятия Чапаевской дивизией Уфы Василий Иванович вызвал к себе одного из любимых кавалеристов, отчаянного, боевого парня.

— Друг любезный, — сказал он кавалеристу, — ты знаешь, что сейчас все лучшие большевики мобилизованы против Колчака. Болит у меня сердце: что в Пугачевске?

Седлай коня и поезжай: там ты все это тайно проверишь.

Кавалерист - чапаевец не только проверил, но и не опоздал возвратиться к очередному бою.

— Вот и хорошо! — сказал ему Василий Иванович. — Теперь у меня обе раны зарубцевались...

61. „РАЗДАВИТЬ БЕЛЫХ ГАДОВ!“

Осенью 1918 года была объявлена мобилизация. Я к этому времени поправился от ранения и поехал в г. Пугачев. Меня зачислили в 25-ю Чапаевскую дивизию, в 1-й Мусульманский полк.

Из Пугачева мы пошли на станцию Семиглавый Мар. Нас обошли казаки, и завязался бой. В это время я стоял у денежного ящика в штабе полка.

Белые очутились около штаба. В штабе остался я один, но не покидал свой пост. Кроме денежного ящика, в штабе было большое количество бомб. Я взял несколько бомб, приготовился к обороне.

Вот уже подбегают к штабу белые, но с другой стороны выскочили наши красные

кавалеристы и очень быстро захватили всех белых в плен.

Из Семиглавого Мара мы опять пошли в наступление на ближайший казацкий форпост. Казаки оказали здесь упорное сопротивление. Дерзким налетом они захватили у нас стадо скота — наше продовольствие.

Командиры созвали митинг. На этом митинге мы приняли решение.

— Товарищи! Раз мы чапаевцы, у нас не может быть никаких панических настроений. Мы должны раздавить белых гадов. Вперед!

И мы пошли вперед, как подобает чапаевцам.

62. ЧАПАЕВЦЫ ЧУЖОГО ДОБРА НЕ БЕРУТ

...Было и такое дело. На одном хуторе под Уральском Чапаев собрал бойцов и говорит:

— Ребята, на вас жалуются возчики, что вы грабите население.

Тогда бойцы заявили — нужно проверить всех. Так и было сделано: проверили всех бойцов, но ни у кого ничего не оказалось. Тогда В. И. Чапаев сказал:

— Нужно проверить обозников.

Когда стали проверять, то почти у каждого обозника из мобилизованных казаков было обнаружено в телегах большое количество всякой домашней утвари, сбруи и прочего добра. Были найдены: хомуты, самовары, обувь, женские и мужские платья.

Тогда Чапаев собрал обозников и говорит:

— Вот, граждане, дело обстоит по-другому: вы, отцы-подводчики, грабите население, а на сыновей трудового народа ссылаетесь. Смотрите у меня, я этого не люблю!..

После такой беседы добро у возчиков было отобрано, часть роздана потерпевшим крестьянам, а на некоторое не нашлось хозяев. Василий Иванович составил список и приказал возчикам:

— Если кто не отвезет чужое добро, где он взял, то расстреляю на месте. На моих бойцов, кроме вас, никто еще из крестьян не говорил, что они берут чужое добро. Им ничего не надо, кроме двух пар белья, двух банок консервов, винтовки да полного патронташа патрон.

63. БОЙ ПОД ХУТОРОМ КОРОВИНЫМ

...Мне часто приходилось после боя или похода останавливаться с Василием Ивановичем на одной квартире, обедать с ним, вечерами, и мы подолгу с ним разговаривали про царскую войну, про наши дела.

Однажды он мне говорит:

— Дядя Петя, командиры у нас хороши, да и я будто смекаю в военных делах, но без хороших бойцов, хоть в лепешку расшибись, ничего мы не сделаем. Надо нам больше людей набирать, привечать их, одевать их лучше да кормить сытнее. Но каждому винтовку дать нельзя, тут надо глядеть да поглядывать. Опять же собирать надо тех, кто по доброй воле идет, неволец—не воин, у него в мыслях свой дом, баба да огород.

Был под Коровиным памятный бой. Стояло летнее время. Наши полки отступали под натиском казаков. Тогда они все свои силы бросили на Чапаева.

Мне по цепи передают:

— Дядя Петя, к Чапаеву!

Я подъехал.

— Дядя Петя, готовь батарею, будет горячее дело.

— Есть,—говорю,—Василий Иванович.

Рысью еду к своим артиллеристам и команду:

— С передков! На-лево кругом! Прицел сто двадцать, гранатой... правое орудие, огонь!

С первого снаряда разбили мы прислугу казачьего орудия. Потом начали беглым огнем, и вскоре батарея белых замолчала.

В это время Чапаев сделал смелый маневр. Он раскинул отряд широким полукругом и стал дожидаться казаков. А они, как батарея стихла, вылетели в атаку. Сабли над головой, аж сталь так и поблескивает.

Мы перекинули огонь по казачьей кавалерии, но бьем с опаской: вот-вот наши вылетят навстречу. „Еще своих,—думаю,—перестреляешь!“

Но не таков Чапаев. Он удержал своих бойцов и подпускал казаков ближе. Даже пулеметы, и те молчали. Редкое хладнокровие тогда Василий Иванович показал.

Казакі тем временем разделились — направо часть и налево, а середина идет напрямиком, и впереди полковник.

Наши пулеметы ударили, но полковник летит, как заколдованный.

Подскочил, да как закричит:

— Братцы, да здесь Чапаев!

А Чапаев:

— Да, здесь, так и знай!

Поднял наган и без промаха снял с седла этого молодчика, разряженного в ленты да кресты.

Только выстрелил и в тот же миг:

— За мной, вперед!

И пошли наши в атаку.

А мы из орудий по флангам стреляем. Казаки не смогли нас окружить, вышло наоборот. Взяли мы тогда коней семьдесят пять, снарядов и патронов сколько—не помню.

В переметных сумках у казаков было много сушеной рыбы—леща и воблы.

Чапаев, помню, еще говорил:

— Дядя Петя, не зря ли рыбу едите? Не потравиться бы нашим ребятам! Кто ее знает, какая она.

Но на этот раз рыба была неотравленная. Казаки везли ее для себя.

64. ЕГО ОТВАГА

Цепь лежала, припав к земле. Бойцы отбили несколько атак, но четыре казачьи лавы наседали и наседали с новой силой. Патроны

были на исходе. Чувствовалось, вот-вот дрогнет цепь, кто-нибудь крикнет: „Обошли!“, и стройные ряды полка смешаются, дрогнут...

Но в это время позади цепи зашумел автомобиль. Смотрим, едет Чапаев. Выехал Василий Иванович вперед, встал в машине и приказал шоферу ехать вдоль цепи перед фронтом.

Казаки тоже заметили начдива и весь огонь сосредоточили на его машине... Пули воют вокруг Василия Ивановича, а он едет, хоть бы что, головы не клонит.

Бойцы и командиры, как зачарованные, смотрели на любимого начдива. Смотрели, но страха за него не было, такая уж вера была в Чапаева. Никто не думал, что его можно убить.

После этого я не узнал своего полка. Бойцы, только что клонившие головы к земле, рванулись в бой, и скоро мы отбросили казаков от станицы Сахарной.

65. РАЗГОВОР С БЕЛЫМ ГЕНЕРАЛОМ

Во время боя случайно включаемся в телефонную линию белых.

— Дайте нам генерала Мартынова, — попросил телефонист.

— Хорошо,— ответил белый телефонист. Узнав, что по телефону говорят красные, генерал Мартынов не вытерпел, рявкнул:

— Сдавайся, красная сволочь! Иначе ни одного не выпущу живым из станицы.

— Шалишь, голубчик! Не на таких на-
рвался... Передай там своим, что мы скоро
будем в Уральске,—бросая трубку, отрезал
генералу красноармеец.

Как генерал Мартынов ни наседа-
л на горстку красных бойцов, мы не сдали своих по-
зиций. Сознание того, что мы выполняем
ответственнейший долг перед революцией,
сознание того, что мы сражаемся за интере-
сы трудящихся нашей страны и всего мира,
поддерживало наш несокрушимый боевой дух.

...И мы победили. Прорвав вражеское коль-
цо, наш отряд через несколько дней был
уже в Уральске.

66. „Я—ЧАПАЕВ! БРОСАЙ ОРУЖИЕ!“

Стояли мы в ноябре 1918 года в Озинках. В наши руки попали белогвардейские ли-
стовки, в которых крестьяне призывались
перейти в белую „народную“ армию и вы-
дать Чапаева живьем или мертвым.

Прочитав эти листовки, Василий Иванович воскликнул:

— Ах, сволочи, я им покажу, узнают они Чапаева.

Он тут же поручил мне подобрать ему из отряда 70—80 самых боевых на разведку. Я подобрал. Когда бойцы были на конях, Чапаев сказал:

— Едем биться насмерть. Кто из вас трусит, те лучше не езжайте со мной.

Все закричали:

— Нет между нами трусов!

Всю ночь мы проехали, искали штаб казаков и не нашли. Утром на рассвете возвращались обратно усталые и разозленные бесплодными поисками.

Неожиданно увидели кавалерийский отряд человек в сто. В первый момент мы не знали, чей отряд — белых или свой.

— Какого полка? — крикнули мы.

— А вы какого? — слышался ответ.

Так перекликались несколько минут. Чапаеву надоела эта канитель. И он скомандовал нам рассыпаться в цепь и быть наготове, а сам поскакал навстречу неизвестному отряду.

Как приблизился, увидел, что перед нами были казаки с несколькими золотопогонни-

ками. Чапаев выхватил наган, блеснул шашкой и крикнул:

— Я Чапаев! Бросай оружие!

От неожиданности и страха дрогнули ряды белоказаков, и несколько сабель звякнули о землю. Белые не успели опомниться, как были окружены нашим отрядом. Никто из них не сопротивлялся. Только один полковник пытался покончить с собой. Приставил кольт, но ординарец Чапаева Петя Исаев шашкой вышиб из его руки револьвер.

Чапаев торжествовал: без выстрела, без потерь был взят в плен целый отряд белоказаков! В числе пленников—полковник, два капитана и поручик.

Когда их привели в штаб, Чапаев совсем развеселился.

— А, что, взяли? — сказал он офицерам. — Сами, небось, писали листовки, награду сулили за мою голову... Нет, Чапаева вам взять в плен не удастся. Руки короткие!

67. БОЕВОЙ ДРУГ

Вблизи Чапаева разорвался снаряд, осыпав его комьями земли. Конь под ним зашатался и начал падать на бок. Чапаев соскочил с

коня и попытался взять его под уздцы. Но конь вытянулся и замер, широко оскалив зубы.

— Славный коняга!— вздохнул Чапаев.— Сколько раз выручал меня.

Петька Исаев подвел другого коня. Чапаев сел и, бросив последний взгляд назад, помчался туда, где кипел рукопашный бой.

63. НА ПУТИ К УРАЛЬСКУ

Зима 1918 года. Стоят крутые, с ветром морозы. Часто буранит. Небольшая горстка красных пехотинцев с двумя орудиями отряда Плясункова занимает станицу Соболево. В станице пусто. Все население, способное носить оружие, мобилизовано белым казачеством.

— Забрали, всех забрали, родимые, — с плачем встретила нас одна старушка.

Не успели мы простоять в станице и трех часов, как снова загорелся бой. В несколько раз превосходя нас численностью, белые туго зажали нас в кольцо. Все дороги из станицы были отрезаны.

— Достанется нам теперь на орехи. Казаки на нас очень злы, — подтрунивали над бойцами наши командиры.

Казаки с диким ревом бросались на нас, горя желанием растерзать кучку красных храбрецов. Два дня мы выдерживали натиск смерти.

69. „ЧАПАЕВ—ЭТО УРАГАН“

Мы в количестве трех полков сидели осажденные в городе Уральске... Мы были осажденные около полутора месяцев. Казаки нам предъявили ультиматум: если не сдадитесь, то перережем всех. Много частей пытались нас освободить. Мы слышали канонаду у самого города Уральска. Но все было безуспешно. И только когда пришла чапаевская дивизия с Самарского фронта, она без сильных боев освободила нас. Короче — казаки дали ей путь, боясь вступить в бой с нею.

Чапаева боялись как огня. Чапаев — это ураган, который все сметал на своем пути ненавистное ему. С таким командиром, как Чапаев, охота была идти в путь. Где он ни шел, ему всегда открывали путь.

Про Чапаева по всему фронту слухи ходили хорошие. Все красноармейцы его любили. У него и обхождение с ними было хорошее. С ним было не страшно, потому что он никогда сзади не оставался, а всегда шел вперед. А раз идет командир, то и мы идем без боязни.

Кучка нас сначала была небольшая; когда подходим к какому селу, там пополняем. Василий Иванович сам собрания проводил и все объяснял. Он нам говорил, что буржуазный класс мы должны выкорчевать до конца. Мы понимали, о чем он говорит. Такую задачу себе ставили, что надо выгнать буржуазию вон из нашей страны, и сделали так.

Слышал я на фронте, что у белых чехов да казаков одно на уме: как бы только поймать Чапаева. Много раз они нас окружали, но мы всегда выходили целыми и невредимыми,—страх смелый был наш Чапаев.

Раз в Соболеве, когда с нами был Чапаев, после заката солнца началась перестрелка. Неприятель начал бить из пушек, а нам и отвечать нечем, у нас орудий еще не было. Тогда они бросились в атаку, но мы их от-

били. Они еще и еще раз бросались, но нас не победили.

В другой раз стоим на одной стороне Иргиза, а на другой чехи. Чапаев смотрит в бинокль и видит—на бугре ставят они орудия, хотят начинать наступление.

Он крикнул нам: „За мной, товарищи!“ — и сам бросился вперед. И мы по мосту все за ним. Не успели белые своих пушек установить, как мы их забрали.

А над Ореховкой мы пять автоматических орудий захватили. Так же Василий Иванович атакой руководил.

Здорово смекалистый он был: сразу придумает, что и как, и не промахнется.

71. ПОХОДЫ НА УРАЛЬСКИ

Хорошо помню Чапаева в Меловой перед наступлением на Шипово. Он совещался с командирами, а мы, ординарцы, в той избе расположились на ночлег.

Чапаев приколот к стене карту, наколот на нее красные и белые флажки, рассказал о предстоящем сражении и отдал приказ:

— В два часа ночи занять Шипово.

Все бойцы шли с бомбами. Я сзади ехал на машине с пулеметчиком Коротковым. Завязался бой. Машина наша носилась с фланга на фланг — туда, где требовалась поддержка. Бой был жаркий. Наших тут полегло человек пятьдесят, а казаки, говорят, возили своих фургонами.

Шипово мы заняли и наутро двинулись было дальше, на Уральск. Но тут нас окружили казаки. Силы их превосходили наши, кроме того у них была артиллерия. Чапаев приказал отряду построиться четырехугольником, а обозу поместиться в середине. Началось отступление. Под непрекращающимся натиском противника отступили мы до Шалагина хутора.

Как сейчас вижу Чапаева тех дней. Всегда живой, горячий, он не мог во время сражений оставаться на месте. С шашкой наголо в руке он появлялся перед рядами, не боясь неприятельских пуль. Как где дрогнут бойцы, передают по цепи:

— Давай сюда Чапаева!

И Чапаев мчится в самое опасное место. Стоило ему показаться — люди оживляются, будто в каждого он вкладывает силу, и цепь идет, как один.

После первого похода на Уральск Чапаев опять начал набирать по селам людей. Пополнился наш отряд и добровольцами и мобилизованными.

И опять тем же трактом пошли мы на Уральск. Ночью подступили мы к Малаховке, занятой казаками. Казаки пустились на хитрость. Подогнали к нам гурт скота, а сами спрятались позади. Чапаев проведаль их хитрость и приказал бить по скоту из орудий. Быки подняли рев. Но казаки на наши выстрелы не отвечали. За ночной темнотой мы не могли увидеть их, только слышали конский топот, когда они пошли наутек. По цепи был передан приказ:

— Прекратить бой!

Во время этого похода я все время был с Чапаевым. Ночевали с ним в одной избе, вместе обходили посты. Посты он часто проверял сам. Возьмет из нас, ординарцев, двоих-троих и каждый час делает проверку. Подъедем к посту, смотрим: не спят ли? Но такого случая не было ни разу. Спали только днем, в дороге. Ляжет в фуру, а лошадь привяжет сбоку. А то дремали и в седлах, и чуть какая тревога—на ногах.

Часто пели песни. Пели больше про Стеньку Разина—любимая это была песня. Пели ее и в походе, а я был свистуном. Выедешь вперед кавалерии и засвистишь, а сзади сотнями голосов грянут:

Из-за острова на стрежень...

В одном селе мы раз наплясались, навеселились, спать легли. А к утру—тревога. Ворвались в село казаки. Стрельба поднялась из окна в окно. Казаки залезли на крышу с голыми шашками и, как кто в дверь покажется, старались рубить.

А Чапаев тут же—к пулеметам и орудиям. Выбили мы их из села. Положили их тут как следует. Которые уцелели, ускакали врассыпную.

Лошадей досталось нам штук девяносто. Тут Чапаев выбрал себе лошадь. Гнедая матка, умница: ушел, а она тебя ищет. Только на Зеленом хуторе, во время боя, оторвалась эта лошадь от повозки и ушла к казакам. Стреляли мы по ней, да не попали. А после, говорят, казаки водили ее по Уральску: Чапаев, мол, убит. А делали это затем, чтобы ободрить свои банды, потому что одно имя Чапаева наводило на них ужас.

И вот дошли мы до Уральска. Рожь выше головы, как лес стояла. Падали в ней, спотыкались. Два дня сидим под Уральском — голодные. Обозы к нам не доходили, отрезали их казаки. Ночью мы слышали на Урале стук: казаки разбирали мост. Но мы помещали им орудийным огнем.

Чапаев видел, что сидеть дольше под городом, отрезанным от своих, — значит погубить отряд, и на третий день в ночь дал приказ отступать. Красноармейцы из ржи подделали вешки, чтобы не сразу в городе догадались о нашем отступлении (наутро казаки палили по этим вешкам, издали принимая их за людей), и к часу ночи мы тихо тронулись. Когда дошли до Зеленого, увидели: догоняет нас автомобиль-броневик. Чапаев отдает приказ: снять орудия с передков. Красноармейцы воткнули лопаты в землю, приготовились рыть ямки... Чапаев приказал перейти за линию. С броневика застрочил пулемет, но пули через насыпь не задевали нас, летели поверху. Тогда броневик обошел через переезд, зашел нам с тылу, начал бить из пулемета. Приготовили орудия, но командир никак не мог навести прицел — все перелет да перелет. Подбежал Чапаев, сердитый:

— Что ты, стрелять разучился?

Навел сам. Раз—перелет, два—перелет. А броневик уж близко. Третий снаряд ударил под колеса. Броневик стал. Пулемет замолчал. И мы стоим, молчим. Тихо. Потом смотрим, трое с наганами выпрыгнули из броневика, кинулись бежать. Конные — вдогонку. Офицеры отстреливались. Двоих зарубили кавалеристы, а третьего взяли живого.

Подкрепившись силами, мы снова пошли на Уральск. Всю дорогу—бои, бои. Обошли мы Уральск слева, со станции. Попрятались казаки по домам и с чердаков, из окон стреляли в наших. Мы в одном этаже, они в другом. Никак их не выбьешь из города. Отвел Чапаев дивизию на линию, поправились—и опять в город. Большая разгорелась в нас злоба от их упорства. Дрались отчаянно.

Отступили казаки на Урал, на Бухарскую сторону. Часть наших осталась в Уральске, а Чапаев пошел к Пугачеву.

72. ОТ УРАЛЬСКА ДО ГУРЬЕВА

Двигаемся от станицы к станице. Преодолевая расстояние с мелкими боями.

На десятые сутки мы были уже под стенами Уральска. Двигаемся стремительно: в городе 22-я дивизия. Она около трех месяцев совершенно отрезана от нашего мира. В последние дни у нее вышел весь запас продовольствия. Обеспечивают продуктами рабочие города. Они даже не жалеют собственных коров на мясо бойцам.

Махорку и почту привозил аэроплан.

Неоднократные попытки казаков сломить сопротивление 22-й не увенчались успехом. Красноармейцы сумели отбить натиск казаков.

Прорвав казацкую цепь, мы двинулись в город. На улицах поперек дорог были развешены плакаты: „Да здравствуют освободители-чапаевцы!“

Рабочие валили колоннами на площадь для встречи нас. Весь Уральск принял праздничный, торжественный вид. Бесконечные вереницы рабочих совместно с осажденными красноармейцами 22-й дивизии несмолкаемо кричали „ура“. Рабочие обнимали красноармейцев. Оркестры играли гимны и марши. Трудящиеся города были довольны тем, что белоказак вышиблен. Не приди Чапаевская дивизия во-время, контрреволюция потопила бы в крови весь город.

У осажденных было одно утешение: аэроплан ежедневно привозил им новости. А новости эти радостные: большевики на всех фронтах побеждают; Колчак разгромлен; Уфа взята.

Празднование продолжалось целые сутки. Части 22-й дивизии были отведены на отдых, а нам предстоял далекий и трудный путь. От Уральска до Гурьева сотни верст—степь необъятная.

Продолжалось движение на Сахарную. Чтобы отразить казачьи набеги, приходилось за день несколько раз принимать боевой порядок.

За десять километров увидели пожар в Сахарной. Мы заключили, что это казаки жгут склады, чтобы ничего не оставлять красным.

При входе в станицу каждый красноармеец старался скорее добраться до воды. Около крайних хат стоял грузовик, наполненный буханками хлеба и другим провиантом.

Кто-то из первых рядов передал в хвост колонны, что приехал Чапаев. Мы оживились.

Чапаев, действительно, был уже в Сахарной.

К нему, лишь остановились подразделения, потянулся начсостав с тем, чтобы ознако-

миться с положением наших войск и получить дальнейшие указания. Товарищ Чапаев приехал с этим грузовиком.

Наше подразделение остановилось за чetyре двора от сгоревшей мазанки.

После команды: „Вольно! Закуривай“ мы торопились скорее к воде, чтобы, утолив жажду, привести себя в порядок.

Через непродолжительное время послышалось:

— Горят! Горят!..

Мы кинулись к дымящейся еще мазанке, где лежали обуглившиеся человеческие трупы. Картина была жуткая.

Саманная мазанка была длиной сажени в пять и шириной сажени в три. Крыта она была камышом и имела потолок. В ней казаки держали пленных красноармейцев. И вот, когда белоказакам стало туго и пришлось отступать, они заперли пленных в мазанку и зажгли.

Когда дым начал пленных душить, то они полезли в дверь. Офицеры поставили у дверей казаков, которые рубили всех вылезавших оттуда красноармейцев. Поэтому прямо у двери лежало несколько обгоревших трупов.

По рассказам жителей, пленных было человек около трехсот. Почти все они были сожжены.

Над красноармейцами издевались, как только могли. Раздевали их догола и секли плетью. Сопrotивляющихся тут же зарубали. Коммунистам, попавшим в плен, вырезали ремни из спин.

Мне самому пришлось видеть в Уральске живую перчатку, содранную с руки пленного красноармейца.

Эти издевательства будили в каждом красноармейце острую ненависть к белоказакам.

Отдохнув часа три, мы снова пошли в наступление.

73. НАШ ЧАПАЕВ

В начале апреля наш отряд выступил в поход. Шли мы на Уральск. Шли все время с боями. Первый сильный бой, во время которого я узнал Чапаева как бесстрашного и опытного командира, был под станицей Семглавый Мар.

КазакИ разведали о нашем продвижении и напали на нас со всех сторон. Чапаев быстро оценил всю обстановку, переменял свой перво-

начальный план, произвел частичную перегруппировку. Он не упускал из виду ни одного соединения, наметил для каждого конкретные действия. Мы впервые тогда ощутили характерный чапаевский прием, который и в последующих боях применялся: подпустить поближе противника и быстро ударить со всей своей силой.

Казачи наступали с уверенностью, что разобьют нас. Шли они с гиком, сплошной массой. Мы, новички, удивлялись, почему Чапаев медлит. Но Чапаев знал, что надо делать.

Подпустив казаков вплотную, он скомандовал:

— Огонь!

Казачи, встретив внезапный отпор, остановились, спешили и залегли в цепь. Мы ударили в атаку и скоро обратили их в бегство.

Любовь красноармейцев к своему командиру росла с каждым днем.

Помню еще бой под станицей Шипово, которая переходила из рук в руки три раза.

Во время шиповских боев у нас вышли все снаряды. Командир послал меня к Чапаеву с донесением. Когда я, прискакал к нему, он в этот момент входил в одну из изб поселка,

где был его штаб. Вслед за Чапаевым вошел и я.

— Василий Иванович, донесение из батареи.

Чапаев быстро повернулся ко мне и крикнул:

— Что вы там не стреляете?

— В донесении написано, почему.

Чапаев прочел донесение и вскипел еще пуще. Отругав командира, меня и других, он написал ответ:

— Отдай сейчас же, немедленно. Чтобы снаряды к утру были. Понял?

Всю ночь мы не спали, доставали снаряды, а утром батарея снова открыла огонь по казакам.

* * *

Чапаев не любил неряшливых бойцов, не выносил недисциплинированности. Однажды, проезжая по всем колоннам, Василий Иванович заметил, что на зарядных ящиках везли овес, а у одного ездового лошадь схватила мешок зубами и разорвала. Зерно посыпалось на землю. Чапаев увидел, подъехал ближе.

— Ты что же это, спишь, что ли?—закричал он на ездового.—Мы тут каждое зерно берем на счет, крестьяне отдают нам послед-

ний свой фураж, а ты пускаешь его на ветер. Хочешь заморить наших коней?

Непосредственное внушение Чапаева так повлияло на красноармейца, что он стал самым аккуратным бойцом.

Не было ни одного случая нарушения дисциплины, чтобы Чапаев не знал о нем и не поговорил с нарушителем...

Помнится мне, когда бойцы узнали, что Чапаев переведен в 22-ю дивизию, все загрустили, затревожились. Никому не хотелось расставаться с Василием Ивановичем.

А сколько было радости, когда Чапаев снова явился к нам в 25-ю дивизию! Было это весной 1919 года, в момент, когда части перебрасывали с Уральского фронта на Колчака.

Я увидел Чапаева в Бузулуке на собрании начсостава. Одет был Чапаев в новенькое обмундирование—защитного цвета гимнастерка, портупея, синие брюки, на голове черная каракулевая шапка. После такие шапки были почти у всего начсостава Чапаевской дивизии: всем командирам и бойцам хотелось хоть немножко походить на Чапаева. Были такие случаи, когда красноармейцы, не имея черных шапок, приспосабливали дамские

муфты, а вместо красного околыша всовывали в муфту красную тряпицу, и получалась шапка-чапаевка.

На собрании начсостава Василий Иванович говорил мало, но говорил деловито. Касаясь непосредственно задач, стоявших перед 25-й дивизией, Чапаев заявил:

— Перед нами, товарищи, враг сильный, вооруженный лучше, чем мы. Это надо, конечно, понимать. Но все это нам не страшно. Царского отребья не боимся, устоим перед любым напором. Правильно? Правильно!

Когда аплодисменты утихли, Василий Иванович продолжал:

— Эти сволочи нам не страшны. Уральск взяли? Взяли. Разгромили казару и золотопогонников? Разгромили. И тут наша возьмет!

74. КАК ЧАПАЕВ БЕЛЯКОВ ПЕРЕХИТРИЛ

В каком-то селе окружили Чапаева белые. Куда ни сунься — везде они. Ни ходу, ни выходу. А у наших даже пулемета нет.

Сидит Чапаев на завалинке и думу думает, а вокруг его чапаевцы стоят и тоже думу думают.

— Вот попали в кашу!—говорит один.

А Чапаев посмотрел на него и улыбнулся себе в усы.

— Посмотрим еще, кто эту кашу скушает!— Да как вскочит.— А ну, орлы, кто со мной в Пугачев пойдет? Надо достать пулемет и машину.

Все, как один, согласны были пойти с Чапаевым. Ну, он выбрал только двоих: Петьку Исаева да Петьку Кожухова.

Ночью добрались до Пугачева. В штабе Чапаев достал две машины, пулемет и патронов. Выехали обратно.

Чапаев говорит:

— А ведь мало, братцы, двух-то машин. Ни чорта не выйдет.

Потом оборачивается к своим:

— Кто из вас умеет управлять машиной?

— Я,—отвечает Кожухов.

— Ну, вот и хорошо.

Потом Чапаев слез с машины, позвал с собой Кожухова. Они исчезли в темноте. Через десять минут Чапаев и Кожухов вернулись на машине. Где они достали ее — об этом только ночь темная знает.

У первого же села Чапаев велел натывать в кузов палки и покрыть их тряпками, чтобы

издали похоже было на людей. Сам с пулеметом уселся на одну машину среди чучел, а Петьку на другую посадил.

К этому времени уже рассвело. Вдали показалась Покровка, которую беляки обложили.

Чапаев говорит:

— А ну, братцы, поезжайте на двух машинах в обход. Смотрите, только не попадитесь в лапы казаре, чуть что—поворачивайте ко мне.

Поехал Василий Иванович вперед, и завидели их вражьи разъезды. Чапаев кричит из кузова:

— Поворачивай машину задом!

Повернулась машина задом, и заговорил пулемет. Белые отступать. Чапаев за ними. Только покрикивает:

— Давай! Давай! Давай поворачивай!

И все строчит, все строчит из пулемета.

Беляки сунулись вправо—там их Петька Исаев встретил огнем. Сунулись влево—там тоже машина с красными. И поднялась тут у них паника. Подумали, верно, что они кругом окружены красными. А чапаевцев, если не считать двоих шоферов из Пугачева, было всего трое: сам Чапаев герой, Петька удалой да Кожухов, будущий чапаевский шофер.

С 1918 г. я был в отряде Чапаева. В апреле месяце он пришел в Покровку вместе с Топорковым, командиром. Дивизия пошла на Семиглавый Мар.

Июль месяц, рожь уже стала наливаться. На Семиглавом—стычка. Казачий броневик дал нам жару.

Стали мы отступать на Коровин, Пугачев. С левого фланга — пулеметы у нас... Засели патроны... хотели повернуть пулемет, — ни с места.

Летит прямо на нас казачий полковник, а рядом с ним два офицера:

— Где Чапаев?

Василий Иванович выезжает вперед:

— Вот Чапаев!

А лошадь у Василия Иваныча, ну прямо, что и машина не догонит. Поскакал он навстречу им, шашкой с размаху так и полоснул полковника, убил... А двое обратно ускакали.

...Вот посылает Чапаев нас в Бенардак, там вальцевая мельница была, чтобы, значит, муку молоть да хлеб выпекать для армии. Боязно, кругом казаки, убьют, а отказаться тоже нельзя. У Чапаева тоже наган, все хо-

рошо знали, если посылает—езжай, а иначе пуля; не любил он, кто приказа его не выполнял, строг был.

Поехало нас 7 человек, а главный штаб в Покровке был. Пустили мы мельницу... Нашли пекарку, печем неделю, хлеб в армию отправляем.

А тут Бенардак казаки окружили. Залез я раз на мельницу, смотрю это в бинокль и вижу на дороге, версты четыре от мельницы, всадника, а потом еще, так человека четыре их; стоят, смотрят, а потом и ускакали.

Задумался я: „белые аль наши?“ Думаю это да на мельницу смотрю: что за притча? Крылья у мельницы на Покровку повернули, а ветру-то нет. „Что за дело?“—думаю.

А хозяйковой жены братья в казаках были. Он, значит, хозяин-то, и подавал им сигнал.

— Слазь,—говорю ребятам: —едем!

Только отъехали от хутора, казаки высыпали — да за нами. Мы с повозок стрельбу открыли, добрались до Покровки.

В Покровке рассказал я все Чапаеву: так, мол, и так, Василий Иванович, дела. Не боялся, говорил, знал, причина-то серьезная.

А в Солянке стоял Саратовский отряд. Его и решили послать. Послал Чапаев нас к ним.

С 1918 г. я был в отряде Чапаева. В апреле месяце он пришел в Покровку вместе с Топорковым, командиром. Дивизия пошла на Семиглавый Мар.

Июль месяц, рожь уже стала наливаться. На Семиглавом—стычка. Казачий броневик дал нам жару.

Стали мы отступать на Коровин, Пугачев. С левого фланга — пулеметы у нас... Засели патроны... хотели повернуть пулемет, — ни с места.

Летит прямо на нас казачий полковник, а рядом с ним два офицера:

— Где Чапаев?

Василий Иванович выезжает вперед:

— Вот Чапаев!

А лошадь у Василия Ивановича, ну прямо, что и машина не догонит. Поскакал он навстречу им, шашкой с размаху так и полоснул полковника, убил... А двое обратно ускакали.

...Вот посылает Чапаев нас в Бенардак, там вальцевая мельница была, чтобы, значит, муку молоть да хлеб выпекать для армии. Боязно, кругом казаки, убьют, а отказаться тоже нельзя. У Чапаева тоже наган, все хо-

рошо знали, если посылает—езжай, а иначе пуля; не любил он, кто приказа его не выполнял, строг был.

Поехало нас 7 человек, а главный штаб в Покровке был. Пустили мы мельницу... Нашли пекарку, печем неделю, хлеб в армию отправляем.

А тут Бенардак казаки окружили. Залез я раз на мельницу, смотрю это в бинокль и вижу на дороге, версты четыре от мельницы, всадника, а потом еще, так человека четыре их; стоят, смотрят, а потом и ускакали.

Задумался я: „белые аль наши?“ Думаю это да на мельницу смотрю: что за притча? Крылья у мельницы на Покровку повернули, а ветру-то нет. „Что за дело?“—думаю.

А хозяйковой жены братья в казаках были. Он, значит, хозяин-то, и подавал им сигнал.

— Слазь,—говорю ребятам: —едем!

Только отъехали от хутора, казаки высыпали—да за нами. Мы с повозок стрельбу открыли, добрались до Покровки.

В Покровке рассказал я все Чапаеву: так, мол, и так, Василий Иванович, дела. Не боялся, говорил, знал, причина-то серьезная.

А в Солянке стоял Саратовский отряд. Его и решили послать. Послал Чапаев нас к ним.

Поехали, документы в хомут, сами в гражданское оделись, едем. Смотрим, семь всадников навстречу нам, смотрим—наши аль нет? Глядим, а хвосты у лошадей подрезаны,—наши значит. Татары это были.

Разыскали мы отряд, отдали документы, а сами обратно.

...Я ведь и Фурманова читал и картину видел. Все точно... Картину первый раз не мог смотреть. Увидел Чапаева, ну, прямо живой, заплакал я и выбежал... Вот 62 года живу, а такого смельчака не видал больше. Пули свистят, а ему хоть бы что. Ходит.

...Вот однажды стояли под Уральском, продовольствие все вышло. Василий Иванович приказал чучела делать. Одели их в семьсот шинелей, два пулемета для прикрытия оставили, а армия отступать стала. С зарей пулеметчики догнали.

Добрались мы до Шипова. На станции 2 вагона для нас с продовольствием были.

Быстро мы их разгрузить успели и подались, а казаки остались с носом.

Чапаев часто и сам в разведку ездил. Вот раз из Пугачева до Самары ездил. Он себе больше доверял.

Раньше дегтем торговали. Смазали и ему телегу, лошаденку плохую, избитую, бочку с дегтем дали, одежонку кой-какую. Ездил он так и дегтем торговал... А потом—бой, и Самару—взяли.

...Смелый, умный был человек, ночь-полночь не спит, все ходит, да планы планирует: как лучше с боем справиться.

И лошадь у него умная очень была, горячая. Два раза убегала в степь под Шиповым, а казаки не могли убить, хозяина своего знала.

76. ВСЕГДА ВПЕРЕДИ

Как учил нас Василий Иванович? „Высекайте крупные деревья, а кустарник сам пригнется“. То-есть: „бей офицеров“. Офицеры нам не сдавались, их сразу стреляли.

Это был, можно сказать, легендарный полководец. Ничего не боялся и не устрашался. Сам всегда впереди.

В Раевку шли. Утром встаем—нет Чапаева. Видно, думаем, в город ускакал. А лошади его с повозкой тут идут.

От Таволожки километров 10 прошли, навстречу мужичок едет. Колесо сломано. Куски хлеба в сумке. (Подготовлено все, конечно, было). А это Чапаев. Это он разведывал там в виде нищего или странника что ли. На нем рваное все. Слезает с рыдванки. „Удирают,—говорит,—там. Давайте, давайте!“ И все с себя снимает. Одевается в свою одежду.

Белые его сильно боялись. Как узнают, что идет, готовятся к бегу... Говорок сильный был. Он, вроде, все знает. А не сильно грамотный был, потихоньку читал.

77. ЧАПАЕВ И ГЕНЕРАЛ

Повел Чапаев свои войска на Семиглавый. Тут белые казаки окружили его с трех сторон. Тьма тьмушая собралось офицерья. Среди них генерал—большой, пузатый и уса-тый. Едет на коне да бахвалится:

— Где у вас тут Чампалов-то? Покажите мне его.

А один чапаевец выбежал к нему да и говорит:

— Нету у нас Чапая, он уехал... А на что он тебе?

— А, испугался!.. Где ему супротив меня! Трус ваш Чампалов-то... Я б ему показал.

Тут выскочил Чапаев и говорит генералу:

— Вот, говорит, я Чапаев... А Чампалова на том свете ищи!—Да как рубанет шашкой серебряной, из генерала и дух вон.

Чапаевцы все:

— Ура! Ура!

Да как нажали, как нажали на тьму-тьмущую,— все начисто изничтожили...

А когда бой кончился, то Чапаев говорит:

— Ну как, братцы, ловко я проучил генерала?

Бойцы рассмеялись. А Чапаев говорит:

— Всех генералов вот так же проучим. Верно говорю?

— Верно. Всех проучим!—гаркнули чапаевцы.

78. В ПОСЕЛКЕ

В одном поселке напали на чапаевцев казаки внезапно большой лавой: тысяч пять их было. Чапаев расположил своих полукругом, цепью и говорит:

— Ну, ребята, назад ни шагу! Какая бы сила у них ни была—мы победим.

И пошла перестрелка!.. Чапаев, как сокол, по цепи летает. Вдруг где заминка, он туда скачет.

У чапаевцев было две пушки. И вот у одной гильза в ствольной коробке осталась и ее никак не вытащат. Чапаев заметил это, подлетел к пушкарям и спрашивает:

— Почему батарея не стреляет?

Ему объяснили. Он слез с коня и не привязал его, а сам начал гильзу вытаскивать. Вытащил. Сразу зарядил орудие, да как сразу из двух ахнет! Ну, конь его испугался, да как поскачет по цепи — и прямо к казакам: увидел конницу — и айда туда.

А Чапаев стоит и смеется:

— Ну, говорит, конь мой к казакам улетел, а там, наверное, думают, что Чапаева убили. Чорта два они меня убьют!

А потом передавали, что недели две казачьи генералы водили по фронту чапаевского коня и все хвастались, что Чапаева убили.

79. СМЕЛОСТЬ И НАХОДЧИВОСТЬ

Заволжские казацкие степи. Солнечный июнь 1918 года. Наступают цепи чапаевского красногвардейского отряда.

Вперед ушла конная разведка. Вдруг за бугром вдали показалась белая церковь казацкой станицы. Мы втроем — Чапаев, я и Демидкин — садимся в красный легковой автомобиль, на сиденья колесами ставим „максимку“, берем пулеметчика.

Демидкин — около шофера, мы с Чапаевым — по бокам пулемета. Катим по дороге вперед на станицу.

Цепи бойцов остались позади. Обогнали уже разведку. Вот и гумна. Нас начинают обстреливать из ружей и пулемета. Чапаев командует:

— Повернуть машину задом!

Автомобиль сделал круг и с готовым к обстрелу пулеметом смело двинулся задом на врага. Пулеметчик строчил по казакам, а мы открыли огонь из маузеров. Так, с боем, въезжаем в село, вытесняя оттуда противника.

Когда подошли наши боевые части, мы уже приготовили и выбрали помещение для штаба отряда, а на колокольню, откуда к штабу отряда протянулся телефонный провод, был выставлен наблюдатель.

Помню и такой случай.

После ожесточенного боя в селе Балашах мы в том же составе на автомобиле отпра-

вились на станцию Алтата в штаб группы войск Восточного фронта.

Проехав километров пятнадцать, мы попали под обстрел казаков. Одна из пуль попала в шину левого переднего колеса. Камера спустила воздух, и автомобиль начал сильно прихрамывать. Отстреливаясь из револьверов, мы подъехали к хутору. Чапаев крикнул стоявшему на крыльце хозяину:

— Эй, хозяин! Дайте мне длинную веревку.

Пока мы с Демидкиным отстреливались, Чапаев петлю за петлей наматывал на обод спущенной камеры новую веревку.

Колесо исправлено. Поехали дальше.

Поздно вечером мы усталые, но веселые и бодрые добрались до Алтаты.

V. БЫТ И ОТДЫХ

80. КАК Я У ЧАПАЕВА „ВРАЧОМ“ БЫЛ

Когда Самару-то взяли, я был у Плясункова. Потом он меня представителем сделал по снабжению от двух полков—доставать, значит, продукты для чапаевского и плясунковского полков.

Четыре месяца я на этой должности был. Потом перебой стал с продуктами, и я стал просить у Чапаева отпустить меня с этой работы. Ведь мне трудно было, неграмотный я, разве я могу справиться? Там нужно отчеты, книги, а у меня все в голове. Меня

и поставили санитаром. Никто лошадей не мог лечить, ну и поставили меня.

А я раньше портной всегда был. Ножницы у меня, как живые, в руках. Да раньше дома я и скотину лечил сам.

Меня из санитаров-то уже поставили за фельдшера. Полмесяца я проработал. Однажды привозят свинину, а она финнозная, свиньи больные были. Ну, я ее и принимаю. На меня начальству жаловаться, Чапаеву и Плясункову. Составили жалобу и отправили в дивизионный лазарет, и отрезали кусок мяса и тоже послали. А там, действительно, признали свинину финнозной.

И тут же Чапаев издает приказ—назначить меня „старшим полковым врачом“. Ну, я как профессор был. (В картине, в белом халате показан, это меня изображали). Где у лошади заболит, я тут же ножницами рану остригу и мажу голландской сажей или кислым молоком. Меня все слушали. Раз сказал—то сделают. У меня спирт был—инструменты макать, а то опухоль может быть.

В Соболевом, когда я уже „врачом“ был, загнали лошадей пару. Одна Чапаева, одна—наша. Теперь, значит, бегут за мной. Я уши обрезал, кровь пустил—она дышать стала.

Потом воды холодной из бутылки ей дал. Она ноги подобрала: наутро-то ей прохладило. Эту лошадь давай выхаживать. Она скоро и в строй пошла.

А тут вздумал один подшутить надо мной, на смех меня поднять: дескать, вот они теперь врачи-то какие; чего они могут узнать? Привел ко мне лошадь и говорит: „Вот нога у ней распухла, работать не может, я не могу в обозе дежурить“. (А ему не хотелось просто). Я осмотрел лошадь: одна нога толстая. Я пощупал—холодная. А если бы она только что распухла, то горячая была бы. Посмотрел ей в зубы—12 лет. Я и говорю: „Лошадь уже семь лет как испорчена, когда ей еще три года было. Хозяин ее шибко гнал и запарил. Потом на возжах ее подвешивал. А потом еще обкормил ее ячменем, да еще горячую напоил холодной водой. Вот она и не годится. Если бы ты еще в чем захотел обмануть, а то лошадь, лошадь я вижу! Тебе, как медному котелку, служить и в обозе дежурить!“

А другой приводит лошадь, в животе, говорит, у нее бурчит. А я ему говорю: „Чего я там услышу сквозь шкуру, сквозь мясо, сквозь кишки?“ Ну, их в штаб этих двух

водили, и Чапаев с Плясунковым допрашивали.

А потом смеются: „Ха-ха-ха, вот так врача нашли, ни один его не проманет!“

Потом вызывают меня. А сами чай пьют и пирожки с мясом едят. „Ну, Куликов, иди сюда, рассказывай!“ А я тоже сажусь за стол, беру пирожок и говорю: „Постой, когда едят, не говорят!“ Они спрашивают: „Как это ты насчет лошади-то узнал?“ А я говорю: „У нас бабушка на бобы гадала и то узнала, а я не узнаю!“

Как мы тогда жили? Достанем продукты—покупаем. Достали картофеля—сварили котелок. Сядем. Чапаев с нами же подсядет, ест.

Зачастую были оторваны от снабжения. Ведь люди не все одинаковые. Некоторые встречали с восторгом, а некоторые прятались.

81. „НЕ ЛЮБИЛ АЗАРТНОЙ ИГРЫ“

Не любил Чапаев денежной игры в орел и в карты.

Стояли мы в Раевке. Идет он после боя, а мы сидим в доме, в карты играем, а около дома бойцы играют в орла. Мой отец видит,

что Чапаев идет, и тихонько зовет его. Мы заметили и врассыпную. А те играют в орла. Старик у нас был. Орлик берет и говорит: „За все“. Чапаев берет его за плечо: „За все, старый чорт, а семья?“

Не любил азартной игры...

82. ПРЕСЕКАЛ НА МЕСТЕ

Запомнились два случая, которые говорят о том, что и недостойное поведение своих бойцов и происки врагов Чапаев пресекал на месте, в зародыше.

Вечером мы, несколько бойцов, собрались в одной хате. Сперва пели песни, а потом начали играть в карты.

В это время Чапаев обходил все квартиры. Незаметным образом входит в нашу хату, подходит к нашему кружку, забирает деньги и карты и говорит:

— Кто вам разрешил заниматься картами?

Все молчат.

— Разве мы сюда пришли в карты играть? Когда кругом казаки рыщут, а вам карты? Нужно винтовку изучать да лошадей кор-

мать! Если вы мне еще попадетесь, я буду принимать строгие меры.

Деньги он перед уходом нам, конечно, отдал, но больше мы уже за карты не брались.

83. ДУРНАЯ ПРИВЫЧКА

В Николаевске приходит к Чапаеву в штаб один чудаковатый парень—Сафонка. А этот Сафонка табак не курил и не нюхал, а жевал. Василию Ивановичу в шутку сказали об этом. Ну, и он решил над Сафонкой подшутить.

Пришел этот Сафонка и говорит Чапаеву: — Василий Иванович, ты меня возьмешь к себе в Красную гвардию?

— Возьму, если табак жевать бросишь. Курить, нюхать табак у меня можно, а жевать нельзя, я этого не люблю...

Сафонка не разобрал, всерьез или в шутку Чапаев говорит, но уж так хотелось ему в отряд к Чапаеву вступить, что он в тот же день бросил свою дурную привычку. И Василия Ивановича после, как отца родного, благодарил.

84. „ЛЮБИЛ СКАЗКИ О БОГАТЫРЯХ“

Чапаев любил слушать сказки о богатырях. Однажды он пришел к красноармейцам, которые рассказывали сказки, и говорит: „Что здесь у вас за собрание?“ — „Сказки слушаем“. Тогда он улыбнулся и сказал: „А ну, давай!“ Он посидел часа полтора и поехал обратно.

85. ВЕСЕЛЬЧАК

В Савельевке раз вывел Петушка (Исаева) с двухрядкой и давай плясать. Я выхожу, смотрю, один Василий Иванович заправляет. Кричит: „Давай, Киселев!“ Пошли с ним в расход. А потом и бойцов заманили.

Любил песни петь очень.

86. ЛЮБИМАЯ ПЕСНЯ

Чапаев любил страшно песни играть. А какие он песни любил? Вот одна: „Он весь окровавленный, с разбитой головой“. Зачастую, когда двигалась совместно дивизия, он сейчас:

— Верховые, вперед! И запевай!

У нас два гармониста были, а сам Чапаев— в пляс.

— Ну, что, у вас плясунов разве нет? Это командир дивизии вас будет забавлять, плясать перед вами?

Одевался всегда аккуратно, браво. Ходил в развалочку и плеткой всегда помахивал. Всегда—веселая улыбочка, не унывал. Кто захандрит,—не любил.

VI. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С НАСЕЛЕНИЕМ

87. „ДЛЯ ЧАПАЕВА НИЧЕГО НЕ ЖАЛКО“

В 1918 году Чапаев первый раз приехал к нам в село Большая Таволжанка. Отряд у него был не более сорока человек. В нашем селе собрал он собрание, выступил и говорит:

— Товарищи! Нам нужно итти в наступление. Надеемся на вашу помощь...

У нас к нему записалось много добровольцев. Я с Чапаевым в обозе поехал. Бесстрашный он был командир. В Ивановке ку-

лаки зверски расправлялись с беднотой, но Чапаев захватил восемнадцать человек кулачья—не дал больше им издеваться над бедняками. Потом Чапаев уехал в город Пугачев.

Второй раз он приехал в наше село уже не один: с ним было два отряда. Помню, как утром, чуть еще начиналась заря, чехи начали наступление. Первая цепь их вошла в село, открыла стрельбу. В это время я дежурил в сельском совете и видел, как Чапаев выбежал из штаба, начал успокаивать бойцов. Сам побежал к пулемету и лег на площади, недалеко от церкви. Около него залегли бойцы, и когда чехи стали подходить близко, Чапаев встал во весь рост и крикнул:

— Товарищи! Вперед! Раздавим этих гадов!

За ним встали и остальные бойцы. Чехи увидели чапаевцев, бросились в бегство.

Через несколько времени Чапаев снова приехал в село. А я уже работал членом Совета и заведывал нашим транспортом. Приходит Чапаев в Совет и спрашивает:

— Кто заведует подводами?

Я ему говорю:

— Я заведующий в этом деле.

Он обращается ко мне:

— Как, дед, лошадей мне дашь?

Тогда я ему отвечаю:

— У меня всего-навсего две лошади осталось.

Он говорит:

— Выручай, дед.

Запряг я ему и этих двух лошадей. Для Чапаева ничего не жалко было.

88. КОГДА НЕ БУДЕТ ВОЙНЫ

Дело было в 1918 году. Мой отец и братья ушли добровольцами в Красную Армию. Мне в это время было двенадцать лет. Однажды, это было летом, приезжает к нам в село Ивановку Чапаев.

Весть об этом сразу разнеслась по всему селу. Недолго думая, я решил идти добровольцем в отряд к Чапаеву. Прихожу в штаб и говорю:

— У меня ушли добровольцами отец и братья в Красную Армию служить. Я тоже хочу воевать!

В это время Чапаева в штабе не было, но меня все-таки приняли и отослали в обоз.

...Однажды Чапаев приходит к нам в обоз, а один обозчик спрашивает:

— Долго ли мы будем воевать, Василий Иванович?

Чапаев посмотрел на него и отвечает:

— Покончим с капиталистами и помещиками, — когда не будет ни одного из них, тогда и война на свете кончится.

89. ГОРДИЛИСЬ ДОВЕРИЕМ ЧАПАЕВА

В 1918 году в начале августа к нам в село Гусиху приехал отряд. Я работал секретарем сельского совета и в это время был с председателем в Совете — занимались мы. И вот приходит к нам человек в военной одежде, высокая папаха с красным околышем надета набок, лицо такое смелое; одной рукой он придерживал длинную шашку. Вошел он к нам в сельсовет, поздоровался, спрашивает:

— Кто у вас председатель?

Председатель говорит:

— Я.

— Ну, вот, председатель, собери собрание, мне нужно отряд пополнить.

Я не утерпел, спросил:

— А вы кто такой будете?

Он подошел ко мне ближе, посмотрел строго и говорит:

— Я Чапаев. Что еще нужно?

Я удивился — сам Чапаев к нам приехал, шутка ли, такой человек! О Чапаеве мы многое слышали, но в лицо его никто не видел.

Председатель собрал собрание. Чапаев попросил слова и начал говорить о Советской власти, о том, за что борется Красная Армия.

— Товарищи, — говорил он, — мы царизм свергли, землю у помещиков отобрали, у буржуев фабрики взяли, теперь все в наших руках. Но буржуазия сопротивляется, организовала банды и расправляется с бедняками. Приходится, товарищи, защищать Советскую власть...

Потом Василий Иванович обратился к собранию:

— А как вам, мужики, нравится ли Советская власть?

Народ зашумел, задвигался:

— Нравится, нравится, товарищ Чапаев!

— Может быть, проголосовать?

— Можно, можно и голосовать!

— Кто за Советскую власть — поднимите руки!

Все до единого подняли руки.

После голосования Чапаев и говорит:

— Вот вы все за Советскую власть, так давайте и защищать ее. Мне нужно пятьдесят человек в отряд.

Многие сами вызвались, а наутро проводили мы их с отрядом Чапаева.

Гордились мы, что Чапаев оказал нам такое доверие и такую честь.

90. ПОДАРОК ЧАПАЕВУ

Наше село Гусиху заняли чехословаки и всех крестьян-стариков мобилизовали с подводами в обоз. Пришлось ехать и мне. Угнали нас в село Ивановку, там подводы загрузили обмундированием и приказали отвезти его в Гусиху, а для охраны обоза чехи выделили двух человек с пулеметами. В дороге я все присматривался к этим охранникам и заметил — тревожатся чехи, оглядываются, прислушиваются, что-то все говорят по-своему. И вот слышим мы: в той стороне, где Гусиха, стрельба началась. Наши конвоиры перепугались, к пулеметам жмутся и нет-нет,

да и проговорятся: „Чапай, Чапай!“ Понял я, что на Гусиху Чапаев наступает, и говорю своим:

— Давайте другой дорогой поедem...

Подводчиков было двадцать пять человек, и все согласились. Повернули мы в сторону, а чехи струсили, кричат:

— Не туда, не туда ехать!

Я отвечаю:

— Ничего, тут овраги: лучше ехать, не убьют.

В одном овраге я отстал от подвод, влез повыше на склон, осматриваюсь по сторонам. Скоро увидел, что по оврагу меж кустов человек десять верховых едут. „Свои,— думаю.— Как бы им весть дать?“ Снял картуз, повесил его на кнут и давай махать. Верховые заметили, один из них подскочил ко мне и выстрелил вверх из винтовки. Я смотрю: чех, и от обоза—удирать в лесок, а верховые ко мне подъезжают.

— Ты кто такой, чего тут делаешь?

— С чешским обозом едем, хотим его товарищу Чапаеву подарить,— и все рассказал им.

Так с чапаевцами мы и приехали в Гусиху. Чапаев уже там был. Я скоро разыскал его, подошел к нему, поклонился и говорю:

— Кто за Советскую власть — поднимите руки!

Все до единого подняли руки.

После голосования Чапаев и говорит:

— Вот вы все за Советскую власть, так давайте и защищать ее. Мне нужно пятьдесят человек в отряд.

Многие сами вызвались, а наутро проводили мы их с отрядом Чапаева.

Гордились мы, что Чапаев оказал нам такое доверие и такую честь.

90. ПОДАРОК ЧАПАЕВУ

Наше село Гусиху заняли чехословаки и всех крестьян-стариков мобилизовали с подводами в обоз. Пришлось ехать и мне. Угнали нас в село Ивановку, там подводы загрузили обмундированием и приказали отвезти его в Гусиху, а для охраны обоза чехи выделили двух человек с пулеметами. В дороге я все присматривался к этим охранникам и заметил — тревожатся чехи, оглядываются, прислушиваются, что-то все говорят по-своему. И вот слышим мы: в той стороне, где Гусиха, стрельба началась. Наши конвоиры перепугались, к пулеметам жмутся и нет-нет,

да и проговорятся: „Чапай, Чапай!“ Понял я, что на Гусиху Чапаев наступает, и говорю своим:

— Давайте другой дорогой поедem...

Подводчиков было двадцать пять человек, и все согласились. Повернули мы в сторону, а чехи трусили, кричат:

— Не туда, не туда ехать!

Я отвечаю:

— Ничего, тут овраги: лучше ехать, не убьют.

В одном овраге я отстал от подвод, влез повыше на склон, осматриваюсь по сторонам. Скоро увидел, что по оврагу меж кустов человек десять верховых едут. „Свои,— думаю.— Как бы им вестъ дать?“ Снял картуз, повесил его на кнут и давай махать. Верховые заметили, один из них подскакал ко мне и выстрелил вверх из винтовки. Я смотрю: чех, и от обоза—удирать в лесок, а верховые ко мне подъезжают.

— Ты кто такой, чего тут делаешь?

— С чешским обозом едем, хотим его товарищу Чапаеву подарить,— и все рассказал им.

Так с чапаевцами мы и приехали в Гусиху. Чапаев уже там был. Я скоро разыскал его, подошел к нему, поклонился и говорю:

— Василий Иванович, обоз приехал от чехов с обмундированием...

Объяснил, как это получилось, как мы заехали в село с другой стороны, обманули чехов и красный разъезд известили. Чапаев улыбнулся мне ласково:

— Молодец, старик, догадался, своим помог. Всем бы так нужно было делать, тогда мы белых гадов давно бы подавили.

Поговорили мы с товарищем Чапаевым, на прощание похлопал он меня по плечу:

— Спасибо, старик, хорошо сделал. Езжай ко двору, отдыхай, а нам дальше двигать...

Любил народ товарищ Чапаев, ну и мы его, Чапаева, любили — где можно, всегда помогали.

91. ЧАПАЕВ НАМ ПОМОГАЛ, И МЫ ЕМУ ПОМОГАЛИ

Много Василий Иванович помогал нашему сельсовету. Учил, как работать, как организовывать массы. Да и мы ему в помощи не отказывали. Раз он потребовал построить мост через реку Большой Иргиз — прочный и основательный мост. Почесали наши мужики головы и принялись строить. К сроку

построили. Мост этот недавно убрали, и сейчас еще сваи видны.

А в другой раз он приехал и говорит:

— Ну, земляки, выручайте, нужно пополнение. В тот же вечер к Чапаеву записалось еще двадцать пять человек.

92. КРЕСТЬЯНЕ ПОМОГАЛИ ЧАПАЕВЦАМ

Когда мы занимали с боем деревни, то мы видели, как издевались над крестьянами белые. Был такой случай. Мы заняли одну деревню, в которой до нас стояли колчаковцы. Я зашел в один дом напиться воды, вижу, лежит на полу старик — и так изуродован, что трудно разобрать черты его лица. Он лежал весь окровавленный, голова его была разбита, тело представляло какую-то синюю массу. В хату вошли родственники, и поднялся плач. Собрался народ. Я стал расспрашивать:

— За что погиб старик?

Оказалось, что старика белогвардейцы убили за то, что у него на квартире стояли когда-то красные. Мне рассказывали, что белые пугали: если кто пустит красноармейцев на квартиру — тому смерть.

В одном бою мы двинулись вперед и потеряли связь с другой частью. Я в это время был командиром взвода. Когда мы вошли в село, я доложил командиру роты, что пойду где-нибудь поем, выпью стакан молока. Командир отпустил. Только вошел я в хату одного крестьянина, начал беседовать с крестьянином. Пока хозяйка наливала мне молока и резала хлеб, — вдруг послышалась трескотня пулеметов. Я выбежал на крыльцо и ничего не разберу, кто стреляет. Крестьянин говорит, что бегут с погонами солдаты, значит, село захватили колчаковцы.

— Полезай на сеновал, я тебя закопаю в сено, — предложил хозяин.

Я так и сделал. Белогвардейцы прибежали в хату и начали спрашивать, нет ли красных. Им хозяин ответил, что никого не было и нет. Они потребовали молока, яиц и масла, начали ловить кур во дворе. Хозяина угнали за вином. Над женой стали издеваться. Когда крестьянин пришел без вина, они начали его бить.

К вечеру в село снова вошли наши красные части.

Крестьяне любили чапаевцев, помогали им и никогда их не выдавали.

93. С ДОКУМЕНТАМИ ОТ ВАСИЛИЯ ИВАНОВИЧА

Было это под осень, в середине или в конце августа, сейчас точно не припомню. Остановился Василий Иванович Чапаев в нашей деревне Подшибаловке. Стояла самая пора молотьбы.

Понадобилось мне ехать на мельницу в Селезниху, зерно молоть... А кругом стоят войска, заставы, разъезды,— не знаю всех военных премудрых названий. Только из села в село не пройти пешему человеку, а не только что проехать, да еще с возом зерна.

Сказали мне, что надо взять у Чапаева в штабе бумагу такую, документ на проезд.

Пошел я в штаб,—стоял Чапаев штабом в большом поповском дому. Подождал. Пропустили меня.

Чапаев спросил:

— Зачем, отец, пришел?

— Да вот,— говорю,— Василий Иванович, зерно молоть позарез надо, а ехать боязно: ни хлеба, ни головы не сбережешь.

— Зерно—это,— говорит,— дело нужное, а одному тебе, Орлов, ехать не советую. Собери соседей человек пять; я вам бумагу — пропуск дам.

И тут же написал мне небольшую бумагу. Ну, подобрал я попутчиков, двух соседей, да одного с дальней улицы,— всем надо на мельницу.

Поехали, а чапаевский документ я при себе держу, в картуз положил.

Два раза останавливали нас. Один раз прочитали документ и отошли от возов.

— Поезжайте, мужики, коли сам Чапаев велел.

В другой раз взяли документ, а прочесть не могли по неграмотности. Но поверили на слово, что документ в самом деле Чапаевым писан. Один верховой спросил меня:

— А в чем одет Василий Иванович?

Ну, я, конечно, сказал и обрисовал все в точности. Пропустили.

Смололи мы зерно, вернулись с мукой.

94. „Я ЗА ОДНУ ПАРТИЮ — ЗА БОЛЬШЕВИКОВ“

Бывало, на стоянке придут к Чапаеву мужики, разговариваются с ним обо всем. Вот один раз они его спрашивают:

— Василь Иванович, за кого ты воюешь?

— За власть Советов, за вас,—отвечает он.

— А вот, говорят, что нынче партий много: большевики, анархисты всякие, меньшевики... Ты за кого?

— Я за одну партию — за большевиков.

— А вот прогонишь казаков и буржуазию всякую, чего тогда будет?

— А вот,—говорит,—прогоним помещиков, землю всю крестьянам отдадим. Своим трудом и будете ее обрабатывать. Обществом, один другому на подмогу. Вот работа пойдет! Таковую, мужики, жизнь устроим, что всем буржуам завидно станет!

95. „ЧАПАЕВ НАС ОБОДРЯЛ“

Наш Чапаевский обоз попал под обстрел белых. Продвигаться было трудно, опасно—того и гляди убьют. Особенно перепугались мы, женщины. Не знаем, что и делать. Повскакали с телег да на землю, лежим, ждем, когда наши подъедут и белых отгонят. И вдруг подъезжает к нам Чапаев на тачанке, на паре вороных лошадей. Остановился, засмеялся.

— Вы чего это, бабочки? Не бойтесь, ничего не будет.

Мы осмелели, думаем: если Чапаев говорит, что бояться нечего, то, значит, и верно. Не будет же он женщин обманывать! Да и стыдно нам стало перед ним. А он поднял нас, и сам упряжь на наших лошадях распустил, перевязал все, что порвалось (пока мы лежали, укрывались от стрельбы, наши лошади запутались, перемешались и упряжь поизорвали). Привел Чапаев весь обоз в порядок, нас подбодрил, а тут подъехали красноармейцы...

Когда весь обоз выехал на дорогу, Чапаев проехал вперед, а после уехал от обоза с отрядом в ту сторону, где стрельба была.

Умел Чапаев всегда и везде своих людей ободрять, а сам он ничего не боялся.

96. ЗАЩИТНИК БЕДНОТЫ

Первый раз я встретил Чапаева в селе Таволожке. Однажды выхожу рано утром из избы,—дело было осенью,—гляжу, сосед молотит пшеницу. Запряг своих ребят в каток и гоняет их по току. Я удивился. Подхожу, спрашиваю:

— Ты почему это так молотишь?

Сосед говорит:

— Приходится. И раньше так молотили. Пшеница-то вот немного сыровата. Плохо обмолачивается.

Разговорились мы с ним, отошли от тока, закуриваем. Глядим, по дороге верховой едет. Поравнялся с нами, посмотрел на ребят, на нас, остановился, поздоровался.

— Здравствуй, молодой человек, — ответили мы ему. Не знали мы, что перед нами сам Чапаев Василий Иванович.

— Что это вы ребят вместо лошадей гоняете?

— Да я вот пшеницу молочу. Сельсовет лошади мне не дал. Говорит, нет лошадей, — рассказал сосед.

— Как же нет?! — вспыхнул приезжий. — Я дал распоряжение сельсовету — выдать лошадей беднякам. Сейчас узнаем.

Он круто повернул коня и поехал к сельскому совету.

Приходит в Совет и спрашивает у председателя:

— Почему вы не дали беднякам лошадей? Мой, Чапаева, приказ знаете?

Председатель отвечает:

— Мы выдали часть, а этому нехватает.

— Как нехватает? — крикнул Чапаев и сверкнул глазами.

Мы, конечно, испугались, а председатель больше всех.

— Ну, вот что,— говорит ему Чапаев,— собирай всех членов сельсовета, запрягай их в каток и сам запрягайся первым. Как ты думаешь—тяжело будет каток возить?

— Тяжело, товарищ Чапаев,— говорит председатель, а сам не знает, что и делать.

— Тяжело! А ребятам не тяжело? Собирай народ.

Когда собрались все члены сельсовета, Чапаев поругал их за то, что о бедняках они заботятся не как следует, и дал наказ:

— В следующий раз приеду и проверю, как вы бедноте помогаете, и если у бедняков лошадей не будет, вас судить буду. Прощения не просите. Узнаете, как приказания Чапаева не выполнять. Это не я приказываю, а Советская власть так велит—помогать бедноте.

97. ЧУТКОСТЬ

В Клопиху приехала жена одного красноармейца. И детишек с собой взяла. Чапаев увидел, что у ребят совсем одежонка худая, приказал выдать из хозчасти обмундирование и продовольствие.

98. ПОДАРОК ЧАПАЕВА

Чапаев приехал к нам, когда еще жили мы в Клинцовке.

Вошел он в нашу землянку, огляделся и сказал:

— Эх, как ты, Аня, плохо живешь!

А у нас была в то время землянка без деревянного пола, четыре окошечка маленьких.

— Ну, ничего, дай срок, Ильинична, проживем лучше.

Я захлопотала, чай стала кипятить, а он шуткой говорит:

— Некогда нам, Ильинична, чаи гонять. Тут с тобой пропьешь все наступление, все царство небесное.

Собрались они с мужем моим, Петром Семенычем Исаевым, и уехали в Пугачев. У меня и самовар было закипел, да так и заглох—некому было чай пить.

В тот год зимой пришлось нам втроем—мне, Василию Ивановичу и Петру—ехать из Пугачева в Клинцовку.

Поднялся буран, ветер, снег так и лепит, свету вольного не видать. А ехали мы степью, заплутались. Повернули в одну, в другую сторону—нет твердой дороги.

Мужики слезли и пошли искать дорогу, а я осталась в санях... Я начала звать Петра и Василия Ивановича — кричу, а ветер относит, измучилась вся. Потом показались они сзади саней. Сели, поехали.

В дороге я стала плакать.

— Вот ты, Василий Иванович, увез у меня Петра,—говорю,—а мы только от родителей отделились, землянка у нас плохая, дует со всех сторон, снег наметает.

Чапаев мне в ответ:

— Не плачь, Ильинична, не плачь, обеспечу тебе избу. Да вот, возьми мою корнеевскую. Купил, а жить-то в ней не придется. Перетаскивайся, и беду—по боку.

99. „Я В БОЕВОЙ ЧАС ШУТОК НЕ ЛЮБЛЮ“

...Приходилось Чапаеву иметь дело и с плохими руководителями села. Он их под суд отдавал, а иногда беседовал с ними, учил. Вот однажды Чапаеву срочно нужно было перебраться из Клопихи в Давыдовку. Послал Чапаев за председателем. Председатель обещал явиться, а сам напугался и спрятался. Чапаев ждал, ждал—его нет. По-

слал искать—кое-как нашли его. Арестовали и привели к Чапаеву.

Чапаев ему:

— Мне волокитничать с тобой некогда. Ты в прятки с Чапаевым не играй. Иль не знаешь, что я в боевой час шуток не терплю? Немедленно организуй перевозку красных войск!

Через час тридцать фургонов были поданы. Уезжая, Чапаев предупредил этого горе-председателя:

— В другой раз, смотри, не прячься, а сразу боевую задачу выполняй.

100. ДРУГ И ЛЮБИМЫЙ ГЕРОЙ

Я в боях не участвовал, да и было тогда мне всего лет двенадцать, но Чапаева хорошо знаю. Он очень часто приезжал к нам в с. Красную Речку с моим братом, который был тогда командиром артиллерийского дивизиона. Приедут, бывало, попьют чайку, закусят и давай рассуждать о стратегии, а я, когда Чапаев приедет, знай себе сижусь около них да слушаю. Бывало, скажет мне Чапаев:

— Ступай, сынок, погуляй, а то вот скоро возьмут тебя на войну, тогда уж некогда тебе гулять будет.

— Да нет, Василь Иванович, я лучше здесь посижу, послушаю,—отвечу я и сижу.

— Ну хорошо, хорошо, сиди. Учись, может быть, таким же командиром будешь, как и Тимоша (брат мой).

Чапаев старался всегда, чтобы у него бойцы хорошие были, и командиров выбирал хороших. Все, бывало, печется о своих бойцах:

— Эх, как бы там чего не случилось. Поедем, Тимоша, хоть и далеко неприятель, да все же с ними лучше, спокойнее я за них буду.

А то иногда жалеть начнет, что не всех казаков перебили:

— Вот, товарищ Тимоша, если бы зашли тем оврагом, то мы ни единого казака не выпустили бы, всех взяли бы. А то видишь, хоть немного вот, а ушло. Да, Тимоша, нам учесть это надо.

Ну, поговорят, поговорят и станут собираться обратно ехать. А я к Чапаеву:

— Василь Иванович, возьми ты меня с собой, посмотреть хоть, какие у вас бойцы-то.

Ну и возьмут они меня с собой.

Как приедешь к ним в штаб, дадут они мне лошадь, револьвер, винтовку, саблю для смеха привесят, а Чапаев говорит:

— А ну-ка, Ваня, ступай, проскачи-ка по нашему отряду, покажись бойцам—авось они тебя заместо меня командиром выберут.

И живу я там с ним до первого боя. А как итти в бой, Василий Иванович позовет меня и скажет:

— Ну, Ваня, мы уходим в бой. Скачи домой и передай отцу важное донесение: чтобы он тебя дома оставил—и воевать никуда не пускал.

Хотелось остаться посмотреть, но я знал, что Чапаев в такой момент свое решение не изменит.

Приду домой и потом рассказываю ребятам деревенским все. Ну, они, конечно, завидуют мне...

...Для ребят Чапаев был лучшим другом. Не было для нас другого такого героя, которого мы любили больше Чапаева. Когда узнали, что Чапаев погиб, долго мы говорили о нем, хотели в его отряд поступать, да не пустили нас, малышей. И тогда мы стали во всех знакомых нам песнях помнить нашего любимого героя Чапаева:

Среди лесов дремучих
Чапаевцы идут.
В своих руках могучих
Чапаева несут.

(Припев)

Все пушки, пушки грохотали,
Трещал наш пулемет.
Казачи отступали.
Чапаевцы — вперед.

Носилки не простые,
Из ружьев сложены,
А поперек стальные
Штыки положены.

(Припев)

На них лежал Чапаев,
Чапаев удалой.
Он весь окровавленный
С разбитой головой.

(Припев)

Чапаев приподнялся,
Чапаевцам сказал:
— Вперед, друзья, — и тихо
Закрыв свои глаза.

101. БУДАРИНСКИЙ СКАЗ

Рассказывают... Вот в казачьей станице, в Бударино, когда кончился бой, Чапаев входит в избу, снимает с себя шинель и вытрясает. Все пули, что за день в него попали, и вытряхиваются.

102. В БЕЛЕБЕЕ РАССКАЗЫВАЛИ...

А в Белебейском районе рассказывали. Поймали будто бы белые Чапая, посадили его в тюрьму, в подвал. Он попросил дать ему воды напиться... Принесли ему воды в ковше. А он—раз в ковш, нырнул—и след простыл.

103. „НАРИСУЕТ ЛОДКУ И УЛЕТАЕТ“

В казачьих же станицах говорили, что если приходилось окружить Чапаева и положение его получалось совсем безвыходное, он нарисует лодку на земле, садится в нее и улетает. Так и не давался в руки...

104. „НИ ШАШКА, НИ ПУЛЯ НЕ БЕРЕТ“

Когда я был в плену, казаки говорили: „Спаси нас, господи, от чапаевских людей!“

Мы наверное Чапаева никогда не победим. Его не берет ни шашка, ни пуля. Не приведи, господи, Чапаева и видеть!»

105. ЦЕНА ГОЛОВЫ

За Василия Ивановича этот самый Толстов давал 25 тысяч золотом, если найдешь голову умершего. А если живым — 50 тысяч. Когда мы Свистун взяли, уральские помещики-кулаки, видно, чуяли, ну, что ли, крах свой и что делали: к нам приходили люди — ремни были на спинах вырезаны, перчатки с рук сняты. Тут возмутились все.

У нас в то время в плен сдаться, лучше пуля в лоб, чем итти на истязание. Мы в плен не сдавались.

106. БЕЛОГВАРДЕЙСКАЯ КАРИКАТУРА

Заняли чапаевцы однажды хутор, зашли в квартиру, где у белых штаб стоял, и нашли там картинку: Чапаев на белом коне сидит, глаза огненные, изо рта пламя пышет, а за ним еще такие же скачут. Внизу подпись такая: „Чапаев на коне. Предался самому антихристу, и других из своего отряда

антихристу предает. А непобедимый он потому, что это нечистая сила им руководит, и пуля его никакая не берет. Берегитесь его, мирное население!"

Взяли эту картинку и показали Чапаеву. Он посмотрел, засмеялся и говорит:

— Эх, вот это богомазы! Как они меня разрисовали! Ну, все равно они меня этой агитацией не возьмут. А картинку на память оставить надо. уж больно я здесь красивый, чуть на святого похож.

И после, как вспомнит об этой картинке, всегда рассмеется и скажет:

— Эх, ребята, и портрет же у меня есть, прямо замечательный!

107. ДОГАДКА ЧАПАЕВА

В Семенихе Чапаев столкнулся с таким случаем. Только приехал он туда, остановился и видит—идет к нему на коленях человек.

— К тебе иду, Василий Иванович, с большой просьбой.

Но Чапаеву этот урод показался подозрительным:

— Ко мне-то, ко мне,—я вижу, к кому ты идешь. Только близко-то не подходи... Скажи, от какой болезни-то у тебя ноги свело?

— Да я...

— Вставай!.. Ну-ка, ребята, поднимайте его!—распорядился Чапаев.

Подняли. Оказался совсем здоровый мужик. Чапаев вскипел:

— Скажи, сволочь кулацкая, за сколько ты нанялся Чапаева убить?!

— Ну, если догадался, — отвечает лазутчик,—то чего хочешь делай со мной.

— А чего ты сделать хотел?

— А я хотел поклониться тебе и схватить тебя в этот момент за низ.

108. КУЛАЦКАЯ ХИТРОСТЬ

Василия Ивановича Чапаева очень любили рабочие и крестьяне, но богатеи видели в нем своего врага. На обман, хитрость, подлость всякую пускались, лишь бы погубить Чапаева.

Однажды был такой случай в селе Семенихе. Это село мы только что взяли и узнать

население не успели. И вот идем по селу с Василием Ивановичем, смотрим, как народ здесь живет. У церкви встретился нам убогий человек, нищий. Стоит он, а у самого в руках толстая палка; оперся он на нее и спрашивает:

— Который тут Чапаев? Поцеловать его хочу, благодетеля бедных.

Мы указали. Убогий подошел к Чапаеву да как ударит его палкой в левое плечо—мы даже испугались: не зашиб ли гад Василия Ивановича?

Оказалось, что это кулак переоделся убогим и, видно, по голове хотел Чапаева ударить, да Чапаев во-время увернулся.

Кулака этого мы расстреляли.

ВИ. ГИБЕЛЬ ЧАПАЕВА

109. БУРКА ЧАПАЕВА

Существовала легенда, что Чапаев не погиб, жив и спасается в киргизских аулах.

После гибели Чапаева и у белых было мнение, что он не погиб. У нас тогда наряжались Чапаевым, выезжали на его лошади, в бурке, как фигура Чапаева. Белые и убегали, а чапаевцы имели успех.

Или вот еще говорили ребята. Тяжелый бой. Думаешь: „все!“ Вдруг—всадник в шапке высокой, в папахе, серый конь,—словом,

Чапаев. Белые, как увидели, ну и всё. Победа наша!

Командиры тоже имели такую форму, а белые думали Чапаев.

110. СУЛАКСКАЯ ЛЕГЕНДА

В 1924 году у нас в Сулаке легенда ходила, будто Чапаев здесь был. Странничком его видели. Старик пас стадо. Уборочная была. Подходит человек, здоровается. Присел, закурил. Спрашивать стал. А пастух смотрит—Чапаев! „Откуда, странничек?“. Говорит: „Вот оттуда и туда-то“. Пастух заводит разговор: „Знал, мол, Чапаева-то?“—„Ну, как же не знать? Знаю, хороший парень был. Ну он еще себя покажет!“—и ушел.

А старик пастух бегом в село пустился. Пришел и рассказывает, божится, что Чапаева видел. Мы бегом туда. Но его уж не было. Ушел.

Ждали мы и думали, что придет он. Не верили мы его смерти. Ведь труп его не нашли. Много в Урале потонуло. Но все трупы находили. Их прибывало к одному месту. А Чапаев исчез.

111. „НЕ МОГ ЧАПАЕВ ПОГИБНУТЬ!“

Героическая смерть Василия Ивановича Чапаева была близко принята к сердцу всеми трудящимися Советской страны. Враг был жестоко отомщен. Как переживала эту смерть семья героя — жена и дети, рассказал нам сын героя — Александр.

— В сентябре 1919 года,—говорит он,—как сейчас помню, вечером приехала мать. Безутешно плачет, но нам ничего не говорит. Затем она собрала нас всех к столу и, рыдая, проговорила:

— Вашего папу убили казаки!

Все дети громко заплакали, только я не проронил слезы: в горле комок застрял, а не плачу.

В этот же вечер приходили боевые товарищи отца—нас утешать. Люди не переставали к нам ходить, а на людях как-то лучше переношишь горе. Дней этак через десять стали приходить к нам раненые красноармейцы из-под самого Лбищенска. Помню одного из них, который прожил у нас очень долго. Пришел он, назвал себя—оказывается, был лучшим боевым товарищем отца. Сидит на лавке, рука у него на бинте висит. Качает головой.

— Нет, говорит,—этого не может быть!

— Чего не может быть?—спрашивает мать.

— Не может быть, чтобы Василий Иванович погиб; его пуля не брала.

— Думаешь, заговор от пули знал?

— Не заговор, не наговор, а так—грудь у него, должно быть, стальная...

Мать насторожилась, да и мы затаили дыхание.

— Ты, может, слух какой о нем имеешь?—робко спросила мать.

Красноармеец помолчал, как будто что-то обдумывая, затем сделал рукой знак, чтобы мы подошли к столу.

— Есть слух,—сказал он,—говорил мне красноармеец один, что Василий Иванович Урал переплыл, а теперь у бедного киргиза в кибитке скрывается, ждет когда казаков разгромят. Ведь иначе ему показываться нельзя.

Мы затаили дыхание, слушали, и как-то даже верилось, что отец действительно жив.

— Непременно жив!—настаивал раненый.—Ведь киргиз-то, что спрягал его,—бедный, а бедняки всех наций кругом любят Василия Ивановича.

Красноармеец прожил у нас долго и каждый день принимался повторять свой рас-

сказ. Мне теперь кажется, что он сам выдумал и сам своей выдумке поверил.

Но отец не пришел: холодные волны Урала поглотили его навсегда.

112. „А МОЖЕТ, ЭТО ЛЕГЕНДА“

Из похода на Уральск особенно запомнился мне митинг, на котором выступал Чапаев. Говорил о том, что наши товарищи в осажденном Уральске сидят без табаку. Собрали мы махорки, и сам Василий Иванович возил ее на аэроплане осажденным. А когда прогнали мы белую казару из Уральска, пошли до самой Сахарной.

Я был в Сахарной, когда погиб Чапаев, и о его гибели я знаю только по рассказам.

Прискакали к нам в Сахарную из Лбищенска, говорят:

— Штаб дивизии разбит. Наверное, убит Чапаев.

Тяжелая эта была для нас весть! Зажглись наши сердца страшной ненавистью, и решили мы заплатить за гибель любимого нашего командира полным разгромом белых банд.

Рассказывали мне потом казаки:

— Наутро, когда все закончилось и мы заняли Лбищенск, въезжает машина. В ней — заместитель генерала Толстова.

Подходит к машине человек.

— Ты кто? — спрашивает его полковник.

— Я? — Выстрелил из нагана и бежать.

Тут его ранили, а он кинулся в Урал, и больше его не видели.

Все считали, будто это был Чапаев. А может, это легенда, одна из тех, которые ходят теперь по уральским степям о славном комдиве Чапаеве.

113. КАК ПОГИБ ЧАПАЕВ

Весь военный гарнизон г. Лбищенска спал крепким сном, исключая только нескольких патрулей, бродивших по улицам города. Враг незаметно для часовых подкрадывался, подходя все ближе и ближе. Прозвучал один выстрел, за ним другой... Так начался тот памятный, черный день 5 сентября 1919 года.

Окружив город, казаки открыли огонь из ружей и пулеметов.

При первых же выстрелах была поднята военная тревога, однако уже невозможно было принять какой-либо боевой порядок.

Только у штаба дивизии собралось нас около двухсот человек вокруг товарища Чапаева. Он отдал распоряжение рассыпаться в цепь по окраине города. Нашей группе предстояло двигаться по направлению к кладбищу, куда мы и побежали под командой товарища Чапаева. К сожалению, кладбище уже было занято неприятелем, который и встретил нас сильным оружейным и пулеметным огнем. Василий Иванович командует:

— В атаку!

Сбиваем противника, оттесняем его на двадцать, тридцать, сто метров. В этот момент подбегает к товарищу Чапаеву красноармеец, докладывает ему, что казаки заходят нам в тыл. Василий Иванович подает команду:

— Отходить в боевом порядке к реке.

При отступлении Чапаев был ранен в руку, однако и виду не показывал. До берега оставалось не больше тридцати метров. Рассвирепевшие казаки, чувствуя нашу слабость, еще сильнее сдавливали всех к берегу Урала. Положение было действительно безвыходное. Нужно бросаться в воду — не даваться живыми в руки врага.

Стали спускаться с десятисаженной крутизны в воду, где уже барахталось много красноармейцев. Совершенно не умеющие плавать, изнемогая, хватались друг за друга, шли ко дну. Державшихся на воде непрерывно обстреливали казаки.

Берег, усеянный ранеными красноармейцами, представлял ужасное зрелище. Казаки штыками и прикладами сталкивали с крутого берега в воду изнемогающих красноармейцев.

Василий Иванович с группой товарищей из штаба сдерживали напор врагов.

Озлобленные казаки пытались схватить живьем Василия Ивановича, но встретили жестокое сопротивление со стороны оставшейся на берегу небольшой группы красноармейцев. Казацкие цепи открыли тогда страшный огонь по нашему любимому командиру. Василий Иванович доплыл в это время примерно до середины реки.

Он плыл, работая одной здоровой рукой, громко проклиная бесившихся на берегу белогвардейцев. И вдруг смолк. Его тонкого голоса уже больше не было слышно.

Пули поднимали вокруг нас брызги воды, смешанной с кровью убитых товарищей. Сильным огнем казаки добивали оставшихся

в живых на берегу, обстреливали доплывающих до противоположного берега... Но среди нас не было Василия Ивановича. Горе наше было неизмеримо. Мы отползали от берега и снова возвращались к нему в надежде, что вот-вот покажется наш дорогой товарищ Чапаев. Но волны Урала так и не отдали нам его.

114. ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ВАСИЛИЯ ИВАНОВИЧА

Дни стояли ясные. Шел сентябрь, но еще не было ни дождей, ни слякоти.

Я был начальником по организации снабжения дивизии мукой.

— Вас просит Василий Иванович,—сказал, войдя в дом, в котором находилась наша контора, нарочный Чапаева.

Я и заместитель заведующего дивизионной хлебопекарней, фамилию которого я сейчас не помню, пошли в штаб дивизии. Василий Иванович стоял на улице, у штаба.

— Ну, как у вас идут дела? Какой запас муки, сколько хлеба в день выпекаете?— начал расспрашивать нас Чапаев.

Я доложил обо всем подробно, Василий Иванович одобрил проводимые нами мероприятия и сказал:

— Положение создается такое, что сейчас нужно подналечь. Нужно во что бы то ни стало увеличить выпечку и улучшить снабжение передовых частей хлебом.

Василий Иванович распорядился быстрее организовать работу походных печей. Подошел комендант. Разговор наш был прерван.

— Наши натолкнулись на казачью разведку. Что прикажете делать?— сказал комендант.

— Всем—в окопы и быть готовыми отразить наступление,—отдал приказ Василий Иванович, а сам пошел в штаб.

До поздней ночи мы, подняв на ноги всех бойцов-пекарей, налаживали установку походных печей. Когда нельзя было уже продолжать работу, мы разошлись по квартирам.

Было тихо. На улицах кроме военных почти никого не было. Бойцы сновали взад и вперед. Каждый из них шел по своим делам. Одни возвращались со сторожевых постов, другие уходили на смену. Всюду чувствовалась напряженность, озабоченность.

Не успели мы уснуть, началась стрельба. Я выбежал на улицу. Кто стрелял, в кого стрелял, понять было трудно. Было еще темно. В трех-пяти шагах нельзя было различить ни одного человека. Вынув из кобуры наган, я побежал по направлению к Уралу. Случайно я попал к землянке, где около двухсот бойцов вели усиленную перестрелку с белоказаками. Стрельба велась наугад, в ту сторону, откуда летали густым дождем разрывные пули „дум-дум“.

Стало светать. Перед нами открылась песчаная степь и небольшой лесок, из которого временами выезжали казаки и, помахивая обнаженными клинками, бросались в атаку.

Все попытки напасть на нас и начать рубку казакам не удалось. Стреляя метко, расчетливо, мы отражали атаку за атакой.

— Держись, товарищи! Наступила жара!— крикнул один из бойцов, подбежавших к нам на подкрепление.—Василий Иванович послал за кавалеристами,—добавил этот боец.

Кавалерийский полк стоял примерно в семидесяти километрах от Лбищенска к Гурьеву. Мы с новой силой, с еще большей энергией начали отбивать казацкие атаки. Но у нас патроны подходили к концу и пополнять

запас было неоткуда, так как склады с боеприпасами были взяты белоказаками.

К нам прибежал товарищ Чапаев. Чтобы укрепить позицию, Василий Иванович предложил рыть окопы поперек улиц. Рыть было нечем, не было у нас в это время ни лопат и ни одной кирки.

— Василий Иванович, патроны на исходе, — в один голос заявили несколько бойцов.

— Сорок человек за мной! — скомандовал Чапаев и побежал в центр Лбищенска, к складам за боеприпасами.

Прошла минута, не больше, к нам подбежал комбриг, которого все за его старость звали „дедушкой“. Дедушка комбриг спросил у нас о Чапаеве и убежал также в центр, к штабу дивизии.

Белоказаки не прекращали свое наступление. С нашей стороны стрельбы почти не было. С противоположной стороны, с тыла, по нас казаки открыли орудийный огонь. После упорного и неравного боя мы бросились к Уралу. Кавалерийские части запоздали, патронов мы ниоткуда не получали. Пользуясь прекращением стрельбы и заметив убегающих бойцов, казаки сначала очень

осторожно, а потом смелей кинулись в погоню за нами.

Со всех сторон Лбищенска, к крутому берегу реки, на ходу готовясь к плаванию, бежали наши бойцы. Мутные, бурливые волны Урала мгновенно приняли в себя сотни людей. Подковообразный берег ничем не прикрывал нас. Все мы были как на ладони.

Казаки, густой цепью расположившись на крутом берегу, из винтовок и из пулеметов открыли перекрестный огонь по воде. Часть верховых бородачей-казаков, догоняя бойцов, безжалостно рубили безоружных. Зверству не было предела. Даже раненых, не способных передвигаться, казаки уничтожали, делая это равнодушно, с ловкостью мясников.

Переплывшие Урал бойцы убегали в лес, находившийся на территории красных, и группами уходили к Бударино.

Здесь опасность нам не угрожала. Мы шли, разговаривая о понесенном поражении. Только теперь нам было ясно, что мы были преданы белоказакам. Кем—неизвестно, но без этого казаки не смогли бы захватить оружейные склады, не могли бы нанести нам столь громадного ущерба.

— А где теперь Василий Иванович? Жив ли он?—задавали мы друг другу вопросы.

— Конечно, жив! Такого командира взять не так-то легко.

— Нет, белоказакам живым он не дастся...

— Где он, наш любимый командир? Наш друг? Наш товарищ? Нет, его ни одна пуля не возьмет.—С этими мыслями мы снова подходили к Уралу, внимательно присматриваясь к местности, прислушиваясь к каждому шороху.

Не помню, кто из шедших с нами рассказал о том, что В. И. Чапаев после того, как повел от землянки сорок бойцов, пытался отбить у казаков взятые ими склады и наладить снабжение бойцов боеприпасами.

Этого сделать ему, видимо, не удалось. Что с ним стало дальше, никто из нас не видел. Только уж когда мы пришли в Бударино, присоединившись к маршевым ротам, предназначенным для пополнения боевых частей дивизии, мы узнали о том, что Василий Иванович был ранен и погиб, утонул в уральских водах.

Мы рвались к Лбищенску, Чапаева среди нас не было, но мы действовали по-чапаевски, нанося врагу меткий удар за ударом.

Вскоре Лбищенск снова был взят нами, мы отомстили врагам за смерть нашего любимого комдива.

115. СКАЗКА ПРО ЧАПАЯ

И совсем не утонул Чапай в седом Урале.

Урал он переплыл, не напрасно его хорошим пловцом считали. А когда переплыл он Урал, казаки погоню за ним устроили.

Ловкий был Чапай.

Казаки за ним на конях, а он от них бегом да бегом... Забежал в лес. Пули свистели над его головой—он только нагибался, приседал. Да и опять неся вперед. Совсем было догнали Чапая. Схитрил только он. Спрятался в медвежью берлогу и сидит там. Казаки проскакали рядом—не заметили его, думали он вперед убежал. А Чапай тем временем вылез из берлоги и вбок по спрятанной в кустарнике тропинке побежал. Лес был большой, хмурый, и долго ли бежал Чапай—трудно сказать... Только, когда он очутился на опушке, солнце собиралось на край степи спускаться.

Огляделся Чапай и видит—вправо кибитка стоит, а по степи лошади пасутся. Пошел он туда.

— Кто хозяин?—спрашивает.

Никто не отвечает. И кругом тишина стоит. Слышно, как трава звенит и жаворонки в небе перекликаются.

Чапай опять спрашивает:

— Кто тут хозяин? Выходи!

Зашуршало что-то в кибитке, и вот из нее выполз дряхлый старик-киргиз.

— Что, говорит, тебе надо, удал-молодец?

Ему Чапай и рассказал, кто он такой.

— Я,—говорит,—Чапай Василий Иванович, командир Чапаевской дивизии, против белых борюсь, за свободную жизнь для бедного народа.

— Слышал, слышал про тебя,—говорит старик.—Большой ты герой, вся земля знает. Все бедные люди любят тебя—и русские, и киргизы, и татары, и чувашаи.

Нагнулся вдруг старик, приложил ухо к земле и слушает. Лицо его стало хмурым, беспокойным.

— Да-а,—говорит. Погоня за тобой несется, и близкая. Старик быстро слазил в кибитку и принес оттуда ком сыра и кувшин кумыса.

— Пей, ешь скорей, а дальше видно будет, что делать.

Закусил Чапай, утер усы рукавом и ждет, что старик дальше скажет.

А старик опять припал ухом к земле и послушал.

— Теперь казаки совсем близко. Вот-вот из леса выскочат. Лошади у них быстрые, как лани, а у нас еще быстрее есть, как горные соколы.

Встал старик на дряхлые ноги, да как свистнет во всю степь широкую! Смотрит Чапай—от табуна жеребец скачет, да такой—описать его невозможно. Огненный весь, на груди звездочка белая, а глаза умные, умные, как у человека.

— Вот тебе и конь,—сказал старик,—он тебя от всех бед будет уносить. А вот тебе серебряная сабля и ружье позолоченное—они будут твоими первыми друзьями.

И подал старик Чапаю серебряную саблю и позолоченное ружье.

— Садись на коня и лети мимо леса вправо и влево. Пять ночей и пять дней будешь нестись ты на коне, и принесет он тебя к высокой горе Черная орлица—про ту гору никто на земле не знает, и будет там

твой стан... А в нужные минуты, когда бедный народ будут буржуи обижать, ты будешь выручать его из бед.

Подошел старик к Чапаю, поцеловал его три раза:

— Улетай, сокол ясный, казаки совсем рядом.

Только впрыгнул Чапай в дорогое седло да схватил поводья, молнией понесся конь вдоль леса, облако пыли по земле стелется.

В это время из леса казаки выехали и прямо к старику.

— Где тут Чапай скрывается?

— Не знаю,—говорит,—не видал такого.

— Как не видал?—закричали казаки.— Куда он делся?

Все кругом обыскали—и кибитку, и лес— не нашли Чапая. Тогда офицер показал подчиненным:

— Повесьте на осине киргизскую образину!

И повесили старика на осине, а кибитку его сожгли.

А когда приехали к своему генералу, то доложили, что утонул Чапай на Урале.

И знают только уральские степи, какие геройские подвиги совершал Чапай. Немало бывало случаев, когда он выручал из бед красноармейские отряды.

Вот-вот погибнет отряд: сил у него мало и патронов нет—и вдруг, откуда ни возьмись, появится Чапай. Летит на огненном коне, как на птице, саблей серебряной помахивает, а бурка по ветру развевается.

— За мной, ребята!—закричит он и прямо на беяков понесется.

Пропадет у красноармейцев страх, разгорятся сердца—все, как один, в атаку за Чапаевым бросятся. Да так рубятся, что от врагов ни единой живой души не останется.

А потом опомнятся, глядь, а Чапаева нет...

И не верится им, был ли он тут в самом деле. Но многие уверяют, что видели Чапая. Только на груди у него не один, а три боевых ордена.

116. В БОЯХ ПРОТИВ ФАШИСТОВ

В 1945 году старик Федор, который возил дрова в санаторий Черемшаны, рассказывал, что Чапаев не погиб. Его спас киргиз и дал ему огненного коня. А во время боев в войне с фашистами он то тут, то там появлялся на огненном коне в частях Красной Армии, и тогда победа была обеспечена.

КОММЕНТАРИИ

1. ЧАПАЙ

Образ В. И. Чапаева — народного героя, славного командира 25-й дивизии является центральной темой нашего сборника. В настоящем разделе приводятся такие сказы и воспоминания, которые характеризуют Чапаева как человека, причем не в военных условиях, а в мирное время.

Все они рисуют Чапаева вполне реалистично и в основном так же, как его изображал и Фурманов.

«Он был храбрый. Никогда не надвигал шапку на брови и не был печальным. Его любимое выражение: «Кто с нами — тот за нами! Кто против меня — тот враг!»

В полном соответствии с внутренним содержанием образа Чапаева дается его речь — лаконичная и выразительная, иногда в отрывистых формулировках — приказах: «Стреляй! Пуля найдет врага!», «Надо сделать, хоть умри!», «Отступления нет!» и т. д. В такой же форме передаются наиболее значительные по содержанию слова Чапаева, выявляющие его отношение

к революции, к самому себе и бойцам, характеризующие принципы его военной тактики и т. д. Например: «Вперед! Назад ни шагу!», «Чапаевцы не отступают!» и т. д. Или: «Если мы не перейдем Белую, — вы не чапаевцы, а я — не Чапаев!» или: «В бою я тебе — командир, а после боя — товарищ!»

Вместе с тем речь Чапаева характеризуется большою образностью, источником которой чаще всего является народное поэтическое творчество. «Мое слово — олово, не ржавеет!» К бойцам он обращается со словом «орлы», или «боевые орлы», или «соколы», а белоказakov называет «белое воронье».

Часто Чапаев выражает свою мысль короткими поговорками. «Эх, была, не была! Вперед пойдем — не пропадем!», «Чапаева вам взять в плен не удастся! Руки коротки!», «И беду по боку!» В ответ на слова бойца об окружении: «Вот попали в кашу!» Чапаев отвечает: «Посмотрим еще, кто эту кашу скушает!»

Речь Чапаева во многих случаях является наиболее ярким и содержательным местом во всей структуре сказа. Она не только довольно точно передает особенности его языка и стиля, но еще и в силу этого прекрасно дополняет образ славного комдива, решительного и быстрого в своих действиях, категорического в приказах и распоряжениях, непоколебимого в своих требованиях. Вот как, например, напутствует Чапаев красноармейцев перед боем: «Высекайте крупные деревья, а кустарник (то-есть белые офицеры) сам пригнется!»; или: «Буржуазный класс нужно выкорчевывать до конца»; или: «Чем ни больше соколов налетит, тем сильнее шарахнется белое воронье».

Можно думать, что некоторые из этих крылатых фраз сохранились в памяти чапаевцев в подлинном выражении.

1.

Напечатаны в сб. «Чапай» № № 50, 51.

2.

Записано в с. Б. Таволожка, Пугачевского района, 11/VII—1946 г. от токаря А. Т. Коротнева. Записала студентка Р. Шерлина.

Сказ характеризует Чапаева как человека, глубоко преданного делу Революции. И это полностью соответствует действительности.

В военной академии имени Фрунзе хранится анкета, заполненная Чапаевым 25 ноября 1918 года. На вопрос: «Принадлежите ли вы к числу активных членов партии? В чем выразилась ваша активность? — Чапаев ответил так: «Принадлежу. Сформировал 7 полков Красной Армии». (А. Б. Кадишев. В. И. Чапаев — легендарный герой Гражданской войны. Изд-во «Правда», М. 1948, стр. 7).

3 и 4.

Напечатаны в сб. «Чапай», №№ 70, 49. Сказ № 4 озаглавлен нами.

5.

Записано в г. Пугачеве 17/VIII 1946 г. от К. Г. Киселева. Записала студентка Н. Григорьева.

6.

Записано в г. Пугачеве 17/VII 1946 г. от И. С. Коновалова, 52 лет. Записала студентка Р. Шерлина.

7.

Записано в с. Б. Таволожка, Пугачевского района, 11/VIII 1946 г. от А. Т. Коротнева. Записала студентка Р. Шерлина.

В сказе характеризуются военные качества Чапаева: личная смелость, быстрота действий и умение ошеломить врага. А также особая близость к красноармейской массе в бою и на отдыхе. В бою Чапаева всегда изображают на передовой линии. (Подробнее об этом см. комментарий к боевым сказам).

Примерно так же показывает поведение Чапаева в бою и Фурманов. В повести о нем читаем: «Шлет гонцов то к пулеметам, то к снарядам, то к командиру полка, то снова скачет сам, и видят бойцы, как мелькает повсюду его худенькая фигурка»... «И скачет туда, на левый фланг, где грозно сдвинулась опасность»... «И проносится по рядам припавших к земле бойцов». (Д. Фурманов. Избранное. М. 1946, стр. 79. Все дальнейшие ссылки на повесть «Чапаев» — по этому изданию).

8.

Напечатано в сб. «Чапай», № 91. Перепечатано с небольшими сокращениями.

О постановке спектакля для Чапаева в Вязовке мельком упоминает в своей повести и Фурманов.

II. В ОТРЯД К ЧАПАЕВУ

В дневнике Фурманова за 26 февраля 1919 г. есть запись о том, как Чапаев набирал в Поволжье людей в свои отряды: «В случае нужды Чапай поднимает на ноги всю деревню, забирает с собой в бой всех здоровых мужиков, снаряжает подводы. Я говорил с одним

из таких «мобилизованных», ничуть не обижаются, что его взял Чапай едва ли не силой. «Так, говорит, значит, требовалось тогда — Чапай не ошибается и понапрасну забирать не станет».

Фурманов передает в дневнике слова самого Чапаева о вовлечении населения в армию: «Меня в штабе армии не любят и считают даже врагом советской власти, хотя я в партии коммунистов состою уже более года. А это вот почему. Когда мне приходилось спасать Пугачевск и Саратов, там в Пугачевске совет работал плохо, а надо было бороться с белогвардейцами и экстренно мобилизовать крестьян. Вот я и стал все это делать сам, потому что делать было необходимо, а делать было некому». («Октябрь», 1935, I, запись 13 марта 1919 г.).

Сказы отмечают, что отряды Чапаева пополнялись главным образом из крестьянской бедноты. Такую же классовую характеристику этим первоначальным отрядам Красной Армии дает Фурманов: «...Кому же идти? Наш брат пошел, батрак, да победнее который, бурлаки опять же были, эти даже первее нас ушли». (Повесть, стр. 23).

9.

Сообщил шофер Радюшкин. Материал хранится в музее Чапаева в г. Пугачеве.

Центральным местом содержания сказа является революционный призыв Чапаева к населению: «Городу угрожает опасность, мы должны его защитить...».

Требование Чапаева — каждому осознать свое отношение к Революции — стало общим местом сказов соответствующей тематики. Чаще это общее место сказов передается совсем коротко: «Кто с нами — тот за нами!» Или: «Хотите, чтобы советская власть была, хотя-те, чтобы свобода была, — идите со мной».

10.

Записано в с. Гусиха, Ивантеевского района, 9.VIII.1946 г. от колхозника Романова. Записала студентка В. Архангельская.

11, 12, 13, 14.

Напечатаны в сб. «Чапай», №№ 54, 55, 57, 52.

Речь Чапаева характеризуется народно-песенными образами: трудовой народ — «соколы», враги — «белое воронье».

15.

Записано в с. Н. Покровка, Перелюбского района, 2.VII.1937 г. от бывшего чапаевца Е. А. Гончаренко, 50 лет. Записал ученик Внуков.

16.

Записано в с. Н. Покровка, Перелюбского района, 2.VII.1937 г. от сторожа магазина Зайцева, 52 лет. Записал студент Н. Афанасьев.

17.

Записано в с. Николаевке, Перелюбского района, 28.VII.1937 г. от кузнеца Т. И. Максименко, 53 лет. Записал студент Чекмарев.

18.

Напечатано в сб. «Чапай», № 116.

19.

Записано в г. Пугачеве 17.VIII.1946 г. от А. Т. Киселева, 58 лет. Записала студентка Н. Григорьева.

III. ВОСПИТАНИЕ БОЙЦОВ

Сказы этого цикла подчеркивают непосредственную близость Чапаева к красноармейской массе: большую любовь к бойцам, постоянную заботу о них, умение поддержать дух во время боя разными средствами и особенно своим постоянным присутствием на передовой линии. Об этом же говорит в своей повести «Чапаев» и в дневниках Д. Фурманов.

Подчеркивая простоту взаимоотношений Чапаева с бойцами, сказы одновременно говорят об исключительной требовательности Чапаева к бойцам, строгости дисциплины в его отрядах и вместе с тем об уважении и любви к нему со стороны красноармейцев.

Наиболее известными в этом цикле являются сказы о том, как Чапаев выступал на митингах, как он требовал отчетливого осознания каждым бойцом своего отношения к Революции, как он боролся за дисциплину. Эти темы представлены большим количеством вариантов. Подобные же эпизоды приводятся и в повести Фурманова.

В большинстве случаев сказы подчеркивают простоту, правдивость и доходчивость речей народного героя. Все они в один голос свидетельствуют об исключительной силе воздействия выступлений Чапаева на слушателей.

«Говорил Чапаев не литературно, но зажигательно», или: «Как Чапаев делает митинг, весь рабочий класс говорит: «Давай ружья! Все пойдем в бой!».

Эти же качества Чапаева отмечает и Фурманов в дневнике. Так, в записи за 13 марта 1919 г. читаем: «Он на митингах резок и прям, но совсем нельзя сказать, чтобы он плыл по течению и потакал массе. Насколько он

быстр в решениях, настолько же тверд в проведении этих решений». (Д. Фурманов. Чапаев. Приложение. Чкалов 1946. Все дальнейшие ссылки на дневники — по этому изданию).

Твердость и безапелляционность слов и действий Чапаева видны и в его письменных приказах, которые своим тоном, категорическими формулировками вполне согласуются с той характеристикой, которая дается его речам. Приказ перед занятием Уральска кончается, например, такими словами: «Товарищи! Перед вами один из предпоследних оплотов контрреволюции — Уральск! Он падет в ближайшие дни, ибо вы хотите этого, вы храбры и настойчивы... Итак, смело вперед, в Уральск, вам нет преграды!» Приказ перед наступлением на Уфу звучит так же: «Еще одно небольшое усилие полков 25-й дивизии, и враг будет окончательно сломлен!»

20.

Перепечатано с небольшими сокращениями из сб. «Чапай», № 46 1936, 12, стр. 231. Озаглавлен нами.

21.

Записано в с. Украинка, 18.VIII.1938 г. от Усманова Ганяш Усмановича. Записала студентка СГУ Ю. Даргевич.

22.

Записано в с. Перелюб, 16.VIII.1936 г. от Калининко. Записал студент Н. Бадаев.

О зверствах казаков говорит и Д. Фурманов (стр. 180).

23.

Напечатано в сб. «Чапай», № 122. О подобном эпизоде рассказывают подробно в с. Н. Покровка.

Записано в с. Кондауровке, Перелюбского района, в 1937 г., от колхозника Н. Г. Малина, 77 лет. Записал студент Чекмарев.

Поэтический образ Чапаева-оратора на трибуне перешел в позднейшие сказы не без влияния повести Фурманова или кинокартины Васильевых. В повести этот эпизод передан таким образом: «...Я не потерплю... сам же первый этой вот расстреляю подлеца, — и он энергически потряс правой рукой, — а я попадусь, — стреляя в меня, не жалей Чапаева» (стр. 86).

Напечатано в сб. «Чапай» № 48, в сб. «Красноармейский фольклор» и в журн. «Литературный критик», 1936, 12, стр. 229. Короткий вариант этого сказа был записан в 1946 г. от М. А. Потаповой. Озаглавлен нами.

Напечатано в сб. «Чапай», 22, 38, 26, 121. Озаглавлены нами.

Многие сказы говорят о том, что Чапаев не терпел трусов. Эту же его черту отмечает и Фурманов: «...ему и сами доводы должны быть представлены категорически и убедительно, — он терпеть не мог стонущих и мямлющих людей и обычно слов их в расчет не принимал, чтобы эти слова собою ни означали. Любил человек сильное, решительное, твердое слово. А еще больше любил решительное, твердое, умное дело» (стр. 126).

Рассказы о том, как Чапаев любил и выдвигал смелых людей и как перевоспитывал трусов, известны были еще до 1919 года. Эти рассказы Фурманов передает в повести словами извозчика Гриши (стр. 25).

30.

Записано в с. Николаевке, Перелюбского района, в 1937 г. от колхозницы Абашевой, 43 лет. Записал студент Дегтярев.

31.

Напечатано в сб. «Чапай», № 31.

32.

Записано в с. Б. Таволожка, Пугачевского района, в 1946 г. от колхозника А. Д. Некрасова. Записали автор этих строк и В. Архангельская.

Фурманов показывает глубокое понимание Чапаевым политики в подборе командиров. В дневниковой записи за 18 мая 1919 г. читаем: «У Чапая определенная линия: на все ответственные посты он назначает своих ребят. Сначала робеют, отмахиваются, просят в строй, в цепь, чтобы идти с винтовкой. Нет! Не показывает Чапай! Впрягайся и вези! Не выходит, спроси, учись, спать некогда... И с самых низов вытаскивает он своих товарищей и дает им ход. Когда освоятся с работой и войдут в курс дела — благодарны своему вождю. За ним идут. Да и как не идти... Недостаток знаний и умения искупаются энергией и желанием работать».

33.

Записано в с. Сулак, Чапаевского района, в 1946 г. от А. И. Тоболева. Записали студентки Н. Григорьева и В. Архангельская.

Многочисленные сказы на эту тему начали составляться при жизни Чапаева до начала 1919 г. Один из таких сказов Фурманов слышал еще до своего знакомства с Чапаевым. В повести этот сказ передан устами возницы Гриши (стр. 25).

34.

Записано в г. Пугачеве 18.VIII.1946 г. от А. Т. Киселева, 58 лет. Записала студентка Н. Григорьева.

35.

Записано в с. Б. Таволожка, Пугачевского района, в 1946 г. от колхозника Некрасова. Записали автор этих строк и В. Архангельская.

О неустойчивости Чапаева Фурманов говорит неоднократно в своих дневниках. Так, в записи 13 марта читаем: «Работник он неустойчивый. Голова его не знает иных забот кроме своего дела. Оно его поглощает всецело. В ночь моего отъезда, например, он сидел до шести часов утра и все разрабатывал план переброски полков на Шильную балку, писал приказы, говорил по прямому проводу с центром, а меня будил через каждый час, чтобы подписать тот или иной приказ. Работник, повторяю, неустойчивый».

36, 37.

Напечатаны в сб. «Чапай», № 100, 28. Вторая половина первого сказа помещена в нашем сборнике отдельно (см. № 47).

38.

Записано в г. Пугачеве 18.VIII.1946 г. от Т. Д. Овчинникова. Записали студентки В. Архангельская и Н. Григорьева.

В повести Фурманова Чапаев сам рассказывает о том, как он подарил часы раненому бойцу, когда встретил его в лесу возвращающегося в свою часть (стр. 202).

39, 40, 41, 42.

Напечатано в сб. «Чапай» № 65, 32, 127, 118. Второй случай с пленными записан также в с. Семеновке, Клинцовского района, от М. С. Гулина.

IV. БОЕВЫЕ ЭПИЗОДЫ

Начало 1918 г. ознаменовалось борьбой молодого советского государства с многочисленными врагами. Партия большевиков подняла советский народ на войну против иностранных интервентов и внутренней контрреволюции.

В Заволжье вспыхнули контрреволюционные восстания в ряде сел и в самом Николаевске. В городе восстание было быстро подавлено. В Балакове, Семенихе и некоторых еще селах быв. Николаевского уезда были подняты мятежи кулаков, руководимых белогвардейцами, эсерами и меньшевиками. Чапаев, избранный в это время начальником гарнизона города Николаевска, энергично организовывал отряды Красной Армии. В течение первых месяцев 1918 г. он разгромил несколько кулацких мятежей в уезде и в селе Балакове, где был зверски убит его брат — коммунист Григорий.

Весной 1918 г., когда белогвардейцы захватили с помощью белоказаков Уральскую область и угрожали среднему Поволжью, Саратовский Совет для борьбы с уральской контрреволюцией создал «Особую армию», куда вошел и Чапаев с отрядом в 700 бойцов с 4 орудиями и 20 пулеметами. Отряд был направлен против белоказаков.

Борьба с казачьей конницей, отличавшейся подвижностью и маневренностью, требовала большого искусства в ведении боя. Чапаев быстро усвоил тактику противника и начал одерживать одну победу за другой. Он дошел почти до Уральска, но в это время «Особая армия» была отрезана от Саратова, и ей пришлось отступить. Чапаеву было поручено прикрыть отход армии, что он и выполнял успешно.

Чапаев назначается командиром бригады и начинает большую работу по формированию частей и внедрению железной дисциплины. В июне 1918 г. в его Пугачевской бригаде было 3 тысячи штыков и сабель, 8 орудий и 65 пулеметов.

Борьба Красной Армии за завоевания Октябрьской революции осложнялась. Уральское и оренбургское белоказачество получало помощь от интервентов. 25 мая вспыхнул контрреволюционный мятеж чехословацкого корпуса на Волге, поддержанный интервентами. В июне белочехи с помощью эсеров захватили Самару и организовали там белогвардейско-эсеровскую власть — комитет учредительного собрания.

В августе после тяжелого уральского похода Чапаев сразу же был брошен на белочехов. В исключительно трудных условиях он одерживает над ними ряд блестящих побед: в Гусихе, Б. Таволожке, Николаевске. В сентябре 1918 г. Чапаев разбил контрреволюционную армию самарской «учредилки» под Орловкой и Ливенкой, искусно действуя во фланг и в тыл противника.

В сентябре 1918 г. Чапаев опять был направлен на Уральск, чтобы прикрыть фланг IV армии и содействовать тем наступлению советских войск на Самару. Чапаев занял Таловую и двинулся на Уральск. Белоказаки, стянув большие силы, пытались окружить Чапаева, но безуспешно.

В начале 1919 г. Чапаев, вернувшись после недолгого пребывания в военной академии, получил в командование Александрово-Гайскую бригаду и был направлен против уральских белоказачков. Комиссаром в бригаду прибыл Д. А. Фурманов. Чапаев занял станицу Сломихинскую.

Однако вскоре Антанта организовала новый поход на Советскую республику. Колчак занял Уфу и быстро

двигался на запад. С целью остановить врага на Восточный фронт было направлено пополнение из коммунистов, комсомольцев, рабочих. Командующим Восточным фронтом был назначен М. В. Фрунзе, членом Реввоенсовета — В. В. Куйбышев. В ударную группу контрнаступления М. В. Фрунзе включает и 25 дивизию, назначив Чапаева командиром. Дивизия одержала над войсками Колчака ряд побед. Под Белебеем чапаевцы разбили и отбросили на восток отборные войска корпуса Каппеля.

29 мая 1919 г. В. И. Ленин писал Реввоенсовету Восточного фронта: «Если мы до зимы не завоюем Урала, то я считаю гибель революции неизбежной». (Ленин, т. 35, стр. 330).

В наступлении на Уфу главный удар наносила 25-я дивизия. В ночь на 7 июня началось форсирование реки Белой под руководством Чапаева. Противник был застигнут врасплох. Но затем, оправившись от удара, колчаковцы начали обстрел переправы с самолетов. Был контужен Фрунзе и ранен в голову Чапаев.

Колчаковцы бросили в атаку отборные офицерские батальоны. Но атака была отбита. Войска Колчака в панике бежали. Уфа была занята советскими войсками.

За успешное руководство боями и личное мужество М. В. Фрунзе, Чапаев и многие командиры и бойцы были награждены орденами Красного Знамени.

После блестящей Уфимской операции 25-я дивизия вновь была направлена на Южно-Уральский фронт. Приказ М. В. Фрунзе требовал: «Не позже 12 июля освободить Уральск». Красная Армия продвигалась с большими трудностями. Белоказики поджигали ковыль; войска страдали от жары и безводья; казаки отравляли воду в родниках и колодцах. И все-таки дивизия Чапаева блестяще завершила операцию. Она преследовала ар-

мию генерала Толстова по выжженной степи в нестерпимой жаре, заняла Лбищенск и Сахарную.

В ночь на 5 сентября белоказаки ворвались в Лбищенск, где располагался штаб Чапаева с очень небольшим гарнизоном. Чапаевцы мужественно защищались, но были бессильны против во много раз превосходивших сил противника. Большинство бойцов и командиров гарнизона погибло. Только некоторые переплыли Урал и спаслись. Чапаев, повидимому, утонул, переплывая Урал.

Печатаемые в этом разделе «Боевые эпизоды» посвящены главным образом событиям гражданской войны на территории Саратовского Заволжья. Они говорят о подавлении кулацких мятежей против советской власти в Балакове и Семенихе, вспоминают о борьбе с белочехами в Таволожке, Гусихе и других местах, рассказывают о боях с войсками самарской «учредилки» под Орловкой и об освобождении Николаевска от мятежных чехословаков. Из неместных событий больше других известны бои под Уфой с войсками Колчака и походы на Уральск против белоказаков.

Общим мотивом боевых сказов является образ Чапаева, стремительно несущегося на врага впереди отряда с боевым кличем: «Вперед! Назад ни шагу!» Или: «Вперед! И только вперед!». Этот образ сложился на основе подлинных фактов. Приказ о награждении Чапаева гласит:

«На подступах к Самаре, занятой чехословаками, одним из первых переправился через реку Самарку, воодушевляя тем свои и соседние части, что способствовало быстрой переправе частей и занятию Самары. Всегда предводительствуя своими частями, он храбро и самоотверженно сражался в передовых цепях, неоднократно был ранен и контужен, но всегда оставался в

двигался на запад. С целью остановить врага на Восточный фронт было направлено пополнение из коммунистов, комсомольцев, рабочих. Командующим Восточным фронтом был назначен М. В. Фрунзе, членом Реввоенсовета — В. В. Куйбышев. В ударную группу контрнаступления М. В. Фрунзе включает и 25 дивизию, назначив Чапаева командиром. Дивизия одержала над войсками Колчака ряд побед. Под Белебеем чапаевцы разбили и отбросили на восток отборные войска корпуса Каппеля.

29 мая 1919 г. В. И. Ленин писал Реввоенсовету Восточного фронта: «Если мы до зимы не завоюем Урала, то я считаю гибель революции неизбежной». (Ленин, т. 35, стр. 330).

В наступлении на Уфу главный удар наносила 25-я дивизия. В ночь на 7 июня началось форсирование реки Белой под руководством Чапаева. Противник был застигнут врасплох. Но затем, оправившись от удара, колчаковцы начали обстрел переправы с самолетов. Был контужен Фрунзе и ранен в голову Чапаев.

Колчаковцы бросили в атаку отборные офицерские батальоны. Но атака была отбита. Войска Колчака в панике бежали. Уфа была занята советскими войсками.

За успешное руководство боями и личное мужество М. В. Фрунзе, Чапаев и многие командиры и бойцы были награждены орденами Красного Знамени.

После блестящей Уфимской операции 25-я дивизия вновь была направлена на Южно-Уральский фронт. Приказ М. В. Фрунзе требовал: «Не позже 12 июля освободить Уральск». Красная Армия продвигалась с большими трудностями. Белоказаки поджигали ковыль; войска страдали от жары и безводья; казаки отравляли воду в родниках и колодцах. И все-таки дивизия Чапаева блестяще завершила операцию. Она преследовала ар-

мию генерала Толстова по выжженной степи в нестерпимой жаре, заняла Лбищенск и Сахарную.

В ночь на 5 сентября белоказаки ворвались в Лбищенск, где располагался штаб Чапаева с очень небольшим гарнизоном. Чапаевцы мужественно защищались, но были бессильны против во много раз превосходивших сил противника. Большинство бойцов и командиров гарнизона погибло. Только некоторые переплыли Урал и спаслись. Чапаев, повидимому, утонул, переплывая Урал.

Печатаемые в этом разделе «Боевые эпизоды» посвящены главным образом событиям гражданской войны на территории Саратовского Заволжья. Они говорят о подавлении кулацких мятежей против советской власти в Балакове и Семенихе, вспоминают о борьбе с белочехами в Таволожке, Гусихе и других местах, рассказывают о боях с войсками самарской «учредилки» под Орловкой и об освобождении Николаевска от мятежных чехословаков. Из неместных событий больше других известны бои под Уфой с войсками Колчака и походы на Уральск против белоказаков.

Общим мотивом боевых сказов является образ Чапаева, стремительно несущегося на врага впереди отряда с боевым кличем: «Вперед! Назад ни шагу!» Или: «Вперед! И только вперед!». Этот образ сложился на основе подлинных фактов. Приказ о награждении Чапаева гласит:

«На подступах к Самаре, занятой чехословаками, одним из первых переправился через реку Самарку, воодушевляя тем свои и соседние части, что способствовало быстрой переправе частей и занятию Самары. Всегда предводительствуя своими частями, он храбро и самоотверженно сражался в передовых цепях, неоднократно был ранен и контужен, но всегда оставался в

строю. Благодаря его умелым маневрам Александрово-Гайской бригадой были разбиты казачьи банды генерала Толстова, что дало возможность нам овладеть Уральской областью». («Борьба классов», 1934, 12, стр. 55).

О появлении Чапаева во время боя в передовых цепях говорят многие сказы. Они подчеркивают при этом, как он умело воздействовал на массы, как увлекал их за собой, что и решало исход сражения. Подобные же случаи приводятся и Фурмановым в повести «Чапаев» (см. стр. 78, 19).

В документах отмечается быстрота действий и умелые маневры Чапаева. Славный командир 25-й дивизии всегда воодушевлял свои и соседние части, опережая действия противника. В документах говорится, что Чапаев постиг тактику врага и прекрасно знал местность. Отмечаются и личные боевые качества Чапаева, которые проявились в период командования отдельными боевыми отрядами. Может быть, этот как раз период, когда Чапаев организовывал бойцов, действуя личным примером, и запечатлен в образе командира, несущегося впереди отряда и увлекающего всех за собой.

Особенно раскрывает Чапаев свои природные дарования на посту командира 25-й дивизии, которая, как известно, сыграла огромную роль в контрнаступлении против Колчака весной 1919 года. Чапаев хорошо понимал значение этого наступления. 10 мая в приказе по дивизии он писал:

«На полях Бугуруслана, Кандыза и Бугульмы ныне решается участь Колчака, а с ним и всей контрреволюции. Еще одно небольшое усилие полков 25-й дивизии — и враг будет окончательно сломлен. Вперед, товарищи! Вся Россия и трудящиеся всех стран смотрят на

вас. Избавления от гнета буржуазии ждут от вас трудящиеся!» («Красный архив», 1940, I, стр. 80).

О непобедимости Чапаева было создано не только много различных сказов, но и легенд. Известно, что достаточно было слышать о приближении Чапаева, чтобы началась паника в войсках противника. Фурманов в дневниковой записи 1919 года писал, что слово «Чапай» наводило ужас на белую гвардию.

Иногда в сказах показывается единоборство Чапаева с генералом или полковником, кончающееся блестящим успехом Чапаева. В таких случаях сказ утрачивает свой реалистический характер и приближается к легенде. Иногда Чапаев изображается как богатырь в боевом поединке с целым отрядом, или он выскакивает вперед с криком: «Я — Чапаев, бросай оружие!» и уже этим ошеломляет врага.

Таким образом, одни и те же жизненные факты получают разное отражение в сказах: то реалистическое, то легендарно-фантастическое, но как в тех, так и в других Чапаев показан в полном соответствии с его подлинными качествами. Фурманов дает в повести более сложное понимание героя.

Подытоживая в конце повести свое понимание героического в Чапаеве, Фурманов говорит: «Где же конкретно те факты, которые нужно считать героическими? А молва о Чапаеве широкая, и молва эта, верно, более заслужена, чем кем-либо другим. Чапаевская дивизия не знала поражений, и в этом немалая заслуга самого Чапаева. Слить ее, дивизию, в одном порыве, заставить поверить в свою непобедимость, приучиться относиться терпеливо и даже пренебрежительно к лишениям и трудностям походной жизни, дать командиров, подобрать их, закалить, пронизать и насытить своей стреми-

тельной волей, собрать их вокруг себя и сосредоточить всецело на одной мысли, на одном стремлении — к победе, к победе, к победе, — о, это великий героизм! Но не тот, который с именем Чапаева связывает народная молва. По молве этой чудится, будто «сам Чапаев» непременно носился по фронту с обнаженной занесенной шашкой, сокрушал самолично врагов, кидался в самую кипучую схватку и решал ее исход. Ничего однако подобного не было, Чапаев был хорошим и чутким организатором того времени, в тех обстоятельствах и для той среды, с которою имел он дело, которая его породила, которая его и вознесла!» (стр. 266—267).

43, 44, 45, 46, 47, 48, 49.

Напечатано в сб. «Чапай», № 58, 67, 105, и 37, 100, 53. Первые два — под общим заголовком: «Дело было в 1918 году».

Сказ № 47 является окончанием сказа № 36. Сказ № 49 значительно сокращен. Оба озаглавлены нами.

Бой в д. Гусихе является одним из наиболее известных в Саратовском заволжье эпизодов чапаевской эпопеи. О нем знают все жители Гусихи и окрестных сел. В их рассказах много общего, но они сильно расходятся в деталях. В одних Чапаев быстро несется на машине, в других — верхом на коне, в третьих — на тачанке или на тройке, размахивая шашкой, но всегда стремительно и на ходу организуя расстроенные отряды и поднимая их на врага.

В кинофильме «Чапаев» Гусихинский бой дается как завязка сюжета. Этот эпизод раскрывает боевые качества Чапаева как командира: появление на поле боя в критический момент, организация бойцов на ходу и т. д.

В повести Фурманова о Гусихинском бое упоминается вскользь (стр. 126).

50.

Напечатано в сб. «Чапай», № 68.

51.

Записано в г. Пугачеве 18.VII.1946 г. от быв. командира 3-го Советского полка Чапаевской дивизии М. С. Патрикеева. Записала студентка В. Матюшина.

Образ Чапаева в боевом эпизоде идеализирован.

52.

Напечатано в газете «Социалистическое земледелие», № 83, 1936 г.

53, 54, 55, 56.

Напечатаны в ст. «Чапай» № 110, 114, 115, 24. Перепечатка с небольшими сокращениями. Последний сказ озаглавлен нами.

57, 58.

Записано в г. Пугачеве 18.VIII.1946 г. от К. Г. Киселева 65 лет. Записала студентка В. Матюшина.

О том, как Чапаев был ранен в голову и не ушел с поля боя, рассказывают в разных вариантах многие наши сказы.

В приказе о награждении Чапаева орденом Красного Знамени говорится: «В боях под Уфой (8 июня сего года), при форсировании реки Белой, лично руководил операцией и был ранен в голову, но, несмотря на это, не оставил строя и провел операцию, закончившуюся взятием города Уфы».

В выписке из журнала военных действий Туркестанской армии 9.VI.1919 года читаем: «В ночном бою ра-

ней в голову с аэроплана пачдив товарищ Чапаев». («Красный архив», 1940, I, стр. 93).

Фурманов в повести передает этот эпизод несколько иначе (см. стр. 228).

59, 60, 61, 62, 63, 64.

Перепечатано с небольшими сокращениями из сб. «Чапай» (№№ 34, 69, 58, 61, 96, 98). Первые четыре сказа озаглавлены нами.

65.

Напечатано в газ. «Соц. земледелие» 23.I.1935 г.

66.

Записано в г. Пугачеве в 1946 г. от М. С. Патрикева. Записала студентка В. Архангельская (см. также сб. «Чапай», № 103). Центральный мотив этого боевого сказа, когда Чапаев ошеломляет врага, выскакивая вперед с криком: «Я — Чапаев!», представляет собою вариант сказов №№ 30, 63, 66 и др.

67.

Записано в г. Пугачеве 17.VIII.1946 г. от М. С. Патрикева. Записала студентка В. Матюшина.

О значении коня в боях гражданской войны, когда исключительную роль играла кавалерия, говорится и в других сказах.

68.

Воспоминание Мурункина. Хранится в музее Чапаева в Пугачеве.

69.

Записано в с. Николаевка, Перелюбского района, 9.VII.1937 г. от колхозника Р. А. Шепелева, 43 лет. Записал студент Дегтярев.

70, 71, 72, 73, 74.

Напечатано в сб. «Чапай», №№ 97, 109, 115, 117, 17. Сказы №№ 72, 73 озаглавлены нами. Сказ № 74 печатается с сокращением.

О поездке на машине в разведку, в стан белых говорят многие другие сказы (см. сб. «Чапай», №№ 17, 105, 107). В повести Фурманова тоже встречается эпизод, напоминающий эти сказы.

75.

Записано в с. Покровка, Перелюбского района, в 1947 г. от колхозника Н. Д. Вирясова. Записала студентка В. Матюшина.

76.

Записано в с. Б. Таволожка, Пугачевского района, 11.VII.1946 г. от А. Д. Некрасова, 65 лет. Записали автор этих строк и В. Архангельская.

77, 78, 79.

Напечатаны в сб. «Чапай», № 10, 21, 107. Сказ № 78 озаглавлен нами.

Тема о том, как Чапаев появляется в трудный для наших войск момент боя, как он ободряет своим неожиданным появлением бойцов и ошеломляет противника, опрокидывая его, — одна из постоянных в сказах боевой тематики. Основанием для нее послужили многие подлинные факты из истории действия Чапаевских отрядов. Ярким примером является бой в Гусихе, исход которого решило внезапное появление Чапаева.

Можно думать, что данный эпизод заимствован из повести Фурманова. В повести об этом рассказывает сам Чапаев. Он вспоминает, как по ошибке заехал в

село, занятое белыми: «Ну-ка лопни шина, что от меня осталось бы» (стр. 108—109).

В народном сказе шина лопається. Конец этого эпизода передается в плане легенды. Из трудного положения Чапаев выходит героем.

У. БЫТ И ОТДЫХ

Основная мысль этого цикла сказов—показать исключительную близость Чапаева к народным массам, к рядовым воинам чапаевских отрядов и дивизии — в первую очередь.

Сказы лишь мимоходом отмечают те исключительно трудные материальные условия, в которых находилась героическая Красная Армия в годы гражданской войны. Вспоминается главным образом светлое и значительное.

В сказах этой тематики, как и во всех остальных, центральным образом является Чапаев. Василий Иванович был прост в обращении с людьми, располагал к себе искренностью, правдивостью, чуткостью, — он был заботливым командиром и хорошим другом рядовых бойцов. Все эти качества и отмечают народные сказы. Они ставят в заслугу Чапаеву то, что строгую требовательность командира к себе и своим соратникам он умел сочетать с простыми товарищескими отношениями к ним. Простота и близость командира с бойцами особенно отмечалась на отдыхе и совместном веселье, пении и пляске.

80.

Записано в с. Перекопное, Чапаевского района, в августе 1946 г. от Ф. И. Куликова, 64 лет. Записали автор этих строк и студентка Н. Григорьева.

Федот Иванович Куликов — мордвин, старожил с. Перекопное, очень живой и остроумный человек.

Он нас уверял, что в эпизоде кинофильма с «ветеринарным врачом», которого Чапаев требовал проэкзаменовать, речь идет о нем. Он подробно с большим юмором рассказал нам историю своего продвижения от лекаря-коновала до «полкового врача». Однако рассказы эти не лишены и некоторого чувства гордости, которое испытывал Федот Иванович при воспоминании о своей роли в гражданской войне и об отношении к нему Чапаева.

В кинокартине эпизод с экзаменом построен целиком по повести Фурманова (см. главу «Освобождение Уральска», стр. 246).

81.

Записаны в г. Пугачеве 19.VII.1946 г. от быв. чапаевца Т. Д. Овчинникова. Записала студентка В. Матюшина.

Фурманов в дневнике также отмечает, что Чапаев не любил азартных игр. Так, в записи от 17 марта 1919 г. читаем: «Уж, если подошло, скажу еще, что он совершенно не пьет, не курит, не играет в карты».

82, 83.

Напечатано в сб. «Чапай», №№ 124, 25. Последний сказ озаглавлен нами.

84.

Записано в с. Н. Покровка, Перелюбского района, 10.VII.1937 г. от А. К. Долгушева, 48 лет. Записал студент Чекмарев.

85.

Записано в г. Пугачеве 18.VIII.1946 г. от К. Г. Киселева. Записала студентка Н. Григорьева.

86.

Записано в с. Гусиха, Ивантеевского района, 9.VII.1946 г. от Р. Е. Буланова. Записала автор этих строк.

О том, как Чапаев любил хоровое пение и как часто на отдыхе пел вместе с красноармейцами, говорится во многих сказах. Участие Чапаева в исполнении песен вместе с бойцами неоднократно отмечал и Фурманов. Так, 10 апреля он записал: «Это обстоятельство (т. е. совместное пение песен — Т. М.) служило цементом, который еще ближе, еще крепче сплавлял командиров с красноармейской массой... Я слышал разговоры армейцев. Они в восторге от митинга и вообще от всего вечера; у них получилось самое лучшее впечатление от этой неподдельной, очевидной дружбы с ними их даже высших командиров».

В дневниковой записи 6 октября 1918 г. Фурманов говорит: «Когда мы собирались вчетвером: Чапаев, Исаев, Петров и я, — мы всегда пели любимую чапаевскую песню:

Ты, моряк, красив собою,
Тебе всего от роду 20 лет,
Полюби меня, моряк, душою,
Что ты скажешь мне в ответ?

По морям, по волнам,
Нынче здесь, а завтра там...
Эх, по морям, морям, морям, морям,
Нынче здесь, а завтра там.

Это была у нас самая любимая и самая дружная песня. Были и другие: «Сижу за решеткой в темнице

сырой», или «Из-за острова на стрежень». Были и еще — только я тем песням не научился. Чапай голосу собственному никакого не имел, но заливался всегда резким, громким, металлическим тенором. Он утверждал, что раньше пел великолепно и был в хору одним из первых. Теперь он, правда, особого эффекта не производил, зато пел увлекательно, заразительно и весело. В песне Чапаев весь отдавался наслаждению, душа у него была напевная.

Петь он был согласен когда угодно: и днем и ночью, дома и в поле, после боя и перед боем. В этом отношении он был даже несколько неосторожен: заливался и увлекал нас, даже подъезжая к позиции. Однажды темным вечером в открытом поле мы заливались отчаянно, имея с собой человек 10 ординарцев. В ту ночь мы заблудились и ночевали в поле. А поблизости, оказывается, были казаки. Мы были совсем неподалеку от позиции.

Но лишь только объявлялось дело, — песню обрывали на полуслове, оставляли недопетой. Чапаев становился суровым, строгим, спокойно сосредоточенным: он думал».

VI. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С НАСЕЛЕНИЕМ

В настоящем разделе приведены сказы, характеризующие взаимоотношения Чапаева с населением Заволжья. В народе памятны многие случаи того, как поддерживало крестьянство Чапаева и его отряды. Эта поддержка тыла была важнейшим условием победы Красной Армии в гражданской войне. «Красная Армия победила потому, что она была верна и предана до конца своему народу, за что и любил ее и поддерживал

народ, как свою родную армию. («Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 233).

Борьба Чапаева за дисциплину в армии — одна из постоянных тем сказов. Трактовка этой темы в них мало чем отличается от трактовки ее Фурмановым в повести «Чапаев». Как там, так и в этом случае подчеркивается большое значение воспитательной работы, которую проводил Чапаев с бойцами в целях укрепления дружбы с народом. В таком же плане подан этот материал и в фильме бр. Васильевых.

Кроме сказов, показывающих взаимоотношения Чапаева с местным населением, в этом же разделе помещены некоторые из сказов, создавшихся в казачьих станицах (№№ 101—108).

Из этих сказов и легенд в народной памяти сохранились лишь такие, которые не снижают облика народного героя.

Д. А. Фурманов 26 февраля 1919 г. записывает в дневнике: «...Его просто зовут «Чалай». Это слово наводит ужас на белую гвардию. Там, где слышит она его приближение, подымается сумятица и паника во вражьем стане, казаки в ужасе разбегаются, ибо еще не было, кажется, ни одного случая, когда бы Чапай был побит. Личность совершенно легендарная».

Как правило, эти сказы носят фантастический характер и интересны лишь более поздними вариантами, т. е. в пересказе советских людей. Пересказчики не признают фантастики. Они стараются дать реалистическую мотивировку слухам о неуловимости Чапаева. Например: «Старые неграмотные казаки считали Чапаева антихристом, так им попы наговорили про него, и они, как услышат, что наступает Чапаев, так бежать».

В некоторых сказах ужас противника перед чапаевским отрядом рисуется комически:

«Один раз чехи расположились около деревни и начали варить кашу. Про Чапаева они слыхали, что он находится недалеко. Только у них каша закипела, приготовились они есть, как раздался глухой звук. Они повскакали, — и наутек, не отведав своей каши. А дело то было в том, что недалеко у пруда женщина полоскала белье — вальком хлопала. А чехам показалось, что это чапаевская артиллерия».

В конце раздела приводится два варианта сказа о покушении на Чапаева.

87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100.

Напечатаны в сб. «Чапай», №№ 65, 66, 72, 74, 76, 75, 85, 86, 89, 71, 77, 73, 87, 18.

Сказы №№ 87, 88, 100 перепечатаны с небольшими сокращениями. Сказы №№ 74, 96, 97, 98 и 99 озаглавлены нами.

101, 102.

Записано в г. Пугачеве, 18.VIII.1946 г. от Т. Д. Овчинникова. Записали студентки В. Архангельская, Н. Григорьева и В. Матюшина.

103, 104.

Из записей заведующего районным музеем г. Пугачева В. И. Журавлева.

105.

Записано в г. Пугачеве 18.VIII.1946 г. от И. Н. Ушакова. Записала студентка В. Архангельская.

106, 107, 108.

Напечатано в сб. «Чапай», №№ 23, 19, 80. Озаглавлены нами.

VII. ГИБЕЛЬ ЧАПАЕВА

Сказы о гибели Чапаева многочисленны и разнообразны. Они начали слагаться сейчас же после лбищенской катастрофы. Об этом пишет Фурманов, об этом же говорят и многие чапаевцы. Различие вариантов этих сказов объясняется обычно тем, что не было очевидцев гибели Чапаева, а также тем, что не был найден его труп, несмотря на очень тщательные поиски. В официальном донесении о событиях 5 сентября 1919 г. о смерти В. И. Чапаева говорится предположительно: «Погиб Батурин и, по всей вероятности, и Чапаев». («Красный архив», 1940, I, стр. 120).

Д. Фурманов, бывший в это время в Туркестанской армии, напечатал листовку «Памяти героя пролетарской революции и полководца Василия Ивановича Чапаева». Он говорит также о различных вариантах слухов и сказов о гибели народного героя:

«Существует несколько версий рассказов о том, как погиб Чапаев, но одна из них является наиболее часто повторяемой, наиболее вероятной...

Чапаев, ...собрав человек десяток храбрецов, пытался было прорваться сквозь густую цепь казацкой конницы. Но патроны уже подходили к концу, а дополнить было неоткуда. Казаки, видя это, напирали все смелей и смелей. Вот уже наших прижали к самому берегу, вот они стоят почти безоружные и частью кидаются с крутого откоса в мутные воды Урала, частью гибнут здесь же на месте, пробитые казацкими пулями.

Чапаев все еще крепится. Он в одной руке держит винтовку, в другой револьвер. Выхода совершенно никакого нет, но он все еще не сдается. Уже много трупов полегло вокруг него, много бойцов утонуло в холодных

волнах, а Чапаев, словно привидение, все еще стоит на обрыве. Кто видел, говорит, что это была замечательная, сильная, душу раздирающая картина. Он был уже ранен в руку и в лицо. По щеке струилась кровь, он вытирал ее рукавом рубахи. Потом видели, как он опустился на землю, может быть раненный еще раз. Снял сапоги и кинулся в волны. Больше его не видели. Раненый и обессиленный он не мог переплыть широкий и беспокойный Урал.

Иные говорят, что он все-таки доплыл до следующего берега и уже только на берегу умер от жестокой раны, полученной от пушенной в догонку с другого берега пули. Казаки по обеим сторонам Лбищенска поставили пулеметы и косили жестоким огнем всех кидающихся в воду. Одна из этих пуль, видимо, положила и Чапая. Иные говорили, что он забрался на бродившего в степи верблюда и уехал. Но все это мало вероятно. Чапаев утонул в Урале». («Красный архив», 1940, I, стр. 122).

Исключительная любовь и преданность чапаевцев к своему командиру-герою, вера в его непобедимость поддерживали надежду на то, что Чапаев спасся, что Чапаев жив, и эта надежда способствовала распространению различных сказов и легенд о нем сразу же после Лбищенской катастрофы. Впоследствии, четверть века спустя, легенды на эту тему вновь возродились в условиях Великой Отечественной войны (№ 116). Предполагали, что он переплыл Урал и скрылся в степях у казахов. Склонны были скорее считать, что он покончил с собой, но не хотели верить, что он погиб от белоказачков.

4 октября 1919 г. командующий войсками Туркестанского фронта М. В. Фрунзе отдал приказ, в котором говорится: «Главные силы врага на нашем фронте раз-

громлены окончательно... Пусть не смущает вас ничтожный успех врага, сумевшего налетом кавалерии расстроить тыл 25 дивизии и вынудить ее части несколько отойти к северу. Пусть не смущает вас известие о смерти доблестного вождя 25 дивизии тов. Чапаева и ее военного комиссара тов. Батурина. Они пали смертью храбрых, до последней капли крови и до последней возможности отстаивая дело родного народа.

Я ожидаю от всех войск 4-й армии строгого и неуклонного выполнения революционного долга. Ожидая, что их мощный сокрушительный удар разобьет все надежды врага и отомстит за гибель своих вождей. Теснее смыкайте ряды, товарищи, крепче сжимайте винтовки в руках и смело вперед на полуждыхающего, но все еще дерзко сопротивляющегося врага.

В увековечение светлой памяти героя 25 дивизии тов. Чапаева реввоенсовет Туркфронта постановил: «...присвоить 25 дивизии наименование «Дивизия имени Чапаева».

...Вечная слава погибшим борцам! Мщение и смерть врагам трудового фронта!

Командующий Туркфронта ФРУНЗЕ¹.

109.

Записано в г. Пугачеве 18.VIII.1946 г. от Т. Д. Овчинникова. Записали студентки В. Матюшина и Н. Григорьева.

110.

Записано в с. Сулак 22.VIII.1946 г. от А. И. Тоболева. Записали студентки В. Архангельская и Н. Григорьева.

¹ М. В. Фрунзе на фронтах Гражданской войны. Сб. документов, М. 1941.

111, 112, 113, 114.

Напечатаны в сб. «Чапай», №№ 132, 131, 130 и 129. Заголовок последнего сказа изменен нами.

115.

Записано в колхозе им. Кирова, Пугачевского района, от Ф. Б. Бузаева.

116.

Записано в г. Саратове со слов студентки Саратовского Университета В. Бескровной, которая слышала этот рассказ от старого возчика санатория Черемшаны. Записала составительница сборника.

Легенды о том, что Чапаев жив и бьется с фашистами в рядах Советской Армии, были известны в годы Великой Отечественной войны и в других местах.

Легенда о том, что Чапаев сражался против фашистских войск, легла в основу песни Я. Шведова и переложена на музыку композитором П. Акуленко. Песня называется «Сказ о Чапаеве». Она напечатана в сборнике «Солдатский песенник» (Музгиз, 1950, стр. 36, 37). Вот она полностью:

Сказ этот родился
На вольном Дону,
В боях и атаках
За нашу страну,
Как в годы Великой
Священной войны
Сражался Чапаев
За счастье страны.

В июньскую полночь
Услышал Чапай:

«Напали фашисты
На светлый наш край».
Выходит Чапаев
На берег крутой:
«Ко мне, друг мой верный,
Мой конь боевой!

Солдатские трубы
В дорогу зовут,
Меня в двадцать пятой
Дивизии ждут!»
Помчался Чапаев
На запад, на фронт...
Пылал перед ним
Вдалеке горизонт.

И ночью суровой
В жестоком бою
Чапаев сразился
За землю свою.
Он в бурке казачьей,
Под бурей огня,
Поил из Днепра
Боевого коня.

И нынче Чапаев
С бойцами в строю,
Хранит вместе с ними
Отчизну свою.
Кто жизнь честно отдал
В боях за народ,
Тот в памяти нашей
Навеки живет.

СОДЕРЖАНИЕ

Народный герой В. И. Чапаев (предисловие) . . .	3
I. Чапай	23
1. Большевистская закалка	23
2. „За Ленина, за Сталина!“	26
3. Меткие ответы	27
4. „Политический был человек“	28
5. Неустрашимый воин	28
6. Агитатор	29
7. „Где он — там победа“	29
8. Почетный гость	30
II. В отряд к Чапаеву	40
9. Самооборона города Пугачева	40
10. „Кто со мной — отходи влево“	41
11. „Запишите меня в Красную Гвардию“	43
12. „К Чапаеву примыкали все, кому не было радости в старой жизни“	44
13. В отряд к Чапаеву	45
14. „Для революции себя не пожалею“	47
15. „Вся Покровка вошла в полк Гарибальди“	50
16. С отрядом Чапаева	50
17. „Кто с нами — тот за нами!“	52

18. Самый любимый командир	53
19. В Пугачеве	54
III Воспитание бойцов	56
20. На митинге	56
21. „Все пойдем в бой“	57
22. Из воспоминаний чапаевца	57
23. Освобождение Уральска	60
24. Бой в Таловке	62
25. „Как одному семерых не бояться“	63
26. „Наша возьмет!“	64
27. „Не забудь лошадь накормить“	65
28. „Веди их сюда, я сосчитаю“	65
29. Воспитание примером	66
30. „Я буду идти вперед, а вы—за мной!“	67
31. Слово Чапая	68
32. Настойчивость и вера	69
33. Проверка караулов	70
34. „Следил за порядком“	70
35. Напутствие	71
36. Учеба под огнем	72
37. „Бог послал“	73
38. На память!	74
39. Первая встреча	76
40. Как Чапаев наказывал	79
41. Два случая с пленными	81
42. Пленные удивлялись	83
IV. Боевые эпизоды	85
43. Дело было в 1918 году	85
44. Решительное наступление	87
45. „Обратитесь к Чапаеву“	88
46. В бою и на отдыхе	90
47. Под Гусихой	94

48. „А где твоя бочка?“	95
49. Бой под Таволжанкой	97
50. Переименование города	98
51. „Вот гляди, как Чапаев рубит“	100
52. Случай с мортирой	102
53. Во время боя под Уфой	104
54. Незабываемые встречи !“	105
55. Под командой Чапаева	108
56. Назад—ни шагу!	112
57. Переправа через Белую	113
58. Раненые	113
59. „Какая перевязка—бой идет!“	113
60. Две раны !	114
61. „Раздавить белых гадов!“	115
62. Чапаевцы чужого добра не берут	116
63. Бой под хутором Коровиным	118
64. Его отвага	120
65. Разговор с белым генералом	121
66. „Я—Чапаев! Бросай оружие!“	122
67. Боевой друг	124
68. На пути к Уральску	125
69. „Чапаев—это ураган“	126
70. Он учил бить без промаха	127
71. Походы на Уральск!	128
72. От Уральска до Гурьева	133
73. Наш Чапаев	137
74. Как Чапаев беляков перехитрил	141
75. В отряде Чапаева	144
76. Всегда впереди	147
77. Чапаев и генерал	148
78. В поселке	149
79. Смелость и находчивость	150

V. Быт и отдых 153

80. Как я у Чапаева „врачом“ был	153
81. „Не любил азартной игры“	156
82. Пресекал на месте	157
83. Дурная привычка	158
84. „Любил сказки о богатырях“	159
85. Весельчак	159
86. Любимая песня	159

VI. Взаимоотношения с населением 161

87. „Для Чапаева ничего не жалко“	161
88. Когда не будет войны	163
89. Гордились доверием Чапаева	164
90. Подарок Чапаеву	166
91. Чапаев нам помогал, и мы ему помогали	168
92. Крестьяне помогали чапаевцам	169
93. С документами от Василия Ивановича	171
94. „Я за одну партию — за большевиков“	172
95. „Чапаев нас ободрял“	173
96. Защитник бедноты	174
97. Чуткость	176
98. Подарок Чапзева	177
99. „Я в боевой час шуток не люблю“	178
100. Друг и любимый герой	179
101. Бударинский сказ	183
102. В Белебее рассказывали...	183
103. „Нарисует лодку и улетает“	183
104. „Ни шашка, ни пуля не берет“	183
105. Цена головы	184
106. Белогвардейская карикатура	184
107. Догадка Чапаева	185
108. Кулацкая хитрость	186

VII. Гибель Чапаева	188
109. Бурка Чапаева	188
110. Сулакская легенда	189
111. „Не мог Чапаев погибнуть!“	190
112. „А может, это легенда“	192
113. Как погиб Чапаев	193
114. Последний день Василия Ивановича	196
115. Сказка про Чапая	202
116. В боях против фашистов	206
Комментарии	207

Редактор *М. Котов*.
Корректоры *С. Дмитриева* и *Л. Семенова*.
Художник *Б. Миловидов*

НГ18105. Подп. к печати 10/XI. Тираж 5000.
Бумага $60 \times 92 \frac{1}{2}$ — 3,82 бумажного — 7,63 печат-
ных листов. Учетно-издательских листов 7,3
Цена 3 р. 65 к. Переплет 2 р.

Саратов. Типогр. № 1 Облполиграфиздата.
Заказ 3317

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стран.	Строка	Напечатано	Читать
4	6 снизу	праобраз	прообраз
128	11 сверху	А над Ореховкой...	А под Ореховкой...
154	9 сверху	Ну, я ее и принимаю	Ну, я ее не принимаю.
167	8, снизу	...чех, и от обоза...	...чехи от обоза...
208	7 снизу	...а кустарник (белые офицеры)...	...(белых офицеров), а кустарник...

5 p. 65 K.